
РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Труды Санкт-Петербургского
криминологического клуба**

№ 2 (17), 2009

**Юбилейный выпуск, посвященный 60-летию
доктора юридических наук, профессора
Д. А. Шестакова**

Санкт-Петербург
2009

ББК 67
УДК 343
К 82

Редакционная коллегия

Ван Я. (Китай)

Гилинский Я. И. (Россия)

Гондолф Э. (США)

Данилов А. П. (Россия) — ответственный секретарь

Дикаев С. У. (Россия) — И.О. главного редактора

Константинова Т. П. (Россия)

Кури Х. (Германия)

Милюков С. Ф. (Россия)

Носкова И. А. (Россия)

Поклад В. И. (Украина) — заместитель главного редактора

Сморгунова В. Ю. (Россия) — заместитель главного редактора

Сулейманов Д. И. (Азербайджан)

Сыдыкова Л. Ч. (Кыргызстан)

Тугельбаева Б. Г. (Кыргызстан) — заместитель главного редактора

Хэслер В. (Швейцария)

Чураков А. В. (Россия)

Шестаков Д. А. (Россия)

К 82

Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2009. – № 2 (17). – СПб., 2009. – 208 с.

Издание выходит под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д. А. Шестакова с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, частные криминологические проблемы, криминологические отрасли, а также деятельность Санкт-Петербургского криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невиско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский криминологический клуб
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224

Факс: (+7 812) 312 99 10

Электронная почта: criminology_club@mail.ru

Сайт: <http://criminology.narod.ru>

ISBN 978-5-985-29110-0

© Санкт-Петербургский криминологический клуб, 2009

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A. I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
CRIMINOLOGY
CLUB

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

**Works of St. Petersburg
Criminology Club**

№ 2 (17), 2009

**Anniversary Edition
Devoted to the 60th Birthday of
D.A.Shestakov, Doctor of Laws, Professor**

St. Petersburg
2009

ББК 67
УДК 343
К 82

Editorial board:

Daniĭlov A. P. (Russia) – Executive Secretary
Dikaev S. U. (Russia) – Executing duties Chief Editor
Gilinskiy Y. I. (Russia)
Gondolf E. (USA)
Haesler W. (Switzerland)
Konstantinova T. V. (Russia)
Kury H. (Germany)
Miliukov S. F. (Russia)
Noskova I. A. (Russia)
Poklad V. I. (Ukraine) – Assistant of the Chief Editor
Shestakov D. A. (Russia)
Smorgunova V. Y. (Russia) – Assistant of the Chief Editor
Sulejmanov D. I. (Azerbaijan)
Sydykova L. T. (Kyrgyzstan)
Tugelbaeva B. G. (Kyrgyzstan) – Assistant of the Chief Editor
Wang Y. (China)
Churakov A.V. (Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: Works of St. Petersburg Criminology Club. 2009. № 2 (17). – St. Petersburg, 2009. – 208 p.

The publication, edited by Distinguished Scholar of the Russian Federation, Professor D. A. Shestakov, J.D., LL.D., has been published since March 2001. The initial name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal.» The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of St. Petersburg Club of Criminology, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg Criminology Club
Nab. Moyki 48 Herzen University Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224
Fax: (+7 812) 312 99 10
E-mail: criminology_club@mail.ru
Website: <http://criminology.narod.ru>

ISBN 978-5-985-29110-0

© St. Petersburg Criminology Club, 2009
© Russian State Pedagogical University of
A. I. Herzen, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ДМИТРИЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ ШЕСТАКОВУ – 60 ЛЕТ 11

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Научные направления, школы и теории криминологии

Шестаков Д. А. (Россия, Санкт-Петербург). Постлиберальный статус криминологии 13

Противодействие преступности

Кури Х. (Германия, Фрайбург). Криминологический прогноз поведения сексуальных и опасных преступников: немецкий опыт ... 22

Указ Президента Республики Беларусь № 244 от 29.05.2007 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» 38

Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь. – Утвержд. Указом Президента Республики Беларусь № 244 от 29.05.2007 39

Методологические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь 44

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Преступления несовершеннолетних и против несовершеннолетних

Харламов В. С. (Россия, Санкт-Петербург). Молодёжная преступность в Санкт-Петербурге и её профилактика органами внутренних дел 51

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

Политическая криминология

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА «Август 2008-го: события в Южной Осетии в свете новых отраслей криминологии и международного уголовного права» от 26.09.2008 года

Бачинин В. А. (Россия, Санкт-Петербург). О духовном смысле войны: опыт политико-теологической рефлексии 77

Лунеев В. В. (Россия, Москва). Национализм живуч 75

Овчинский В. С. (Россия, Москва). Мир после принуждения 81

<i>Голик Ю.В.</i> (Россия, Москва). Грузия должна быть признана субъектом преступления	84
<i>Богданов Е. В.</i> (Республика Белоруссия, Минск). События августа 2008 года в Южной Осетии в контексте теории конфликта	88
<i>Гишинский Я. И.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Оценка событий в Южной Осетии: двойные стандарты	90
<i>Дикаев С. У.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Преступления в Южной Осетии как политическая провокация	91
<i>Милоков С. Ф.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Война в Южной Осетии: реальная или виртуальная?	93
<i>Лопушанский И. Н.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Международно-правовые аспекты событий на Кавказе в контексте геополитических интересов России и США	96
<i>Данилов А. П.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Противодействие внешнегосударственному и надгосударственному уровням преступности в свете событий в Южной Осетии	98
<i>Апухтин Ю. С.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Частные военные компании: новая цель политической криминологии	104
<i>Носкова И. А.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Средства массовой информации в освещении конфликта Грузии и Южной Осетии	108

Политическая криминология

<i>Овчинский В. С.</i> (Россия, Москва). Криминология кризиса (часть I)	112
---	-----

Криминология закона

<i>Кайзер Г.</i> Уголовное право и криминология без страха соприкосновения	122
<i>Денисов С. В.</i> (Россия, Нижний Новгород). Лишение свободы как вид наказания и некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства	136

Экологическая криминология

<i>Тангиев Б. Б.</i> (Россия, Санкт-Петербург). К вопросу качества подготовки криминологов и дипломированных специалистов в области обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды	141
--	-----

Семейная криминология

Мелешко Н. П. (Россия, Ростов-на-Дону). Домашнее насилие в современной России: криминологические проблемы противодействия 146

Пенология

Накипов Б. (Республика Казахстан, Алматы). Понятие и значение рецидива преступлений 168

Гендерная криминология

Милоков С.Ф. (Россия, Санкт-Петербург). Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы 173

4. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ 178

5. ТЕРМИНЫ, ВВЕДЁННЫЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ

Д. А. ШЕСТАКОВЫМ 189

Резюме 193

К нашим авторам 204

CONTENT

DMITRIY ANATOLIEVICH SHESTAKOV IS 60 11

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

Orientations of Research, Schools and Criminological Concepts

Shestakov D.A. (Russia, St.-Petersburg). The Post-Liberal Status of Criminology 13

Crime Prevention

Kury H. (Freiburg, Germany). Prognosis of Dangerousness of Sex Offenders and Violent Offenders Experiences from Germany 22

Decree of the President of the Belarus Republic № 244, May 29, 2007 «Criminological Expertise of the Belarus Republic Legislation Drafts» 38

Provisions of criminological expertise procedure of the Belarus Republic legislation drafts – Approved by the decree of the President of the Belarus Republic №244, May 29, 2007. 39

Methodological recommendations on the criminological expertise procedure of the Belarus Republic legislation drafts. 44

2. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

Crimes by Juveniles and Crimes against Juveniles

Harlamov V.S. (Russia, St.-Petersburg). Youth Crime in St.-Petersburg and its Prevention by the Internal Affairs Agencies 51

3. CRIMINOLOGICAL AREAS

Political criminology

The round-table materials of St.-Petersburg Criminology Club «August 2008: the Events in South Osetia in the Light of New Branches of Criminology and International Criminal Law». September 26, 2009.

Bachinin V.A. (Russia, St.-Petersburg). The Spiritual Sense of the War: the experience of political-theological reflection 71

Luneev V.V. (Russia, Moscow). Enduring Nationalism 75

Ovchinskiy V.S. (Russia, Moscow). The World after the Compulsion 81

Golic Yu.V. (Russia, Moscow). Georgia must be Recognized as the Subject of a Crime	84
Bogdanov E.V. (Republic of Byelorussia, Minsk). The August 2008 Events in South Osetia in the Context of the Conflict Theory	88
Gilinskiy Ya.I. (Russia, St.-Petersburg). Estimation of South Osetia Events: Double Standards	90
Dikaev S.U. (Russia, St.-Petersburg). Crimes in South Osetia as a Political Provocation.....	91
Milyukov S.F. (Russia, St.-Petersburg). The War in South Osetia: Real or Virtual?.....	93
Lopushinskiy I.N. (Russia, St.-Petersburg). The International Law Aspects of Caucasian Events in the Context of Geopolitical Interests of Russia and the USA	96
Danilov A.P. (Russia, St.-Petersburg). The Counteraction to Foreign-National and Above-National Crime Levels in the Light of Events in South Osetia	98
Apukhtin Yu.S. (Russia, St.-Petersburg). The Private Military Companies: a new aim of political criminology	104
Noskova I.A. (Russia, St.-Petersburg). The Mass Media about the Conflict between Georgia and South Osetia.....	108
Ovchinskiy V.S. (Russia, Moscow). Crisis Criminology (Part I).....	112
Criminology of law	
Kaiser G. Criminal Law and Criminology are not Afraid of Contact	122
Denisov S.V. (Russia, Nizhni Novgorod). Imprisonment as a Measure of Punishment and Some Issues of the Criminal Legislation Improvement	136
Ecological Criminology	
Tangiev B.B. (Russia, St.-Petersburg). The Training of Criminologists and Qualified Specialists in the Field of Environmental Security and Protection	141
Family Criminology	
Meleshko N.P. (Russia, Rostov-on-Don). Domestic Violence in Modern Russia: criminological problems of counteraction	146
Penology	
Nakipov B.The Concept and Meaning of Crime Repetition (Republic Kazakhstan, Almaty).	168

Gender Criminology

Milyukov S.F. (Russia, St.-Petersburg). The official opponent`s review of the doctor of laws dissertation by L.M. Scherbakova «Women`s Violent Crime in Modern Russia: criminological problems» 173

4. AT CRIMINOLOGY CLUB 178

5. THE TERMS INTRODUCED BY D.A. SHESTAKOV INTO SCIENCE 189

Summary 199

To our Authores 204

ДМИТРИЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ ШЕСТАКОВУ – 60 ЛЕТ!

Трудно поверить, но 2 января 2009 г. доктору юридических наук, профессору Дмитрию Анатольевичу Шестакову исполняется 60 лет!

Дмитрий Анатольевич принадлежит к следующему за нами – старикам – поколению отечественных криминологов (прежде всего, хотя у проф. Шестакова обширный опыт преподавания и уголовного права).

В 1971 г. Дмитрий Анатольевич окончил юридический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. После работы в прокуратуре он закончил аспирантуру по кафедре уголовного права юридического факультета ЛГУ, 24 июня 1977 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию «Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор», а 31 мая 1986 г. в ЛГУ – докторскую диссертацию «Криминологические проблемы семейных отношений». С аспирантских лет (1973 – 1975 гг.) Дмитрий Анатольевич прошел весь путь до профессора на кафедре уголовного права ЛГУ – СПбГУ. С 2001 г. он – профессор Санкт-Петербургского университета МВД РФ и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

При всей многогранности научной и педагогической деятельности Д.А. Шестакова, славу ему принесли оригинальная теоретическая концепция преступности как свойства общества порождать преступления, воплощенного в единстве преступного множества и причинного комплекса, доктрина преступных подсистем, а также создание и развитие в России семейной криминологии (криминофамилистики).

Лекции по семейной криминологии Д.А. Шестаков читал в университетах Нью-Йорка и штата Пенсильвании.

Дмитрий Анатольевич много сделал для обеспечения творческих дискуссий, встреч криминологов России и зарубежных стран. Так, многие годы он руководил криминологическим семинаром в Санкт-Петербургском государственном университете, продолжив дело профессоров М.Д. Шаргородского и Н.С. Лейкиной.

Д. А. Шестаков – инициатор учреждения в 1992 году Санкт-Петербургского международного криминологического центра, который в 1999 г. преобразован в Санкт-Петербургский криминологический клуб, на базе которого проводятся семинары с участием виднейших криминологов России, Германии, США, Канады, стран Балтийского региона. Благодаря стараниям Дмитрия Анатольевича в стране в 2001 г. был впервые учрежден криминологический журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба». На сегодняшний день издано шестнадцать его выпусков, которые распространены в России, а также в странах Азии, Америки и Европы. Авторами журнала являются российские и

зарубежные специалисты – партнеры Санкт-Петербургского криминологического клуба.

Д.А. Шестаков – автор свыше 300 научных трудов по криминологии и уголовному праву. Это прежде всего работы по семейной криминологии – «Введение в криминологию семейных отношений» (Л., 1980); «Убийства на почве семейных конфликтов» (Л., 1981); «Супружеское убийство как общественная проблема» (СПб., 1992); «Семейная криминология» (СПб., 1996) и др., а также учебник «Криминология» (издания 2001 и 2006 гг.). Ряд его трудов переведен на английский, немецкий, польский и другие языки, опубликован в Германии, Канаде, Польше, США и иных странах.

Последние годы Дмитрий Анатольевич осуществляет большой проект по созданию четырехтомного курса криминологии. Один из томов курса – учебник Дмитрия Анатольевича (2006), другой том – «Преступность среди социальных подсистем» – вышел еще в 2003 г. Третий том – «Частная криминология» – опубликован в 2007 г. Ожидается выход четвертого тома, завершающего этот, по-своему грандиозный, проект.

Д.А. Шестаков первым поставил вопрос о политической криминологии, посвятил ряд публикаций теоретическим вопросам этой отрасли, а также криминологической парадигме взаимодействия терроризма и террора.

Теоретически и практически значима – в условиях усиления репрессивности отечественного уголовного законодательства и правоприменительной деятельности – гуманистическая установка всех трудов проф. Шестакова: положение о минимизации уголовной репрессии, о гуманизации как главном критерии прогресса уголовного права, о принципиальной недопустимости смертной казни.

В качестве научного руководителя Д. А. Шестаков подготовил немало кандидатов юридических наук. Он является научным консультантом по ряду докторских диссертаций.

Научную и педагогическую деятельность Д.А. Шестаков дополняет участием в законодательном творчестве. Так, он является автором первого опубликованного в России проекта федерального закона «О предупреждении насилия в семье», он был сопредседателем рабочей группы Государственной Думы РФ по подготовке соответствующего законопроекта.

Не чужд профессор и литературного творчества: Дмитрий Анатольевич с братом Анатолием Анатольевичем являются авторами романов, повестей, новелл и рассказов (романы «Год Змеи», «Последний мужчина» и др.). К настоящему времени вышло уже 7 томов собрания их прозы.

*Дорогой Дмитрий Анатольевич!
Многие Вам лета счастливой и творческой жизни!*

Доктор юридических наук, профессор

Я. Гишинский

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ШКОЛЫ И ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИИ

*Д. А. Шестаков**

ПОСТЛИБЕРАЛЬНЫЙ СТАТУС КРИМИНОЛОГИИ

РАСШИРЕНИЕ ПРЕДМЕТА НАУКИ О ЗЛЕ

Баланс сил и процессов в мире, на какой-то момент ставшем однополярным, за последние пятнадцать лет существенно изменился. Идёт процесс глобализации коммуникации, экономики, финансов. Преступность как составная часть всего произведённого в обществе, как совокупный результат деятельности людей и организационных структур, которые человечество бесконечно развивает и реконструирует,¹ в современных условиях обретает иную структуру. Осознание нового качества преступности, этого планетарно развившегося зла, приходит и в криминологию.² Разные криминологи, очевидно, неоднозначно воспринимают глобальную структуру преступности, которая может быть определена, конечно, на основании различных критериев.

Автор настоящих строк с учётом развития жизненных реалий оказался перед необходимостью пополнить ранее предложенную им трёхуровневую вертикальную структуру преступности³ ещё тремя уровнями. Теперь можно говорить о нижеследующих уровнях преступности: 1) бытовой (общеглобальный), 2) уровень местной организованной преступной деятельности – в условиях России это захват потребительских рынков, незаконный сбыт наркотиков, организованная проституция, незаконная торговля оружием на местах, торговля людьми, 3) внутригосударственный олигархический – этот уровень связан с установлением контроля над природными ресурсами государства, средствами массовой информации, местной и центральной государственной властью, 4) внутренний государственный – преступная деятельность государства на собственной территории, крайней формой проявления которой может служить проведение незаконных массовых репрессий, 5) внешний государственный: агрессивные войны, геноцид, военные преступления,

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия).

© Д. А. Шестаков, 2009.

¹ См.: *Lanier M., Henry S. Essential Criminology.* – Boulder, 1998 – P. 321–324.

² См.: *Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд.* – СПб., Издательство Асланова. – 2006. – С. 19.

³ *Шестаков Д. А. Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра.* – 2006 № 2(11). – С. 10–11.

6) надгосударственный – планетарный контроль над сырьевыми ресурсами, информационными сетями, СМИ, государственной властью, в котором значительную роль играют транснациональные корпорации (см. схему 1).

Применительно к пятому и шестому уровням преступности, на которых, собственно, раскрывается её планетарная протажённость, может быть, на наш взгляд, применено определение: глобально-американизированная преступность (ГАП). В этих плоскостях сказывается преступная претензия Соединённых Штатов Америки на однополярное правление миром. Противоправная же деятельность относительно независимых транснациональных компаний представляется производной от финансово-экономической политики тех же США.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К ПОСТЛИБЕРАЛИЗМУ

В развитии криминологии в СССР и далее в возникших в его пространстве независимых государств, начиная с 60-х годов минувшего века, можно выделить четыре этапа.

Детерминистический этап (1960-е – первая половина 1970-х гг.) характеризуется формированием диалектической школы, значимым итогом деятель-

Схема 1. Шестиуровневая вертикальная структура преступности

ности которой стало рассмотрение противоречий общественной жизни, относящихся к сферам как бытия, так и сознания, в качестве причин массового преступного поведения (В. Н. Кудрявцев, К. К. Горяинов, П. С. Дагель, У. С. Джекбаев, И. А. Исмаилов, Л. В. Кондратюк, П. П. Осипов и др.).

Плюралистический этап (вторая половина 1970-х – 1980-е гг.) связан с отходом от «единства мнений» по ключевым вопросам криминологии, появлением несовпадающих подходов к определению и объяснению преступности (Н. Ф. Кузнецова, Л. И. Спиридонов, Д. А. Шестаков и др.), а также, что было не менее важно, с формированием новых научных отраслей (семейная криминология, политическая криминология, криминология массовой информации, сакральная криминология, военная криминология, экономическая криминология) и школ (психологическая школа – Ю. М. Антонян; школа преступных подсистем – Д. А. Шестаков, Г. Н. Горшенков, С. У. Дикаев, П. А. Кабанов, Г. Л. Касторский и др.; и примыкающая к криминологии девиантологическая школа – Я. И. Гилинский и др.).

Либеральный этап (1980-е – 1990-е гг.) Слово «либеральность» происходит от латинского «*liber*» – свободный. Либерализм как идеология, политическое и экономическое движение возник в XVII и особенно широко развернулся в XIX столетии, претерпев значительные изменения в XX веке (поздний либерализм). Ядро либеральной идеи составляет утверждение приоритета свободного индивидуума перед государством, государство при этом рассматривается лишь в качестве гаранта экономической и личной свободы личности. Поздний либерализм, правда, уже предполагает активное вмешательство государства в жизнь общества, прежде всего в экономику. Либерализм предполагает свободное обсуждение деятельности государственной власти.

Либеральный этап криминологической мысли в России отмечен критикой власти с криминологических позиций. Так сомнению был подвергнут институт уголовного наказания за чрезмерную его жесткость, был поставлен вопрос о смене определённых в законе целей наказания.⁴ Политическая криминология вышла на постановку вопроса о преступности государственной власти, в частности, в связи с осуществлением в СССР красного террора в ленинском, а затем сталинском существенно отличающихся его проявлениях (В. В. Лунеев, В. Н. Кудрявцев, Д. А. Шестаков и др.).

Постлиберальный этап (2000-е годы) начался и протекает под знаком осмысления внешней государственной и надгосударственной, глобальной олигархической преступной деятельности (Д. А. Шестаков, С. У. Дикаев, П. А. Кабанов, Ю. С. Апухтин, А. П. Данилов и др.).⁵

⁴ Шестаков Д. А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. – 1998, № 4. – С. 154-161.

⁵ См.: Шестаков Д. А. Развитие криминологической науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге (вторая половина XX – начало XXI века) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008, № 2(15).

Итак, в настоящее время в СНГ, впрочем, также и за его пределами криминология вошла в постлиберальный этап своего развития. Внимание её заострено, или, по крайней мере, должно быть заострено – в этом ощущается потребность – на международной составляющей преступности, глобальных факторах и процессах её воспроизводства. Постлиберализм не означает отказа от либеральных ценностей, связанных с правами человека, он предполагает их дальнейшее развитие. Так, либерализм требует терпимости к мнениям и свободной критике власти. Но коль скоро мы говорим о терпимости, то не следует ограничивать доступ в науку связанных с религией философских подходов, если мы говорим о критике власти, то будем критиковать также глобальную олигархическую власть, закрепившуюся в современном мире.

НАДГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ВНЕШНЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ УРОВНИ ПРЕСТУПНОСТИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТРАСЛЕЙ КРИМИНОЛОГИИ

Опирающаяся на семантическую концепцию преступности (преступность – свойство человека, общества, глобального общества воспроизводить преступления) школа преступных подсистем объединяет ряд отраслей криминологической науки, изучающих преступность основных подсистем общества (сфер общественной жизни). Перед этими отраслями в новых планетарных условиях возникла задача рассмотрения охарактеризованных выше пятого и шестого уровней преступности. (См.: схему 3).

Экономическая криминология сегодня может многое дать для осмысления преступного характера однополярно организованной мировой экономики, которая построена не на эквивалентном обмене, а на эксплуатации странами Запада прочих государств, выкачивании из этих «прочих» стран ресурсов, использовании их населения в качестве дешёвой рабочей силы. В настоящий момент, когда разразился кризис финансово-банковских отношений, особенно обострившийся осенью 2008 года, было бы полезно скрупулёзно рассмотреть механизм глобального разграбления налогоплательщиков, осуществляемого в мире совместно олигархическими и бюрократическими силами.

В общих чертах этот механизм нам представляется следующим образом.

1) Всемирная финансовая система насыщена и продолжает наводняться товарно не обеспеченной мировой валютой – долларами США. 2) Эти «пустые» доллары в виде ценных бумаг продаются на фондовых биржах в условиях создаваемого ажиотажа, при котором искусственно создаётся видимость высокой прибыльности акций. Схема, принятая у «напёрсточников» при игре в «лохотрон», воспроизводит концепцию финансового капитализма. 3) Доход, полученный по существу от продажи денег без получения нового продукта, выводится банками из игры в предоставляемые ими кредиты, в частности, в порядке ипотеки. 4) Образовавшуюся на счетах банков брешь восполняют государства в виде «антикризисных мер», естественно, за счёт налогоплательщиков. (См.: схему 2). Этот механизм работает по всей планете, в том числе в России.

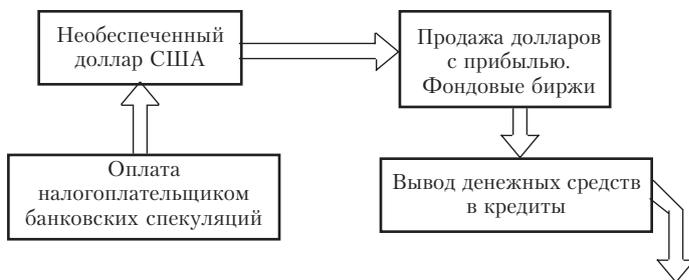

Схема 2. Глобальное разграбление налогоплательщиков

Примечательно то, что первые же транши вливания денег налогоплательщиков в российские банки не пошли на развитие экономики страны, а сразу же были переадресованы банками за рубеж. Премьер-министр Российской Федерации В. В. Путин на совещании по экономическим вопросам сообщил, что у банков-получателей государственных средств, направленных на поддержку кредитной системы страны, возрос объём операций по переводу денежных средств в зарубежные банки. В печати отмечается, что никогда капитал не уходил из России так стремительно: за октябрь – 50 миллиардов долларов. Международные резервы Центрального банка РФ за октябрь уменьшились на 72,2 миллиарда долларов. Имеют место и другие нарушения, например, предоставление банками предприятиям в кредит полученных от государства ресурсов под явно завышенные проценты. Зафиксирован случай, когда ставка кредита составила 25% годовых.⁶

Этот наш дилетантский набросок одного из преступных механизмов, действующих в финансово-банковской сфере, нуждается в проверке, уточнении и при необходимости детализации со стороны специалистов узкого профиля.

Криминология массовой информации сегодня должна исследовать приёмы способствующей глобальной преступной деятельности дезинформации населения. Так, например, Г. Якобс в своём известном труде: «Норма, персона, общество – предварительные рассуждения о правовой философии» – обращает внимание на использование западными СМИ при интерпретации ожидаемых политических событий заранее заготовленных искажающих действительность клише, которые затем заполняются препарированной информацией.⁷

Эта методика, будучи применённой западными СМИ в странах Запада в связи с событиями августа 2008 года в Южной Осетии, способствовала совершению в этом регионе геноцида в отношении осетин и другим преступлени-

⁶ РИА «Новости» // 11.11. 2008//<http://news.mail.ru/politics/2159100>.

⁷ См.: *Jakobs G. Norm, Person, Gesellschaft – Vorberlegungen zu einer Rechtsphilosophie.* – 3 Aufl. – Berlin, 2008.

ям. Так, например, показ по телевидению отснятых стенаний жителей Цхинвала (Южная Осетия) возле разрушенного обстрелом их дома сопровождался заранее заготовленным текстом диктора о разрушениях в Гори (Грузия). Преступления, совершённые грузинской армией на территории Южной Осетии, были преподнесены как преступления российской армии в Грузии.⁸

Конфликтологи при анализе конфликтов выделяют пять важнейших составляющих его структуры: конфликтующие стороны, зону разногласий, представления о ситуации, мотивы (не всегда осознаваемые сторонами) и действия.⁹ К известным дезинформирующим технологиям относится подмена сторон конфликта, апробированная уже при освещении военных действий в 2006 г. в Ливане. Столкновения между Израилем и Ливаном западные журналисты тогда, как правило, трактовали в виде борьбы Израиля против радикального шиитского движения «Хезболлах».¹⁰

Военная криминология¹¹ сегодня открывает для себя преступную деятельность частных военных компаний, с помощью которых совершаются преступления против мира и безопасности человечества, такие как наёмничество (Ангола, Хорватия), участие в агрессивной войне (Хорватия, Босния, Ирак, Афганистан), геноцид (Хорватия, Босния) и военные преступления (Ирак).¹²

Политическая криминология теперь обретает новую теоретическую задачу, состоящую в определении преступной сути (характера зла) однополярной мировой политики. В данном отношении продуктивна концепция, выдвинутая С. Генри и Д. Миловановичем. Этими очень часто цитируемыми в мировой криминологии авторами преступление трактуется как «власть отнимать у других возможность что-либо изменить»,¹³ как лишение права на развитие. На рубеже второго и третьего тысячелетий участились развязываемые странами Запада агрессивные войны, геноцид, военные преступления, вмешательство в формирование органов власти стран, в которых произошла смена эко-

⁸ Носкова И. А. и др. *Летопись Санкт-Петербургского криминологического клуба*. Январь – сентябрь 2008 года // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2009, № 1 (16).

⁹ Кармин А. С. *Анализ конфликта* // *Конфликтология* / Под ред. А. С. Кармина. – СПб., 1999. – С. 29-35

¹⁰ См.: Носкова И. А. и др. *Летопись Санкт-Петербургского криминологического клуба*. Январь – сентябрь 2008 года.

¹¹ Инишаков С. М. *Военная криминология: Учебник. Книга первая*. – М., 2001

¹² Апухтин Ю.С. *Международная политическая преступность: политико-криминологический аспект деятельности частных военных компаний*. Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Правовое наследие Нюрнбергского процесса: история и современность. Вторые юридические чтения». 24 ноября 2006. – Одесса. 2006. – С. 163-165.

¹³ Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism*. – London, 1996. – P. 116; Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. – New York; London, 1997.

номического строя. Всё это едва ли может получить адекватное объяснения без учёта усилий, которые Запад направляет на то, чтобы не допустить развивающиеся страны к равноправному участию в мировой экономике, а также без учёта пропаганды, постоянного «зомбирования» этих государств в качестве «навсегда отставших от стран золотого миллиарда». Запад стремится лишить Восток права на перемены – вот что требует криминологического осмысления для обоснования новых подходов противодействия глобально-американизированной преступности.

Сакральная (религиозная) криминология проливает свет на криминологическое значение соотношения материальных и идеальных устремлений человека в современных условиях. На планете возрастает поклонение «золотому тельцу», расплозаются по всему свету идеология потребления и так называемая массовая культура, разрушается окружающая природа – все эти криминогенные и преступные процессы связаны с отчуждённостью преобладающей части населения от духовных ценностей. Человек имеет шанс через религию приобщиться к поиску высшего смысла жизни и своего предназначения. Сегодня криминология в известной мере способна объяснить, почему люди совершают преступления, но в этой науке поставлен и другой вопрос, а именно: почему люди преступлений не совершают?¹⁴ В сфере отношения человека к Богу можно найти ответ и на этот вопрос.

Вообще говоря, сакральная постановка вопроса – главенствующая. Ибо упёршийся взглядом в землю, тонущий в бесконечных проблемах своего материального бытия человек в конечном итоге разрушает и себя самого, и свою страну, и планету Земля в целом. Обращённость же в звёздную бесконечность Неба отвращает от большого и мелкого зла, вселяет надежду на спасение.

ПОСТЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ГЛОБАЛЬНО АМЕРИКАНИЗИРОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

На постлиберальном этапе развития криминологии важную роль играет идея евразийства. Известный современный философ А. Г. Дугин полагает, что Восток противопоставляет западной либеральной концепции, делающей упор на «автономного индивидуума», концепцию «общины», преодоления индивидуума и вверх, и вширь. Постлиберализм, по его мнению, – это форма осознанного евразийства.¹⁵

Противодействие глобально-американизированной преступности предполагает укрепление евразийского самосознания, его духовных ценностей, а также выведение национальных экономик из статуса сырьевых придатков Запада. И то, и другое означает отнюдь не конфронтацию со странами Атлан-

¹⁴ Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkeley, 1969.

¹⁵ См.: Дугин А. Основы геополитики. – М., 2000.

тики, но обеспечение в случае необходимости собственного независимого воспроизводства и развития.

Мировой потребности многополярного мира отвечает новая архитектура международных отношений, первые камни которой уже заложены. Среди них – Шанхайская Организация Сотрудничества, Организация Договора о Коллективной Безопасности. Очень важно расширение связей участников этих организаций с остальным миром, в частности, складывающиеся уже сейчас партнёрские отношения со странами Латинской Америки. В связи с выявившейся неспособностью Организации Объединённых Наций разрешать острые вопросы ощущается потребность в появлении новой всемирной организации государств, по существу сегодня большинство стран планеты нуждаются не только в том, чтобы строить экономику без доллара, но и в том, чтобы решать наиболее важные свои проблемы самостоятельно без решающего слова США. Таким образом, следует поставить вопрос о новой всемирной правотворческой организации, суть которой выражает аббревиатура МБСША (Мир без США).

Поскольку Международный уголовный суд в Гааге оказался не в состоянии разобраться в некоторых вопросах квалификации, в частности, не смог истолковать понятие агрессивной войны, в необходимых случаях могут создаваться новые международные суды для применения в конкретных случаях норм международного уголовного права. Прецеденты по учреждению подобных судов имеются.

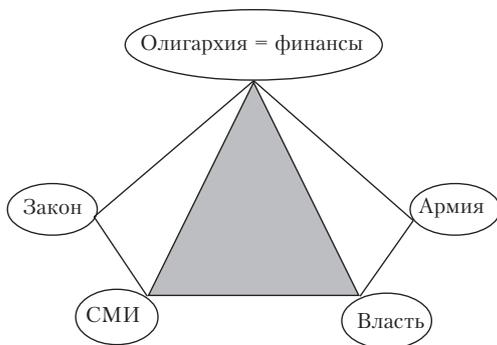

Схема 3. Подсистемы ГАП – предмет постлиберальной криминологии

Реалии последних десятилетий таковы, что требуется сформулировать новые составы преступлений в международном уголовном праве, в их числе: использование непроверенных или фальсифицированных данных для развязывания войны; провокация политических конфликтов (например, убийство спецслужбами представителей какого-либо государства, выдаваемое за действия тех или иных политических сил), инсценировка актов ксенофобии.¹⁶

Ничто не стоит на месте в этом мире. И силы зла сегодня бушуют по-новому. Осмысляющая их крайнее, преступное, проявление криминология не должна отставать от происходящего вокруг.

¹⁶ *Шестаков Д. А.* Журналу «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – пять лет. Интервью Г. А. Янковской // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2006. № 1(10). – С. 11-15; Противодействие глобальному злу как предмет общей криминологической теории // XX международный балтийский криминологический семинар. Санкт-Петербург 29 июня – 1 июля 2007. Информация. Краткая программа. Тезисы докладов. – СПб., 2007. – С. 47.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

*Х. Кури**

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ОТНОШЕНИИ СЕКСУАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ОПАСНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ. ОПЫТ ГЕРМАНИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Значение криминологического прогнозирования значительно возросло за последние годы, особенно в связи с освобождением или смягчением наказания для лиц, совершивших насильственные преступления и преступления на сексуальной почве. Это обусловлено, с одной стороны, изменениями в законодательстве, требующими составления прогнозов опасности для таких групп преступников, а с другой стороны возросшим вниманием общественности к случаям рецидива у освобождённых из заключения. Привлекают внимание к таким случаям и средства массовой информации, и организации жертв насилия, и женские организации, такие как «Белое кольцо», организация, на первом форуме которой в 1989 г. в г. Майнц был поставлен вопрос: «Кто несёт ответственность за ошибочное смягчение наказания?» и было вынесено требование о соответствующих изменениях в закон о возмещении вреда потерпевшим.

Экспертные прогнозы, всё в больших количествах составляемые немецкими психиатрами и психологами, несомненно, могут внести существенный вклад в предсказание возможной опасности лиц, совершивших преступление, однако значимость таких прогнозов оценивается очень неоднозначно. Одни называют это «гаданием на кофейной гуще», другие допускают точность прогноза в 90 % случаев. До сих пор точность конвенциональных прогнозов в отношении лиц, совершивших преступление, согласно эмпирическим исследованиям достигала в среднем 70 %. В. Дитман в своих суждениях опирается, прежде всего, на швейцарскую практику оценки прогнозов специальной междисциплинарной комиссией. Он определённо прав, называя это «значительным прогрессом по сравнению с деятельностью отдельных экспертов».¹ Точность прогноза, несомненно, зависит от квалификации экспертов. Результаты

* **Хельмут Кури** – доктор психологии, профессор Фрайбургского университета им. Альберта Людвига.

© Х. Кури, 2009

© О. Малахова, пер. с немецкого.

¹ V. Dittmann. Was kann die Kriminalprognose heute leisten? // Bauhofer, S., Bolle, P.-H., Dittmann, V. (Hrsg.), «Gemeingefährliche» Straftäter – Délinquants «dangereux». Chur, Zürich, 2000. S. 78.

новейших исследований показывают, что, несмотря на возросшее качество экспертных прогнозов за последние годы, сохраняется дефицит квалифицированных специалистов.

С психиатрической точки зрения, отмечает Н. Недопил, экспертные прогнозы являются «по-прежнему самыми сложными задачами, которые приходится решать судебным психиатрам»,² несмотря на постоянное развитие в прогностике, это же относится и к судебным психологам. Хотя за последние 25 лет, благодаря всё большему количеству эмпирических исследований, наметились существенные улучшения в области прогнозирования преступлений, значительно повысились и политические и юридические требования к экспертным прогнозам. Около 20 лет назад независимые экспертные заключения в отношении заключённых составлялись довольно редко, в основном в исключительно сложных случаях. Сегодня подобные заключения являются частью рутинной работы многих судебно-психиатрических/психологических учреждений. Спрос на экспертов в этой области в Германии велик и продолжает расти.

2. СТРЕМЛЕНИЕ К БОЛЬШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЖЁСТКИЕ ЗАКОНЫ, СУРОВЫЕ НАКАЗАНИЯ, БОЛЬШЕ ПРОГНОЗОВ ОПАСНОСТИ

Эту тенденцию следует рассматривать в связи с растущими требованиями к (внутренней) безопасности. Большую роль здесь играют средства массовой информации. В последние годы и десятилетия СМИ неоднократно сообщали сенсации о повторных преступлениях, в том числе и на сексуальной почве. Если рецидивы происходили вскоре после освобождения лица, совершившего преступление, из заключения, возникал вопрос о том, нельзя ли было определить или обнаружить степень опасности этого лица наперёд путём основательного обследования. Предпринимались попытки установить, кем были допущены ошибки при принятии решений или вынесении рекомендаций: конкретным исправительным учреждением, или ведомством, курирующим места лишения свободы, или экспертом. СМИ призывали также избегать совершения подобных ошибок в будущем.

В свете этой тенденции, а также из-за ужесточения законов, и под давлением общественности потенциальная опасность преступников проверяется всё более основательно. Количество прогнозов опасности значительно возросло. Эксперты, и особенно конечные инстанции, принимают решения с учётом растущего давления со стороны общественности. Речь идёт о том, чтобы по возможности избежать ошибок в прогнозе, и, прежде всего, таких прогнозов, на основании которых можно было бы сделать заключение о том, что лицо, ранее совершившее преступление, не опасно и может быть выпущено на свободу. Такое давление неизбежно ведёт к сокращению неверных прогнозов и

² *N. Nedopil* Prognosen in der Forensischen Psychiatrie – Ein Handbuch für die Praxis // Lengerich: Pabst Science Publishers. 2005. S. 276.

так называемых «ошибочно-негативных решений» и к увеличению числа «ошибочно-позитивных решений». Это означает, что эксперты и экспертные комиссии в спорных случаях принимают решения скорее не в пользу заключённого и оставляют его в заключении, если вероятность несовершения повторного преступления вызывает сомнения. Таким образом, значительно чаще, чем раньше, в заключении остаются лица, безопасность которых после освобождения представляется сомнительной, но на самом деле они не опасны («false positives» – англ. «ошибочно положительно»). Так Н. Недопил отмечает: «Цифры подтверждают, что даже люди с неблагоприятными прогностическими показателями чаще не совершают повторных преступлений, чем наоборот... Согласно всем исследованиям, даже среди тех, кто входил в группу риска и имел возможность повторно совершить преступление, число рецидивистов никогда не превышало 50 %. Рецидивы насильственных преступлений у обследованных с неблагоприятными прогнозами составили по результатам всех исследований, в том числе проводимых рабочей группой автора, менее 20 %. Свыше 80 % этих обследованных остались бы в заключении как «ошибочно положительные».³ Существенная проблема заключается в том, что эти лица не могут доказать свою безопасность, так как остаются в заключении, следовательно, нет возможности подтвердить ошибочность прогноза. В противоположность прогнозам «ошибочно негативным» здесь можно проверить, действительно ли выпущенный из заключения как потенциально безопасный преступник в самом деле оказался таковым.

Несмотря на значительные улучшения в области прогнозирования, на практике в экспертных заключениях ещё обнаруживаются (существенные) недостатки. Причиной тому служит, в частности, и нехватка квалифицированных экспертов в судах и местах лишения свободы, и там вынуждены прибегать к услугам «доморощенных экспертов», которые не всегда обладают необходимыми новейшими научными знаниями в области прогностики.

3. КРИТЕРИИ КАЧЕСТВЕННОГО ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗА

В связи с тем что дискуссии по поводу экспертных прогнозов становятся всё более интенсивными и количество заказов на такие прогнозы растёт вместе с количеством критических замечаний относительно качества прогнозов, возникает необходимость в разработке единых стандартов качества. Так С. Новара отмечал среди прочих недостатков частое отсутствие анализа преступления или результатов стандартной тестовой диагностики.⁴ Иногда от-

³ N. Nedopil. Prognosen in der Forensischen Psychiatrie – Ein Handbuch für die Praxis. Lengerich // Pabst Science Publishers. – 2005. S. 276.

⁴ S. Nowara. Gefährlichkeitsprognosen bei psychisch kranken Straftätern. Untersuchung zur Qualität der Gutachten gemäs § 14 Abs. 3 MRVG NW. München, 1995. См. Также: Н. Кюры Zur Qualität forensischer Begutachtung // Praxis der Rechtspsychologie 9. 1999. Н. 2. S. 126-139.

мечается, что предложения по улучшению со стороны исследователей едва ли учитываются на практике.

В 2006 году в Германии междисциплинарной рабочей группой, состоящей из судей Федеральной судебной палаты, федеральных прокуроров, судебных психиатров и психологов, а также врачей-сексологов, был представлен перечень «Минимальных требований к экспертному прогнозу», который призван способствовать улучшению качества таких экспертных заключений. Подобные минимальные требования были сформулированы ранее в Германии для заключений о вменяемости.⁵

Далее следует краткое описание этих минимальных требований к экспертным прогнозам, нашедшим в Германии всеобщее признание.

Рекомендации предназначены в первую очередь для судебных экспертов, а также и для судей, прокуроров, защитников по уголовным делам и других участников уголовного процесса и работников исправительных учреждений. Разумеется, в конкретном случае эксперт может отходить от установленного перечня критериев, если этому есть существенные причины и они обоснованы. Рекомендации должны помочь судебным экспертам в составлении прогноза, а участникам процесса в оценке их убедительности.

В соответствии с немецким законодательством экспертные прогнозы составляются в следующих случаях:

- при помещении в психиатрическую больницу, главным образом правонарушителей с психическими расстройствами, если в дальнейшем от них можно ожидать совершения противоправных действий (§ 63 УК Германии);
- при помещении в наркологическую лечебницу наркозависимых лиц, совершивших преступление, если в дальнейшем от них можно ожидать совершения противоправных действий (§ 64 УК);
- при содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания (§ 66 УК), если общая оценка лица, совершившего преступление, предполагает его потенциальную опасность для общества;
- при условном содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания (§ 66a УК), когда потенциальная опасность установлена не окончательно;
- при вынесении постановления о содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания (§ 66b УК), если вероятность рецидива высока;
- при изменении меры наказания (§ 67a УК), если это может способствовать ресоциализации лица, совершившего преступление;
- при отсрочке применения меры наказания (§ 67c УК);

⁵ A. Boetticher, H.-L. Krüber, R. Müller-Isberner, K.M. Böhm, R. Müller-Metz., T. Wolf. Mindestanforderungen für Prognosegutachten // Neue Zeitschrift für Strafrecht 26. – Heft 10. 2006. S. 537-544.

- при наличии опасности совершения преступником дальнейших преступлений (§ 68 УК);
- если после полного отбытия наказания в заключении возможно установление надзора за поведением правонарушителя (§ 68f УК);
- при вынесении приговора с первоначальной отсрочкой исполнения (§ 56 УК), если ожидается, что уже сам факт вынесения приговора послужит для осуждённого предупреждением;
- при прекращении неотбытого срока наказания (§§ 57, 57a УК), если это оправдано, с учётом интересов общественной безопасности;
- при отмене меры наказания (§ 67b, 63, 64 УК), если этим может быть достигнута цель наказания;
- при прекращении принудительного лечения (§ 67d), если ожидается, что пациент больше не будет совершать противоправных действий или если отсутствует опасность совершения им преступлений вследствие предрасположенности.

Относительно составления прогноза п. 1 ч. I § 56 и п. 2 ч. I § 57 УК Германии предписывают «особо» учитывать личность осуждённого, его прошлое, обстоятельства совершения им преступления, его поведение после совершения преступления, условия его жизни и его возможные действия после отбытия наказания. При сокращении срока наказания следует особым образом учитывать степень угрозы для правового блага в случае рецидива и поведение заключённого во время отбытия наказания. В определённых случаях следует также ответить на вопрос, существует ли ещё однажды проявившаяся опасность (ч. II § 454 УПК Германии).

Эти некоторые правовые рекомендации к экспертным прогнозам были уточнены Федеральным конституционным судом в 2004 г. следующим образом:

В заключении должны быть описание преступления, сведения о личности преступника до совершения преступления, включая криминальные наклонности, и сведения о развитии личности после совершения преступления. Далее следует отобразить перспективы и внешние связи, «социальное окружение». Из диагностического и прогностического заключения должно быть ясно, как соотносятся совершённое преступление и возможные предыдущие преступления с личностью преступника и является ли предрасположенность к совершению преступления по-прежнему одной из составляющих его личности. При этом прогностическая релевантность предыдущих преступлений и описываемого должна быть обоснованно обусловлена структурой личности преступника.

Важно отметить, что уже в самом заказе на составление заключения должен быть точно описан предмет экспертизы. При этом следует ориентироваться на следующие вопросы: «Как велика вероятность возникновения рецидива?»; «Какие преступления могут быть совершены, какой степени тяжести, с какой частотностью?»; «Как можно уменьшить риск

возникновения рецидива, какие обстоятельства могут этот риск увеличить?»

Экспертный прогноз «требует развёрнутого и обоснованного описания процесса работы эксперта. Это описание включает сведения об используемых для исследования и обработки информации методах. При этом необходимо, чтобы заключение сопоставляло преступления с лежащей в их основе динамикой и иными причинами, а также отображало развитие лица, совершившего преступление, относительно этих причин во время отбывания наказания». ⁶ На основании этой информации эксперт должен вынести заключение о вероятном правовом поведении преступника в будущем. «Только составленное подобным образом заключение даёт суду возможность контролировать ответственность эксперта по отношению к вынесенному заключению».

При составлении заключения эксперту следует пользоваться методическими средствами, отвечающими актуальному уровню развития науки. Выбор методов исследования оставляется на его усмотрение. Абстрактный прогноз, опирающийся исключительно на статистическую вероятность, не соответствует требованиям, предъявляемым к экспертному заключению. Заключение должно быть обоснованным и прозрачным. Особо выделены в нём должны быть социальные и биографические признаки с учётом временной постоянной психических и возможных психопатологических особенностей. Подробно следует описать выводы из представленных доказательств.

Экспертной группой был составлен перечень формальных и содержательных требований к криминологическому заключению, в котором наряду с другими содержатся следующие пункты:

1. Формальные требования к экспертному прогнозу: в отношении квалифицированного криминологического прогноза применимы те же принципы, которыми следует руководствоваться при составлении научно обоснованного заключения. Требования к заключению о вменяемости, сформулированные ранее, действительны и далее. «Составление криминологического прогноза предполагает наличие у эксперта соответствующего опыта в изучении правонарушителей, компетентности в области психиатрии, психологии или сексопатологии, а также солидных криминологических знаний». Должны быть выполнены, по крайней мере, следующие пункты:

– наименование заказчика и постановка вопроса для экспертизы, при необходимости уточнение заказа, если это было сделано заказчиком недостаточно полно;

– указание места, времени и объёма исследования;

– документирование высказываний исследуемого по сути исследования;

– описание применяемых методов исследования и документирования, например, аудио– или видеозапись, наблюдение персоналом, привлечение переводчика;

⁶ BVerfG Beschluss vom 10. 2. 2004 – 2 BvR 2029/01 // NJW. – 2004. S. 739, 743.

– точное указание и детальное описание источников информации с разделением на исследование и оценку документации, субъективное описание исследуемого лица, наблюдение и обследование, возможно дополнительно проведённые исследования, например психологическое тестирование, анализ окружения. Эксперт должен обосновать необходимость получения дополнительной информации. Проблемы могут возникнуть при изучении окружения, например, при беседе с супругой/супругом или родителями. Рекомендуется предварительно согласовать это с заказчиком;

– выделение интерпретируемых и комментируемых высказываний и их чёткое отграничение от воспроизводимой информации или заключений;

– разделение научно обоснованных медицинских, психологических или криминологических знаний и субъективных мнений или предположений эксперта;

– разъяснение непонятных и сложных моментов и сделанных на их основании выводов. Если есть необходимость в дополнительных пояснениях, об этом следует сообщить заказчику;

– определение сфер деятельности и ответственности экспертов и других лиц;

– при использовании научной литературы придерживаться принятых правил цитирования;

– чёткая и обозримая структура заключения.

2. Минимальные требования к способам получения информации: речь идёт о требованиях к проведению экспертизы, обработке письменной документации и непосредственно работе с лицом, совершившим преступление. Целью этого является составление как можно более точного, фактически подтверждённого описания преступника. Прочным фундаментом для последующей оценки риска должна послужить реконструкция развития личности и история жизни преступника. При этом недостаточно опираться только на высказывания самого лица, совершившего преступление. Как правило, должны учитываться и материалы уголовного дела, в том числе и потому, что в них уже содержатся экспертные заключения. Наконец и личное дело заключённого играет важную роль, так как в нём содержится информация об отбытии наказания. Для проблемно-ориентированного исследования пробанда необходимо, чтобы эксперт обладал достоверными фактическими знаниями о прошлых событиях, а также был знаком с высказываниями свидетелей и возражениями пробанда. Важными представляются следующие пункты:

– полное изучение материалов дела, в том числе материалов о прошлых судимостях, личного дела заключённого, дела по принудительному исполнению решения. «Существенные, имеющие отношение к предмету экспертизы результаты изучения материалов должны быть письменно изложены в заключении, с тем, чтобы была понятна логика выводов, сделанных в заключении»;

– адекватные условия проведения экспертизы. Исследование должно проводиться без помех, сконцентрировано;

– достаточная длительность исследования с учётом степени сложности, при необходимости в течение нескольких дней. При ограниченной постановке вопроса может быть достаточно одной встречи с обследуемым. Если круг вопросов широк и эксперт не знаком с обследуемым, ему может понадобиться несколько встреч, ... чтобы обсудить все вопросы.

– многомерное исследование в трёх тематических направлениях: развитие и актуальная картина личности, анамнез болезней и расстройств, анализ истории и состава преступления;

– всесторонняя обработка существенной информации, такой как: семья, детство, школа, образование и работа, финансовая ситуация, болезни, наркотики, сексуальные связи, партнёры, досуг, криминальные наклонности, например склонность к насилию, отбытие наказания или прохождение лечения, социальное поведение, жизненные установки, самооценка, поведение в конфликтных ситуациях и представления о будущем. Следует разъяснить фактические несоответствия, проверить соответствие всех фактов, отметить противоречия между данными исследования и фактами дела. Если обследуемый был осуждён в законном порядке, эксперт должен опираться на формулировку приговора. Важно как можно точнее документировать ключевые положения исследования;

– наблюдение за поведением во время исследования, психическое освидетельствование, подробное описание личности. Неотъемлемой частью экспертного заключения должно быть подробное описание актуального психического состояния лица, совершившего преступление;

– проверка наличия эмпирически подтверждённой криминологической и психиатрической переменной риска, при необходимости с применением соответствующих стандартных инструментов прогнозирования. Выводы, сделанные на основании изучения материалов и в процессе исследования, должны быть применены для оценки риска при помощи научно обоснованных стандартных методик. При этом рассматриваются наиболее важные и частотные факторы риска. Разрабатываются новые методики, и специалисты должны идти в ногу с прогрессом. Методика должна быть стандартизирована, должно быть разработано руководство с пояснениями к действиям, данным и обработке данных, должна быть доказана достоверность и законность инструментов методики. Эксперт должен иметь опыт и навык в работе с методикой. Инструменты прогнозирования не заменяют индивидуальных герменевтических или гипотетических прогнозов, а помогают с пользой применить эмпирические знания и придерживаться международных стандартов прогнозирования;

– проведение психологической диагностики по показанию с учётом проблем с законностью, в дальнейшем проведение других дополнительных

обследований по показаниям. «Психологическое тестирование может быть полезным, если в результате получены ответы на существенные вопросы. Для экспертного прогноза особенно важны качество и достоверность психологических тестов, и это должно быть отражено в заключении;

– диагноз и дифференциальный диагноз. Сбор информации должен завершаться вынесением как можно более точного диагноза, ориентированного на стандарты ICD-10 или DSM-IV-TR, если необходимо дать судебно-психиатрическое описание.

3. Минимальные требования к составлению заключения: всем участникам процесса должно быть понятно, каким путём и на каком научном основании эксперт сделал свои выводы. Выбранный способ зависит от специфической проблематики экспертизы и интенсивности исследований. При повторном проведении экспертизы не следует просто дополнять полученные до сих пор результаты, следует провести новую тщательную проверку. При этом важно учитывать следующие пункты:

– конкретизирование постановки вопроса для экспертизы, например рецидив после освобождения, злоупотребление смягчением наказания. Перед тем как делать экспертные выводы, целесообразно повторно сформулировать суть проводимой экспертизы. На всякий случай следует проанализировать основные проблемы пробанда на основании реконструкции предыстории;

– анализ индивидуальной криминальности, её основания и причины (образцы поведения, установки, ценности, мотивации). При этом предстоит пояснить, в чём заключается проявившаяся в действиях этого человека опасность, в чём причина совершения преступления. «В любом прогнозе следует исходить из того, чтобы проследить и объяснить криминальное развитие человека... Таким образом, для каждого конкретного человека должна быть разработана индивидуальная концепция причин возникновения криминального поведения и возможного сохранения и развития этой криминальности»;

– многомерный, основанный на биографии анализ с учётом индивидуальных факторов риска. Анализ должен проводиться, с одной стороны, с учётом специфики преступления (по возможности точная реконструкция картины и подоплеку преступления), с учётом болезней и расстройств (как и с какой интенсивностью проявлялись психические расстройства, сексуальные парафилии и другие болезни) или с учётом специфики личности (развитие личности и влияние на криминальное поведение). «На основании такого трехмерного анализа должна быть разработана индивидуальная концепция появления и развития криминальности до настоящего момента. Речь идёт о личностных и ситуативных факторах возникновения преступлений и их временной стабильности». Исходные данные и приблизительная оценка риска могут быть получены с помощью стандартных инструментов;

– сопоставление с эмпирическим знанием рисков рецидива у разных групп

преступников (выявление соответствий и различий). Тщательно проверенные отдельные случаи должны быть повторно проверены на предмет того, могут ли они рассматриваться как типичные для определенной группы преступников, для которой имеются данные о рецидивах («базовые показатели»). Для некоторых групп преступников известен удельный вес рецидива (например, в отношении сексуальных, транспортных преступлений и т. д.);

- описание развития личности обследуемого с момента совершения преступления с особым учётом факторов риска, протективных факторов, протекания лечения и соответствия (пригодности) применяемых терапевтических методов. Другая задача экспертизы заключается в том, чтобы выяснить, как развивается ситуация с момента преступления и как она может быть оценена;

- ознакомление с предыдущими экспертными заключениями;

- прогностическая оценка будущего поведения и рисков рецидива или злоупотребления смягчением наказания с учётом социального окружения, возможностей дистанционного управления поведением и ожидаемых отягчающих и стабилизирующих факторов (например, работа, партнер);

- разграничение обстоятельств, релевантных для прогноза и мер, призванных подтвердить или улучшить прогноз (менеджмент риска).

4. ПРОВЕРКА КАЧЕСТВА ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗА В ГЕРМАНИИ

4.1. Описание проверки

Чтобы проверить, насколько оправдана дискуссия о недостаточно высоком качестве экспертных прогнозов, со ссылкой, в первую очередь, на критерии качества А. Беттихера и др.,⁷ в первой части одного исследовательского проекта по стандартной методике были проанализированы и систематизированы экспертные прогнозы, составленные для заключённых тюрьмы г. Фрайбург за последние годы.⁸ Во второй части прогнозы исправительного учреждения г. Фрайбург сравнивались с прогнозами для заключённых тюрьмы г. Брнзаль.⁹

Анализ экспертных заключений проводился на основании стандартного вопросного листа, составленного для одного из предыдущих проектов и доработанного с учетом специфической постановки вопроса. При этом были учтены также критерии качества, описанные в современной специальной

⁷ A. Boetticher, H.-L. Kröber, R. Müller-Isberner, K. M. Böhm, R. Müller-Metz, T. Wolf Mindestanforderungen für Prognosegutachten // Neue Zeitschrift für Strafrecht 26. – Heft 10. – 2006. – S. 537-544.

⁸ H. Kury, Brandenstein, M., M. Riegl/ Zur Bedeutung von externen Kriminalprognosen für Vollzugsentscheidungen // Festschrift des Deutschen Anwaltsvereins, im Erscheinen. - 2009; M. Riegl Die Qualität forensischer Prognosegutachten bei Gewalt – und Sexualstraftätern // Universität Freiburg, unveröffentlichte Diplomarbeit. 2007.

⁹ B. Adams Die Qualität forensischer Gutachten über die Legalprognose von Straftätern // Universität Freiburg, unveröffentlichte Diplomarbeit. 2009.

литературе¹⁰ и, особенно, сформулированные А. Беттихером и др.¹¹ в работе «Минимальные требования к экспертным прогнозам». В окончательном варианте документа содержалось 312 пунктов, посредством 219 вопросов проверялось, содержится ли вообще определённая информация в заключении (начиная с указания времени или длительности проведения экспертизы до формулирования гипотез или описания применяемых специальных методов расследования). Данные разделялись по шкале из трёх уровней: 1 = нет сведений, 2 = неполные/неясные, 3 = полностью задокументированы. Остальные 93 служили для учёта содержательной информации, например, данные об обстоятельствах проведения исследования и оценки качества заключения (прозрачность, обоснованность, доказательность выводов).

Основой исследования были все экспертные прогнозы, составленные для заключённых тюрьмы Фрайбурга внештатными (т. е. независимыми от данного заведения) экспертами. Объектом данного исследования стали преступники, освобождённые из заключения в 1995-1998 гг. и в 2004 и 2005 гг., и, соответственно, материалы их личных дел. Согласно утверждению ответственных исполнителей, экспертные прогнозы для заключённых остаются, как правило, в их личных делах, следовательно, обработанными должны были быть все соответствующие заключения, составленные за указанные годы. Обработаны и оценены были все обнаруженные заключения, также и более ранние. Для поиска прогнозов были просмотрены документы всех 2490 заключённых, освобождённых за указанные шесть лет. Всего было обнаружено 133 независимых экспертных прогноза для 97 разных заключённых, это свидетельствует о том, что для отдельных заключённых за время их заключения было составлено два прогноза или более. Соответственно этому для 3,9 % заключённых когда-либо за рассматриваемые 6 лет составлялись экспертные прогнозы. Заключения составлялись 39 независимыми экспертами. 93 заключения составлены врачами (психиатрами), 29 квалифицированными психологами и 11 специалистами с двойной квалификацией (врач и психолог).

Заключения распределялись по категориям одним мужчиной и одной женщиной, причем случайно 14 (10 %) из независимо оценённых ими заключений были выбраны для определения достоверности самооценки. Установленный показатель Кронбах-Альфа составил 0,85, вполне удовлетворительное значение.

¹⁰ N. Nedopil Prognosen in der Forensischen Psychiatrie. Ein Handbuch für die Praxis. - Lengerich, 2005. S. 276; K.-P. Dahle. Psychologische Kriminalprognose. Wege zu einer integrativen Methodik für die Beurteilung der Rückfallwahrscheinlichkeit von Strafgefangenen. - Herbolzheim, 2005.

¹¹ A.Boetticher, H.-L.Kröber, R.Müller-Isberner, K.M.Böhm, R.Müller-Metz, T. Wolf. Mindestanforderungen für Prognosegutachten // Neue Zeitschrift für Strafrecht 26. - Heft 10. - 2006. - S. 537-544.

Относительно небольшая база данных, кроме того, выбор заключений, составленных только для одного исправительного учреждения, делают возможным составить лишь первоначальное впечатление и попытаться интерпретировать результаты. На втором этапе исследования, проходящем в настоящее время, количество прогнозов для выборочной проверки будет существенно увеличено, анализироваться будут и другие исправительные учреждения.

4.2. Результаты проверки

Далее будут изложены существенные результаты проведенного исследования.

В результате оценки экспертных заключений посредством вопросного листа было получено среднее значение в 262 пункта ($s = 31$), причем диапазон возможных показателей составлял от 184 до 341 пункта при абсолютных теоретических предельных значениях от 140 до 436,5. Это значит, что разброс показателей качества заключений достаточно велик, что есть как явно неудовлетворительные, так и (очень) хорошие, хотя предельные значения, прежде всего верхнее, достигнуты не были. Проанализированные заключения относятся к годам с 1983 по 2005, из них довольно многие были составлены в 2003, 2004 и 2005 годах. По этому факту нельзя, однако, судить о составленных заключениях. 111 заключений были составлены экспертами-мужчинами, 14 – женщинами. Пол составителей 8 заключений не был установлен. 48 % заключений были составлены местными экспертами. Относительно профессиональной деятельности, 50 % экспертов имеют независимую практику, например психиатрическую, 38 % работают в региональных, университетских или иных больницах/клиниках, 11 % в прочих учреждениях. 67 экспертов получили заказ от земельных судов (судебно-исполнительных палат), 23 % от министерства юстиции, остальные 10 % от прокуратуры, тюрьмы или участкового суда.

В отдельных заключениях были обнаружены существенные пробелы, например, относительно семейного положения аттестируемого или его профессионального или школьного образования, и по другим важным пунктам. Так, например, в 59 % заключений отсутствовала информация о материальном положении или возможных задолженностях преступника. В 9 % заключений не была указана назначенная мера наказания, назначенный срок заключения и уже отбытый срок. В 7 % заключений не была указана длительность проведения экспертизы (с момента получения заказа до момента передачи заключения заказчику), некоторые заключения не были даже датированы. Длительность проведения экспертизы, если она была указана в заключении, колеблется от 2 до 53 недель, в среднем 12 недель. В 79 % заключений отсутствовали какие-либо указания на длительность проведения обследования, только в 18 % заключений такие сведения были, причём 22 заключения, т. е. почти все, были составлены после 1998 года, что свидетельствует о возросшем качестве составления экспертных заключений. В 15 % заключений не было указано

количество дней для исследования. Если такие сведения указывались, число дней составляло от 1 до 9, в среднем 2,6. В 25 % случаев на исследование затрачивался 1 день. В последних заключениях количество дней увеличилось.

Чтобы оценить изменения в качестве экспертных заключений во временном отношении, сравнивались заключения, составленные до принятия существенных изменений в законе в 1998 году, и те, что были составлены после этого. Из 133 заключений 43 % были составлены до и 57 % после этого момента. Что касается преступлений, описываемых в заключениях, и до и после указанного момента времени это были в основном преступления на сексуальной почве и (покушения на) убийства. После 1998 года значительно возросло число прочих насильственных преступлений (прежде всего, телесные повреждения, разбой) и других (тяжких) преступлений, прежде всего, связанных с наркотиками.

При возможном диапазоне показателей от 140 до 436, 5 заключения, составленные до 1998 года, получили в среднем 249 пунктов, более поздние – 272. Разница статистически существенна, составленные начиная с 1998 года заключения демонстрируют более высокое качество. Существенны различия и по всем четырем промежуточным значениям, это означает, что более новые заключения лучше по содержательным и формальным критериям, а также в отношении сбора и обработки информации, применяемых методов и формулируемых выводов. Также по результатам 13 рассчитанных субзначений в 9 проявлялась однонаправленная тенденция, что именно новейшие заключения лучше ранних. В более новых заключениях больше сведений о семье, партнерах или связях, индивидуальной криминальности, о различных отрезках жизни, более детально разработаны факторы риска и защиты, более подробно описан генезис криминальности, больше внимания уделено эмпирическому обоснованию вероятности рецидива, подробнее поясняется процесс индивидуального развития, упоминается больше диагнозов.

Из 133 проанализированных заключений 93 были составлены психиатрами/врачами и 29 – квалифицированными психологами, 11 – экспертами с двойной квалификацией. Если до 1998 года только 4 % заключений были составлены квалифицированными психологами, то позднее это были уже 36 %. Число заключений, выполненных врачами/психиатрами, составляло до 1998 года 89 %, после 55 %. Разница статистически существенна. Квалифицированным психологам удалось за это время увеличить свою долю в получении заказов на составление прогнозов. Из 76 экспертных прогнозов с благоприятным для заключенного результатом 24 (32 %) были составлены психологами, а из 36 с неблагоприятным 4 (11 %).

Тенденция такова, что психологи затрачивали на проведение экспертизы больше времени и их исследования занимали большее количество дней, чем у психиатров или врачей. Так для 32 заключений исследования проводились в течение только одного дня, из них 31 заключение (97 %) составлено психиат-

рами/врачами и только одно психологами, в то время как из 20 заключений, на которые было потрачено 4-5 дней одного только исследования, по половине приходится соответственно на врачей/психиатров и психологов. Из 98 заключений, в которых полностью отсутствовали данные о длительности проведения исследования или данные были неполными, 84 (86 %) приходится на врачей/психиатров и 14 (14 %) на психологов. Из 24 с полным объемом информации 15 (62,5 %) составлены психологами и 9 (37,5 %) психиатрами.

Что касается применения психодиагностического тестирования, актуальных для прогноза протокольных записей, то в 67 заключениях (50 %) эти инструменты вообще не использовались, в 44 случаях (33 %) было непонятно и необоснованно, для чего применялся тот или иной тест. Интеллектуальные тесты или тесты на проверку концентрации применялись для составления прогноза почти исключительно только психиатрами/врачами. Лишь в 11 заключениях, из них 8 составлены психологами, понятно и доказательно обосновано, почему при данной постановке вопроса применялся тот или иной тест.

Что касается количества пунктов, оценивающих качество экспертного заключения, 93 составленных психиатрами/врачами заключений получили в среднем 255 пунктов, 29 заключений, составленных психологами, в среднем 282 пункта. Разница очень значительна. Это отчетливо демонстрирует, что качество составленных психологами заключений значительно превышает качество заключений психиатров или врачей. Также и по всем четырём промежуточным значениям психологи оказались существенно выше, т. е. их заключения были оценены выше с точки зрения содержательного и формального, сбора и обработки информации, методов принятия решения. Наконец по 11 из 13 субзначений психологи были оценены выше, причем разница в 6 случаях была статистически очень значительной. Заключения психологов получили более высокие оценки относительно анализа индивидуальной криминальности, обработки данных, факторов риска и защиты, генезиса криминальности, эмпирического сопоставления и разработки факторов возникновения преступления. Психиатры и врачи имели лучшие показатели только относительно факторов наблюдения за поведением и постановки диагноза, причем разница не была статистически существенной. Эти результаты демонстрируют явный и стабильный перевес качества экспертных прогнозов в пользу составленных психологами.

Что касается результатов прогнозирования опасности пробандов, привлекает внимание тот факт, что до 1998 года было больше заключений с благоприятным для преступника прогнозом, позднее их стало меньше. Однако разница статистически не значительна. И, тем не менее, это может означать, что после 1998 года эксперты стали сдержаннее в своих заключениях. Из 133 проанализированных заключений 86 содержат благоприятный прогноз и 37 неблагоприятный, в 7 случаях эксперты высказываются индифферентно. Положительные прогнозы были оценены в среднем на 265 пунктов,

неблагоприятные на 253, разница статистически значительна. Это значит, что прогнозы с положительным для заключенного результатом составляют более качественно, чем неблагоприятные. И опять же благоприятные прогнозы составляются в основном психологами.

Предположение о том, что прогнозы с благоприятным для заключенного результатом имеют более высокое качество, чем те, что содержат неблагоприятный прогноз, может иметь четкое подтверждение. Очевидно, эксперт осознает большую степень ответственности, когда он принимает положительное для заключенного решение, чем когда он из соображений безопасности не рекомендует смягчить или отменить наказание.

5. ДИСКУССИЯ

26.01.1998 наряду с вступившим в силу в Германии обновлённым «Законом о борьбе с сексуальными и другими опасными преступлениями» были одновременно введены п.1 части II § 454 УПК № 2 и п. 3 части I в § 66 УК. Испрашивание экспертного заключения при принятии решения о содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими наказания предусмотрено ч. IV § 275а УПК. Существенно возросшее за последнее время количество заказов на составление экспертного заключения в таких случаях объясняется теперь требованием закона. Дискуссии по поводу экспертных прогнозов становятся всё интенсивнее, как и проводимые в этой связи исследования. Так, например, были разработаны более дифференцированные, стандартизированные и точные методы криминологического прогнозирования (работы большей частью англоязычные, но некоторые вышли и в Германии), например, в отношении половых преступников. На сегодняшний день существуют хорошо разработанные методики оценки рисков рецидива у насильников и маньяков. В последнее время всё больше психологов занимаются составлением экспертных прогнозов, демонстрируя по отношению к психиатрам большую компетентность в сфере психодиагностики. И это привело к усовершенствованию процесса составления криминальных прогнозов в Германии. Однако стоит отметить, что плоды новейших разработок, например относительно инструментов прогнозирования, находят применение достаточно медленно.

Результаты наших исследований показывают, что заключения с неблагоприятным прогнозом, как правило, охотнее принимаются исправительными учреждениями, чем заключения с положительным прогнозом. Это означает, что на смягчение наказания или на освобождение заключенному можно рассчитывать лишь в том случае, если исправительное учреждение вынесет решение с положительным прогнозом независимо от результатов экспертизы. Если в исправительном учреждении принимается противоположное решение, заключение эксперта с большой вероятностью не сможет его изменить, даже если к мнению эксперта присоединится, например, Судебная палата.

Здесь на исполнительном уровне мы сталкиваемся с неоспоримой свободой принятия решений администрацией исправительного учреждения. Постановления судебного органа часто принимаются службами по исполнению наказания медленно, неохотно, не в полном объёме, а иногда и совсем никак. По Дж. Феесту, это касается как всех возможных обязательств, налагаемых Судебной палатой на администрации мест лишения свободы, например, относительно приведения приговора в исполнение, так и установленных судом и юридически неоспоримых обязательств по делу, например, перевод заключённого в больницу за пределами тюрьмы.¹² Один из основополагающих принципов государства – разделение властей (статья 20 п. 3 Основного закона Германии) оказывается, таким образом, свободно интерпретируемым в сфере исполнения наказания.¹³ Радует, что в последние годы в Германии значительно повысилось качество экспертных прогнозов, разумеется, есть необходимость в дальнейших эмпирических исследованиях с целью сокращения числа ошибочных прогнозов.

¹²J. Feest, W. Lesting, P. Selling. Totale Institution und Rechtsschutz. Eine Untersuchung zum Rechtsschutz im Strafvollzug. – Opladen, 1997.

¹³M. Gruß Missachtung von Entscheidungen der Strafvollstreckungskammern durch die Justizverwaltung. Der Wettlauf der Schädigkeit hat längst begonnen // Müller-Heidelberg, T., u.a. (Hrsg.), Grundrecht-Report 2007. – Frankfurt/M., 2007.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

№ 244 ОТ 29.05.2007

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОЕКТОВ ЗАКОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В целях дальнейшего совершенствования системы мер по предупреждению преступности и создания надлежащих условий для прогнозирования возможных криминогенных последствий принятия законов Республики Беларусь постановляю:

1. Утвердить прилагаемое Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь.

2. Переименовать государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры Республики Беларусь» в государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

3. Внести изменения в следующие указы Президента Республики Беларусь:

3.1. утратил силу;

3.2. в абзаце седьмом подпункта 2.1 пункта 2 Указа Президента Республики Беларусь от 3 августа 2006 г. № 482 «О создании государственного учреждения» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., № 125, 1/7793) слова «обязательную криминологическую экспертизу проектов декретов и указов Президента Республики Беларусь» заменить словами «криминологическую экспертизу проектов законов Республики Беларусь».

4. Генеральному прокурору Республики Беларусь:

– в четырехмесячный срок утвердить методические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь;

– по результатам проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь до 1 января 2010 г. внести Президенту Республики Беларусь предложения о возможности проведения данной экспертизы в отношении проектов иных нормативных правовых актов Республики Беларусь.

5. Совету Министров Республики Беларусь в четырехмесячный срок:

принять меры по включению в программы курсов «Криминология» и «Социология права», преподаваемых в учреждениях, обеспечивающих получение высшего образования по группе специальностей «Право» (правоведение, экономическое право, политология), изучение методологии криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов;

совместно с Генеральной прокуратурой обеспечить принятие иных мер по реализации данного Указа.

6. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования, за исключением пунктов 1 и 3, вступающих в силу через четыре месяца после официального опубликования Указа.

Президент Республики Беларусь

А. Лукашенко

УТВЕРЖДЕНО
Указ Президента
Республики Беларусь
29.05.2007 № 244

ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ ЗАКОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГЛАВА 1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Настоящим Положением определяются правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь (далее - криминологическая экспертиза, если не указано иное).

2. Криминологическая экспертиза - исследование содержания проекта закона Республики Беларусь (далее - проект закона) в целях выявления в нем норм, реализация которых может повлечь возникновение криминогенных последствий в финансово-экономической сфере, в сферах правоохранительной деятельности (включая борьбу с преступностью и коррупцией), государственной службы, социальной защиты, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и других сферах общественных отношений (далее - возникновение рисков криминогенного характера).

3. Основными задачами криминологической экспертизы являются:

объективное и всестороннее прогнозирование возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения законов, соответствующее современному развитию криминологической науки;

подготовка научно обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах законов недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера;

формирование предусмотренного в законах системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера.

ГЛАВА 2 ПРОВЕДЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

4. Проекты законов, вносимые в установленном порядке в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь (на рассмотрение Президента Республики Беларусь для направления (согласования направления) в Палату представителей Национального собрания Республики

Беларусь), подлежат криминологической экспертизе, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

По инициативе субъекта права законодательной инициативы, внесшего соответствующий проект закона в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь (Администрации Президента Республики Беларусь по проекту закона, по которому субъектом права законодательной инициативы является Президент Республики Беларусь), криминологическая экспертиза может быть проведена в отношении проекта закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь и направленными в установленном порядке на согласование субъекту права законодательной инициативы.

5. Криминологическая экспертиза проводится государственным учреждением "Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь" (далее - Научно-практический центр).

6. Проведение криминологической экспертизы осуществляется после проведения обязательной юридической экспертизы проекта закона, если иное не определено частями второй и третьей настоящего пункта.

Криминологическая экспертиза проекта закона, вносимого на рассмотрение Президента Республики Беларусь для направления (согласования направления) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, должна быть проведена перед его внесением в установленном порядке Главе государства.

Криминологическая экспертиза проекта закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, проводится на основании обращения в Научно-практический центр субъекта права законодательной инициативы (государственного органа), указанного в части второй пункта 4 настоящего Положения.

7. Направление для проведения криминологической экспертизы осуществляется:

– проекта закона, вносимого в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, - соответствующим субъектом права законодательной инициативы, если иное не предусмотрено абзацем третьим настоящего пункта;

– проекта закона, по которому субъектом права законодательной инициативы является Президент Республики Беларусь, - государственным органом, вносящим данный проект закона на рассмотрение Президента Республики Беларусь;

– проекта закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, –

субъектом права законодательной инициативы, внесшим данный проект закона в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь (Администрацией Президента Республики Беларусь по проекту закона, по которому субъектом права законодательной инициативы является Президент Республики Беларусь).

8. К направляемому для проведения криминологической экспертизы проекту закона, указанному в абзацах втором и третьем пункта 7 настоящего Положения, прилагаются:

- сопроводительное письмо;
- обоснование необходимости принятия закона, включая финансово-экономическое обоснование;
- сведения о согласовании и визировании проекта закона, в том числе о неучтенных замечаниях и предложениях, если они имеются;
- аналитические и статистические материалы, обосновывающие необходимость принятия закона, если они имеются;
- заключения по результатам проведения обязательной юридической экспертизы проекта закона, иные экспертные заключения, если они имеются.

9. Научно-практический центр может запрашивать у государственных органов и иных организаций информацию, необходимую для проведения криминологической экспертизы, в том числе не названную в пункте 8 настоящего Положения, а также при необходимости в установленном порядке привлекать для проведения данной экспертизы специалистов государственных органов и иных организаций.

Информация, указанная в части первой настоящего пункта, представляется государственным органом, иной организацией не позднее чем в пятидневный срок со дня получения запроса.

10. Основным критерием оценки проекта закона при проведении криминологической экспертизы является возможность возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения этого закона, в том числе обусловленных неоднозначностью его норм и неполнотой правового регулирования им соответствующей сферы общественных отношений.

11. Криминологическая экспертиза проводится в месячный срок со дня получения Научно-практическим центром проекта закона с сопроводительными материалами к нему, если иной срок не определен Президентом Республики Беларусь, Администрацией Президента Республики Беларусь, а также частью второй настоящего пункта.

Криминологическая экспертиза проекта закона, рассмотрение которого в Палате представителей и Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь предполагается объявить срочным (объявлено срочным), проводится в трехдневный срок со дня получения Научно-практическим центром проекта закона с сопроводительными материалами к нему.

ГЛАВА 3 ЗАКЛЮЧЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

12. По результатам проведения криминологической экспертизы составляется заключение, в котором должны быть отражены:

- информация о том, когда и кем представлен проект закона на криминологическую экспертизу;
- вопросы, рассмотренные при проведении криминологической экспертизы;
- информация о материалах, использованных при проведении криминологической экспертизы, об участии в ее проведении специалистов государственных органов и иных организаций (в случае их привлечения в установленном порядке Научно-практическим центром);
- общая криминологическая оценка проекта закона;
- указание на наличие либо отсутствие в проекте закона норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, с обоснованием соответствующего вывода;
- научно обоснованные предложения об устранении выявленных в проекте закона недостатков (при наличии норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера).

Данное заключение может содержать иную информацию, связанную с проведением криминологической экспертизы.

13. Заключение криминологической экспертизы подписывается руководителем Научно-практического центра (лицом, исполняющим его обязанности).

14. Заключение криминологической экспертизы подлежит обязательному рассмотрению:

- соответствующим субъектом права законодательной инициативы (государственным органом, вносящим проект закона на рассмотрение Президента Республики Беларусь) при решении вопроса о внесении в установленном порядке проекта закона в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь (на рассмотрение Президента Республики Беларусь для направления (согласования направления) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь);
- субъектом права законодательной инициативы (Администрацией Президента Республики Беларусь), направившим проект закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, для проведения криминологической экспертизы.

15. В случае, если в заключении криминологической экспертизы указывается на наличие в проекте закона, вносимом в установленном порядке в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь (на рассмотрение Президента Республики Беларусь для направления (согласо-

вания направления) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь), норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, соответствующим субъектом права законодательной инициативы (государственным органом, вносящим проект закона на рассмотрение Президента Республики Беларусь) организуется доработка проекта закона. После доработки проект закона подлежит согласованию с заинтересованными государственными органами и иными организациями, повторной обязательной юридической экспертизе, а также повторной криминологической экспертизе, проводимой в порядке, установленном настоящим Положением.

В случае, если в заключении криминологической экспертизы указывается на наличие в проекте закона с изменениями и (или) дополнениями, внесенными в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь и направленными в установленном порядке на согласование субъекту права законодательной инициативы, норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, соответствующим субъектом права законодательной инициативы (Администрацией Президента Республики Беларусь или уполномоченным Президентом Республики Беларусь органом по проекту закона, по которому субъектом права законодательной инициативы является Президент Республики Беларусь) в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь направляются замечания и предложения о доработке соответствующих положений проекта закона (об исключении из проекта закона отдельных положений). Указанные замечания и предложения направляются в течение десяти дней (двух дней в отношении проекта закона, рассмотрение которого в Палате представителей и Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь объявлено срочным) со дня получения заключения криминологической экспертизы.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ ЗАКОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГЛАВА 1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Настоящие методические рекомендации разработаны в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007 г., № 132, 1/8611).

2. Настоящие методические рекомендации применяются при исследовании содержания проекта закона Республики Беларусь (далее проект закона), проводимом при его криминологической экспертизе, и подготовке государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее Научно-практический центр) заключений криминологической экспертизы проектов законов (далее криминологическая экспертиза).

3. Криминологическая экспертиза проводится на предмет выявления в направленном на экспертизу проекте закона норм, реализация которых может повлечь возникновение криминогенных последствий в финансово-экономической сфере, в сферах правоохранительной деятельности (включая борьбу с преступностью и коррупцией), государственной службы, социальной защиты, здравоохранения, образования, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и других сферах общественных отношений (далее возникновение рисков криминогенного характера*), а также в целях разработки и внесения научно обоснованных предложений об устранении выявленных в проекте закона недостатков, способствующих возникновению таких рисков, и формирования предусмотренного в законах системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера (в ред. Приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 10.09.2008 № 53).

4. Проведение криминологической экспертизы осуществляется на основе следующих принципов:

- объективности, полноты и всесторонности;

* Риски криминогенного характера деструктивные факторы правового свойства, заключенные в нормах права и обусловленные их социальной неадаптированностью, противоречивостью, неопределенностью, вследствие чего в процессе их реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) создаются объективные предпосылки (условия) и мотивация допустимого или возможного отклонения от правомерного поведения независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно наказуемым деянием.

- научной обоснованности и достоверности;
- оценки криминогенности проекта закона с учетом его регулятивной направленности, функционального содержания, форм реализации, а также субъектов и порядка применения;
- независимости экспертной оценки криминогенности проекта закона от позиций государственных органов и иных организаций, участвующих в разработке проекта закона, а также других организаций.

5. При проведении криминологической экспертизы используются системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический методы, а также методы социально-правового моделирования, экспертных оценок, обобщения статистических данных и правоприменительной практики и иные общенаучные и специальные методы исследования социально-правовых явлений.

Необходимый перечень методов криминологической экспертизы в каждом случае определяет специалист (специалисты), который проводит криминологическую экспертизу, с учетом основных задач криминологической экспертизы, установленных пунктом 3 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 (далее – Положение).

ГЛАВА 2

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

6. Основанием для проведения Научно-практическим центром криминологической экспертизы является обращение соответствующего субъекта права законодательной инициативы или государственного органа, которые в соответствии с пунктом 7 Положения уполномочены направлять проект закона для проведения криминологической экспертизы.

7. Если иной срок не определен Президентом Республики Беларусь, Администрацией Президента Республики Беларусь, а также частью второй пункта 11 Положения, криминологическая экспертиза проводится в месячный срок со дня получения Научно-практическим центром проекта закона с сопроводительными материалами к нему.

Для проведения криминологической экспертизы представляются сопроводительные материалы, перечисленные в пункте 8 Положения.

При направлении проекта закона на повторную криминологическую экспертизу дополнительно представляются сведения об изменениях и (или) дополнениях, внесенных в проект закона в ходе его доработки.

В том случае, если проект закона был направлен на криминологическую экспертизу без сопроводительных материалов, обязательных для ее проведения, исчисление срока проведения криминологической экспертизы начинается со дня получения Научно-практическим центром таких материалов.

8. В зависимости от предполагаемого объема работ проведение криминологической экспертизы поручается одному или нескольким специалистам Научно-практического центра. Научно-практический центр может при необходимости в установленном порядке привлекать для проведения данной экспертизы специалистов государственных органов и иных организаций. При этом для проведения криминологической экспертизы не могут привлекаться специалисты государственных органов и иных организаций, участвующих в разработке проекта закона или направивших его для проведения криминологической экспертизы.

9. Повторная криминологическая экспертиза проводится в порядке, установленном Положением и настоящими Методическими рекомендациями, после доработки проекта закона, согласования его с заинтересованными государственными органами и иными организациями и проведения повторной обязательной юридической экспертизы проекта закона.

При проведении повторной криминологической экспертизы учитываются результаты проведенной ранее криминологической экспертизы проекта закона.

ГЛАВА 3 ОЦЕНКА ПРОЕКТА ЗАКОНА НА НАЛИЧИЕ РИСКОВ КРИМИНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

10. Основным критерием оценки проекта закона при проведении криминологической экспертизы является возможность возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения этого закона, в том числе обусловленных неоднозначностью его норм и неполнотой правового регулирования им соответствующей сферы общественных отношений, которые могут быть связаны с:

- социальной неадаптированностью, бессистемностью и противоречивостью методов и форм правового регулирования;
- неопределенностью объектно-предметного и субъектного составов правовых отношений, условий и оснований их возникновения, изменения и прекращения;
- неопределенностью и разбалансированностью интересов субъектов правовых отношений, их прав и обязанностей, а также порядка их реализации и исполнения;
- отсутствием социальных, экономических и организационно-правовых механизмов обеспечения реализации закона, а также отсутствием контроля за исполнением его положений;
- отсутствием установленной ответственности, порядком ее применения и исполнения, либо несоответствием такой ответственности и порядка ее применения общественной опасности правонарушения.

При проведении криминологической экспертизы должны учитываться и

иные недостатки проекта закона, которые могут обуславливать риски криминогенного характера.

11. К недостаткам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, связанным с социальной неадаптивностью, бессистемностью и противоречивостью методов и форм правового регулирования, могут относиться:

– несоответствие способов правового регулирования (общедозволительный, разрешительный, обязывающий) сфере и предмету правового регулирования, его целям и принципам;

– наличие правовых предпосылок для формирования коллизий правовых интересов у субъектов правовых отношений;

– неполнота (незавершенность) правового регулирования, которая обуславливает невозможность применения норм в соответствии с целями правового регулирования;

– наличие взаимоисключающих (взаимопротиворечащих) норм, способных вызвать конфликт правоохраняемых интересов субъектов правовых отношений;

– предоставление нормотворческих полномочий без установления пределов их реализации в части определения дополнительных ограничений и обязанностей для субъектов правовых отношений;

– необоснованное использование бланкетных норм в проекте закона;

– наличие оценочных понятий, выступающих в качестве оснований или условий возникновения, изменения или прекращения правовых отношений.

12. К недостаткам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, связанным с неопределенностью объектно-предметного и субъектного составов правовых отношений, условий и

– оснований их возникновения, изменения и прекращения, могут относиться:

– наличие норм, реализация которых может способствовать увеличению доходности и мотивации социально-экономической деятельности вне государственного контроля;

– нарушение принципа определенности субъектного состава правовых отношений;

– отсутствие личностных, профессиональных, образовательных или экономических требований, необходимых запретов и ограничений, предъявляемых к участникам правовых отношений;

– предъявление необоснованных требований к участникам правовых отношений для реализации их прав и исполнения обязанностей;

– отсутствие или недостаточно четкое описание оснований и условий возникновения, изменения и прекращения правовых отношений.

13. К недостаткам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, связанным с неопределенностью и разбалансированностью

интересов субъектов правовых отношений, их прав и обязанностей, а также порядка их реализации и исполнения, могут относиться:

- нарушение баланса законных интересов участников правовых отношений;
- неопределенность порядка реализации прав или исполнения обязанностей;
- создание условий для злоупотребления правом, льготными правовыми режимами или компенсационными схемами;
- чрезмерная сложность либо невозможность соблюдения порядка реализации прав или исполнения обязанностей;
- неопределенность оснований и условий принятия решений или совершения действий государственными органами, иными организациями или должностными лицами либо наделение их излишне широкими дискреционными полномочиями (полномочиями, которые могут осуществляться на основе усмотрения государственного органа, иной организации или должностного лица).

14. К недостаткам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, связанным с отсутствием социальных, экономических и организационно-правовых механизмов обеспечения реализации закона, а также отсутствием контроля за исполнением его норм, могут относиться:

- отсутствие экономических, организационных, технических или иных условий, необходимых для реализации закона;
- отсутствие способов принудительного исполнения норм, восстановления и защиты нарушенного права и правоохраняемых интересов;
- отсутствие порядка осуществления полномочий контролирующими исполнителями закона государственными органами и должностными лицами; избыточность контрольных процедур для подконтрольных лиц.

15. К недостаткам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, связанным с отсутствием установленной ответственности, порядком ее применения и исполнения, либо несоответствием такой ответственности и порядка ее применения общественной опасности правонарушения, могут относиться:

- несоответствие типов ответственности (штрафная, праввосстановительная или компенсационная) способам и целям правового регулирования;
- отсутствие ответственности за существенные нарушения норм закона;
- совпадение описания признаков правонарушений в проекте закона с признаками правонарушений, предусмотренных в других отраслях права;
- неконкретизированное описание признаков состава правонарушения;
- несоответствие видов и размера ответственности характеру и степени тяжести вреда, причиненного правонарушением;
- необоснованный разрыв между верхним и нижним пределами мер ответственности;

- наличие юрисдикционных иммунитетов, исключающих возможность привлечения виновных к ответственности;
- неопределенность оснований или условий для освобождения от ответственности либо ее смягчения;
- отсутствие у государственных органов и иных организаций или должностных лиц полномочий, необходимых и достаточных для применения мер ответственности, отсутствие порядка осуществления данных полномочий;
- наличие дублирующих государственных органов и иных организаций или должностных лиц, уполномоченных принимать решения по вопросам о привлечении к ответственности;
- отсутствие механизма исполнения мер ответственности.

16. Риски криминогенного характера выявляются на основе становления взаимосвязи между наличием в проекте закона недостатков и соответствующими социальными факторами, обуславливающими во взаимодействии объективную возможность и мотивацию противоправного поведения или злоупотребления правом (полномочиями, правоохраняемыми интересами) в процессе реализации норм закона.

ГЛАВА 4

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

17. Результаты криминологической экспертизы излагаются в заключении, содержащем описание проведенного исследования, выводы о наличии либо отсутствии в проекте закона норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, обоснование механизма их возникновения вследствие наличия в проекте закона соответствующих недостатков либо отсутствия оснований для возникновения рисков криминогенного характера, научно обоснованные предложения об устранении недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера.

18. Заключение криминологической экспертизы состоит из вводной части, исследовательской части и выводов (форма прилагается).

19. Во вводной части заключения криминологической экспертизы указываются:

- когда и кем представлен проект закона на криминологическую экспертизу;
- проводится криминологическая экспертиза впервые или повторно;
- вопросы, рассмотренные при проведении криминологической экспертизы;
- материалы, использованные при проведении криминологической экспертизы, в том числе информация, полученная по запросам Научно-практического центра у государственных органов и иных организаций;
- сведения об участии в проведении криминологической экспертизы специалистов государственных органов и иных организаций.

20. В исследовательской части заключения криминологической экспертизы:

– приводятся общая криминологическая оценка проекта закона, описание использованных методов криминологической экспертизы;

– дается анализ тех норм проекта закона, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера (при их наличии);

– обосновывается механизм появления рисков криминогенного характера и их обусловленность конкретными недостатками, содержащимися в проекте закона, либо обосновывается отсутствие оснований для возникновения рисков криминогенного характера;

– указывается влияние проекта закона на существующую систему нормативных правовых актов, и обосновываются предложения по устранению недостатков проекта закона, способствующих возникновению рисков криминогенного характера (абзац введен Приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 10.09.2008 № 53).

Исследовательская часть заключения криминологической экспертизы может содержать ссылки на использованные материалы криминологической экспертизы, проведенной ранее.

21. В выводах заключения криминологической экспертизы указывается на наличие либо отсутствие в проекте закона норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, а также даются ответы на иные вопросы, рассмотренные при проведении криминологической экспертизы.

При наличии в проекте закона норм, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, в выводах должны быть сформулированы научно обоснованные предложения об устранении выявленных в проекте закона недостатков, способствующих возникновению таких рисков.

22. Заключение криминологической экспертизы подписывается руководителем Научно-практического центра (лицом, исполняющим его обязанности) и представляется соответствующему субъекту права законодательной инициативы или государственному органу, направившим проект закона для проведения криминологической экспертизы.

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В.С. Харламов*

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Текущий 2009 год в России объявлен Годом молодежи.¹ В целях развития творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активного привлечения к проведению социально-экономических преобразований в стране государство повернулось лицом к решению насущных проблем молодежи. К важнейшим направлениям государственной молодежной политики отнесено воспитание чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей, формирование ее законопослушного поведения. Своевременность и обоснованность этих шагов несомненны.

Молодежь наиболее мобильная и адаптивная часть общества. С молодым поколением население связывает надежды на позитивные перспективы общественного развития. От здоровья, образования, профессиональной подготовки, культуры и гражданской зрелости молодого поколения зависят характер формирования цивилизованного общества, его способность сохранять, приумножать свое богатство и качество будущих трудовых ресурсов.

Современная молодежь проходит свое становление в достаточно сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений.

От позиции молодежи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности зависит характер продвижения России по пути демократических преобразований. В условиях глобализации молодежь призвана выступить проводником идеологии добрососедства.

В мировой практике нельзя найти единого подхода к определению возрастных границ молодежи. Например, в документах Организации Объединен-

* **Валентин Станиславович Харламов** – ведущий научный сотрудник филиала ВНИИ МВД России по Северо-Западному федеральному округу, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия).

© В.С. Харламов, 2009.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 18.09.2008 г. № 1383 «О проведении в Российской Федерации Года молодежи».

ных Наций молодыми людьми считают лиц в возрасте 10-24 лет, в то же время молодежь рассматривают как лиц в возрасте 15-24 лет.² В венгерском Законе о молодежи (1971 г.) вообще нет возрастных границ группы молодежи. В Кодексе о детях и молодежи Республики Куба граница молодежи определена возрастом 30 лет.

В соответствии с действующим российским законодательством³ возрастные границы молодых людей определены возрастом от 14 до 30 лет с делением на несовершеннолетних от 14 до 18 лет и совершеннолетних от 18 до 30 лет.

Девиантное поведение молодых людей является одним из наиболее ярких показателей, обнаруживающих в концентрированном виде недостатки воспитания в семье и школе, а также нерешенные проблемы организации досуга и занятости подростков и молодежи. Социальная среда во все эпохи играла существенную роль в социализации подрастающего поколения. Непростая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в современном российском обществе, отсутствие единой системы норм и ценностей, дефицит бережного отношения к детям и чуткости к их проблемам неизбежно сказались на морально-нравственном здоровье подрастающего поколения. Представления о всеобщих нравственных и социальных нормах не укоренились в сознании подростков, носят расплывчатый характер и не определяют их поведенческий выбор.

Проблемы молодежной преступности во все времена привлекали к себе повышенный интерес со стороны ученых, государственных и общественных деятелей, политических институтов во всех цивилизованных странах мира. Данный интерес обусловлен и поддерживается, прежде всего, тем, что молодежная преступность, как было установлено по результатам многолетних статистических наблюдений, составляет основу общей преступности. Среди выявленных участников преступлений молодежь по общей численности и удельному весу всегда занимала и продолжает занимать доминирующие позиции.

Способность любого государства и его институтов удержать молодежь от конфликта с законом, разумно организовать криминологическую систему противодействия общества от противоправных посягательств, в том числе молодого и подрастающего поколения, в целом относится к числу важней-

² См.: ЮНИСЕФ (2000 г.) Молодежь в меняющемся обществе: Региональный мониторинговый доклад 7, Флоренция: исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти».

³ См.: Стратегию государственной молодежной политики в Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 18.12.2006 г. № 1760-р); Закон Санкт-Петербурга от 09.07.2008 г. № 470-75 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Санкт-Петербурга в сфере молодежной политики и профилактики правонарушений в Санкт-Петербурге».

ших критериев зрелости общества, мудрости его власти, стабильности и надежности, перспектив развития страны.

Опираясь на семантическую концепцию преступности⁴, под молодежной преступностью следует понимать свойство молодежи воспроизводить преступления в корреляционной взаимосвязанности с причинами их девиантного поведения. Статистически молодежная преступность выражается как совокупность преступлений, совершенных за определенный промежуток времени на определенной территории лицами в возрасте 14-29 лет, и совокупность участников этих преступлений в том же возрасте.

Для криминологического анализа и профилактической деятельности целесообразно выделять молодежь несовершеннолетнюю в возрасте от 14 до 17 лет и совершеннолетнюю в возрасте от 18 до 29 лет.

В целом, в период 2004-2007 годы в Санкт-Петербурге отмечен неуклонный рост общего количества участников преступлений: 2004 г. – 18 614, 2005 г. – 18 728, 2006 г. – 19 083, 2007 г. – 22 475. Указанному тренду сопутствовал общий рост совершеннолетней молодежи из числа участников преступлений: от 9 639 в 2004 г. до 11 654 в 2007 г. В то же время имела место отрицательная динамика преступлений несовершеннолетних: от 1 431 в 2004 г. до 1 167 в 2007 г.

Аналогичные тенденции имели место в соседнем регионе Ленинградской области, где общий массив лиц, совершивших преступления, в период с 2004 по 2006 год возрастал (2004 г. – 9 666, 2005 г. – 10 009, 2006 г. – 10 559) и снизился до 10 036 в 2007 г. Кривая динамики массива совершеннолетней молодежи из числа участников преступлений в области также росла в этот период, но в 2007 г. наблюдалось определенное снижение (2004 г. – 4 579, 2005 г. – 4 982, 2006 г. – 5 052, 2007 г. – 4 833). Однако как в Санкт-Петербурге, так и в области в указанный период имела место отрицательная динамика преступлений несовершеннолетних: от 1 475 в 2004 г. до 1 109 в 2007 г. Динамика доли подростков и молодежи среди выявленных участников преступлений в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за период 2004-2007 годы отражена в табл. 1.

В соответствии с табл. 1 в Санкт-Петербурге за период 2004-2007 годы среди общего количества всех выявленных участников преступлений доля лиц из числа молодежи неуклонно снижалась, однако в Ленинградской области этот показатель носил волнообразный характер. Характерно, что среди общего количества всех выявленных участников преступлений кривая доли несовершеннолетних в обоих субъектах Российской Федерации направлена к снижению.

⁴ См.: Шестаков Д. А. Криминология: учебник для вузов. 2-е изд. СПб., Издательство Асланова. 2006. С. 136.

Таблица 1

**Динамика доли молодежи среди выявленных участников преступлений
в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за период 2004-2007 годы⁵**

Регион	Доля молодежи среди выявленных участников преступлений					
	Контингент молодежи		2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Санкт-Петербург	в т.ч.	Всего	59,5	59,4	57,7	57,1
		подростки	7,7	7,1	6,2	5,2
		совершеннолетняя молодежь	51,8	52,3	51,5	51,9
Ленинградская область	в т.ч.	Всего	60,6	62,0	59,0	59,3
		подростки	13,2	12,2	11,2	11,1
		совершеннолетняя молодежь	47,4	49,8	47,8	48,2

Как показывает демографический анализ, количество совершеннолетней молодежи в Санкт-Петербурге в два с половиной раза больше массы подростков в возрасте от 14 до 17 лет. В то же время согласно таб. 1 доля совершеннолетних молодых людей из числа участников преступлений больше в 6-9 раз доли несовершеннолетних участников преступлений. То есть наиболее криминализована в указанный период совершеннолетняя молодежь города. Особенностью молодежной преступности является групповой характер совершения преступлений и достаточно большое количество преступлений, совершенных лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения (более 20 %).

Среди преступников молодого возраста доминируют лица, не имеющие постоянного дохода (более 50 %), из числа совершеннолетней молодежи. Работающие молодые люди составляют около трети всех преступников молодого возраста. Из числа несовершеннолетних около 50% преступлений совершается учащимися школ и других образовательных учреждений, около 40% подростками без определенных занятий и остальное количество работающими подростками.

Структура преступлений, совершенных в 2007 г. в Санкт-Петербурге молодежью в возрасте 18-29 лет, отражена в табл. 2.

Согласно табл. 2, совершеннолетняя молодежь Санкт-Петербурга в 2007 г. составила около 51,9 % участников всех преступлений, в т. ч. 58,9 % посягательств против собственности, более половины неправомерных завладений автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (59,5 %), грабежей (58,9 %), разбоев (63,5 %), а также от 65,9 % до 100,0% участников изнасилований, вымогательства, бандитизма. Молодежь преобладает среди лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (66,2 %), и в кражах – самых массовых преступлениях (58,8 %). Отли-

⁵ Источники: Ежегодные отчеты ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области о лицах, совершивших преступления за 12 месяцев 2004 г., 2005 г., 2006 г., 2007 г.

чительная черта указанного контингента – корыстно-насильственная направленность посягательств.

Таблица 2

**Виды преступлений совершеннолетней молодежи
(данные по Санкт-Петербургу за 2007 год)**

Виды преступлений	Всего выявлено участников преступлений	В возрасте 18-29 лет	Их удельный вес, в %
По всем преступлениям	22475	11654	51,9
Особо тяжкие	1579	791	50,0
Небольшой тяжести	8147	3382	41,5
Убийства	274	106	38,7,
Причинение тяжкого вреда здоровью	364	148	40,6
Изнасилование	85	56	65,9
Против собственности	11006	6483	58,9
В том числе			
Кражи	6688	3935	58,8
Грабежи	1790	1054	58,9
Разбои	838	532	63,5
Вымогательство	63	43	68,2
Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	319	190	59,5
В сфере экономической деятельности	570	124	21,7
Против общественной безопасности	379	172	45,4
Бандитизм	2	2	100,0
Хулиганство	209	105	50,2
Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка либо сбыт наркотических средств	4319	2858	66,2
Против порядка управления	701	299	42,7

В структуре преступности несовершеннолетних Санкт-Петербурга в 2007 г. следует выделить такие составы преступлений, как грабежи (240 посягательств), кражи (272 посягательства), разбои (121 посягательство), а также связанные с незаконным оборотом наркотиков (159 посягательств) и с неправомерным завладением автотранспортом без цели хищения (70 посягательств), в совокупности составляющие более 70,0 % от общего массива.

Анализ статистических данных за 2007 г. показывает высокую интенсивность участия совершеннолетней молодежи в совершении особо тяжких преступлений (50 % – в Санкт-Петербурге и 49,5 % – в Ленинградской области) и в то же время более «скромный» молодежный «вклад» в совершение пре-

ступлений небольшой тяжести (41,5 % – в Санкт-Петербурге и 38,0 % – в Ленинградской области).

Показателен тот факт, что молодые дамы в половой структуре данного контингента лиц по региону составляют до 7 % при доле женщин в общем составе всех преступников от 12 до 18 %.

Каждый третий из числа «молодых» участников преступлений был ранее судим. Полученные данные соответствуют результатам исследований других криминологов. Так, по результатам проведенных исследований (П.Н. Кобец, Д.В. Власов), 35,5 % преступников-рецидивистов, совершивших насильственные преступления против собственности, составляют лица в возрасте 18-29 лет⁶. По материалам А.А. Тайбакова, свыше половины (53,0 %) профессиональных преступников первое преступление совершили в возрасте 14-16 лет, 39,0 % – в возрасте 17-18 лет⁷.

Сопоставляя криминальную активность молодежи в возрасте 18-29 лет и несовершеннолетних, следует отметить меньшую агрессивность в деяниях последних. Для структуры подростковой преступности более характерна корыстная составляющая и менее выражена насильственная направленность.⁸

Санкт-Петербург, как крупнейший европейский исторический и культурный центр, а также транзитный центр на путях сообщения из европейских стран в восточные регионы страны и государства Азии, является притягательным не только для туристического бизнеса, учебы,⁹ трудовой деятельности,¹⁰ но и для криминальных интересов. Характерно, что значительное число иностранных граждан, совершивших преступления, представлено возрастной группой – 18-29 лет. Анализируя структуру преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2007 г., необходимо отметить преобладание в ней преступных проявлений имущественного характера (75,6 %): кражи (400 посягательств), грабежи (136 посягательств), разбои (60 посягательств), неправомерное завладение автотранспортом (18 посягательств), мошенничество (15 посягательств).¹¹

⁶ См.: Кобец П.Н., Власов Д.В. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидива насильственных преступлений против собственности на региональном уровне. М.: ВНИИ МВД России. 2006. С. 74

⁷ См.: Тайбаков А.А. Профессиональный преступник // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 86.

⁸ Кочин А.А. и др. Тенденции российской подростковой преступности: Пособие. М.: ВНИИ МВД России. 2007. С.26, 32.

⁹ В учебных заведениях города проходят обучение более 15 тыс. иностранных студентов.

¹⁰ Всего в течение 2007 г. УФМС России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области 210 005 иностранным гражданам оформлены разрешения на работу.

¹¹ Аналитический отчет о миграционной ситуации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по итогам 2007 года: УФМС России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. 2008. С. 1-10.

Лица, имеющие значительный преступный опыт, вовлекают в совершение преступлений неопытных молодых людей. Общественная опасность лиц рассматриваемой категории, посягающих на нравственное и телесное здоровье детей, очевидна. Своеобразный сеятель преступности – вовлекатель – разбрасывает семена противоправности и взращивает соответствующий урожай. Вовлечение в противоправную деятельность подростков играет детерминирующее значение в развитии детской преступности. Криминологический портрет вовлекателя несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий таков: это, как правило, мужчина в возрасте от 18 до 24 лет, городской житель, без определенного рода занятий (не учится и не работает), с неполным средним образованием, не имеющий семьи.

Полученные данные свидетельствуют, что примерно каждый третий молодой преступник совершал преступление в составе группы. Активизация групповых проявлений в молодежной преступности один из опасных криминологических симптомов. Как показывает анализ, удельный вес групповой преступности заметно возрастает по мере снижения возраста преступников. Однако устойчивые, организованные преступные группы относительно более характерны для совершеннолетней молодежи. Подростки чаще всего совершают преступления в составе групп без предварительного сговора, спонтанно. Среди последних распространены неустойчивые группы, у членов которых имеется предварительный сговор на совершение преступлений, но этот сговор касается одного или нескольких преступлений, а их совершение часто не охватывается единым преступным умыслом и носит ситуативный характер.

В целом же высокие показатели групповой преступности молодежи наиболее характерны для таких преступлений, как изнасилование (свыше 40 %), кражи, грабежи (свыше 50 %) и разбои (около 80 %). В преступную деятельность все больше вовлекается студенчество, всегда считавшееся в криминологическом плане более благополучным. Значительно сокращается круг молодежи, ранее настроенной негативно по отношению к криминалитету, а ситуативные групповые нарушения все чаще трансформируются в организованную деятельность устойчивых преступных сообществ. Последнее обстоятельство следует рассматривать как очень опасную тенденцию.

Практика борьбы с противоправным поведением молодежи подтверждает, что в современных условиях наличие устойчивых криминальных группировок создает реальную опасность их использования в качестве ударной силы для дестабилизации обстановки либо в иных антиобщественных целях.¹²

По данным «Бюро по правам человека», в настоящее время в Санкт-Петербурге насчитывается более 20 экстремистских молодежных группировок

¹² См.: Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. М., 2006. С.6-283.

численностью более 30 тысяч человек. Основные молодежные экстремистские движения фашистского типа, открыто пропагандирующие насилие: Питерское отделение Национал-большевистской партии (НБП), формирования Санкт-Петербургского отделения Русского национального единства (РНЕ), движение скинхедов, «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ),¹³ «Славянская Община», «Питерская лига анархистов», «Авангард Красной Молодежи», «Объединенный гражданский фронт», антиглобалистские движения («Экозащита», «Мир не товар!»), зачастую опирающиеся на финансовую и организационную помощь со стороны своих западных коллег. По информации городской прокуратуры,¹⁴ в Санкт-Петербурге к наиболее агрессивным неформальным молодежным объединениям с экстремистским уклоном причисляют себя 563 лица, из них скинхедов – 313, готов – 117, экстремистское крыло движения ролевых игр – 79, панкоориентированные группы – 36, сатано-ролевики – 15.

Неформальные молодежные объединения используют ксенофобию (т. е. нетерпимость к чужеродному), расизм в качестве основы для своей идеологии, принимают участие в публичных акциях: пикетах и митингах, выпускают ксенофобную литературу.

Следует отметить, что молодежной среде присуща высокая латентность преступных посягательств. Нежелание показать себя потерпевшим характерно для молодых людей. Прежде всего, это касается Вооруженных Сил РФ, мест лишения свободы.¹⁵

В настоящее время в России формируется **государственная система противодействия преступным посягательствам**.

Противодействие преступлениям рассматривается как целостная система сдерживающего или упреждающего воздействия со стороны государства и общества на криминогенные явления, процессы с целью снижения их криминогенного эффекта и создания условий, исключающих возможность возникновения таких явлений, процессов.

¹³ По данным Генеральной прокуратуры РФ, указанные первые четыре молодежные движения активны во всех федеральных округах. См.: Информационное письмо Ген. прокуратуры РФ «О совершенствовании практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму» № 27-42-2007 от 13.02.2007.

¹⁴ Докладная записка начальника отдела прокуратуры Санкт-Петербурга Васильевой Т.А.

О состоянии прокурорского надзора за исполнением законодательства по противодействию терроризму, экстремизму среди несовершеннолетних органами государственной власти и местного самоуправления, правоохранительными органами. 2007. С.9

¹⁵ *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С.403-426; *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих. М., 1999. С.100-103, 164-166; *Петухов Н.А., Чукин Д.С.* Некоторые аспекты криминологической характеристики насильственных преступлений против личности, совершаемых военнослужащими. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4(36). С.153-157.

В криминологической литературе наряду с термином «противодействие» используются такие термины, как «профилактика», «превенция» и «предупреждение». До сих пор каждое из указанных понятий вызывает научные споры из-за нормативной неопределенности. Данные термины нередко рассматриваются авторами как самостоятельные, их значение связывается с разными сферами, уровнями и видами рассматриваемой деятельности.¹⁶ В рамках настоящей статьи подобное разграничение носит условный характер, вышеназванные термины применяются как синонимы.¹⁷ Противодействие криминальным посягательствам, в том числе со стороны молодежи, рассматривается как реакция общества и государства на противоправные общественно опасные деяния.

Правовая основа указанного вида деятельности в криминологической литературе представляется по традиционной схеме в виде трех групп на международном, федеральном и региональном уровнях.¹⁸

В первой группе сконцентрированы основополагающие международные договоры и иные документы, ратифицированные Российской Федерацией.

Вторую группу составляют акты, обладающие высшей юридической силой, и подзаконные акты, в том числе указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации и законодательных органов, приказы и инструкции министерств и ведомств. К важным законодательным актам данной группы относится Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В третью группу входят нормативные акты, принятые в различных регионах и субъектах Российской Федерации. Среди последних следует выделить Закон Санкт-Петербурга от 16 февраля 2006 г. № 40-8 «Об основных направлениях молодежной политики Санкт-Петербурга на 2006-2010 годы»; Закон Санкт-Петербурга от 20 февраля 1998 года № 28-6 «О молодежи и молодежной политике Санкт-Петербурга»; Закон Санкт-Петербурга от 09.07.2008 г. № 470-75 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Санкт-

¹⁶ См.: Криминология / Под ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 319-321; Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПбГУ., 2001. С. 140-147

¹⁷ Некоторые авторы придерживаются подобной точки зрения. См.: Криминология: учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. М., 2004. С. 185; Криминология. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД РФ. 1999. С. 234.

¹⁸ Однако имеет место иная систематизация нормативно-правовых актов. См.: Назаркин М.В. Правовые основы деятельности участкового уполномоченного милиции по предупреждению экстремизма // Проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации: Сборник материалов «круглого стола» 28 апреля 2005 г. М.: ВНИИ МВД России. 2005. С. 33-39; Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / Под ред. А.А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2003. С. 316-319, 430-433.

Петербурга в сфере молодежной политики и профилактики правонарушений в Санкт-Петербурге»; постановление Правительства Санкт-Петербурга от 11.07.2006 г. № 848 «О Программе гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006-2010 годы (программа «Толерантность»»).

Среди ведомственных нормативных актов по профилактике насильственных преступлений существенное значение имеют приказ МВД РФ от 17.01.2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»; приказ МВД РФ № 900 от 16.09.2002 г. «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции».

Среди субъектов противодействия молодежной преступности выделяют три группы:

1) субъекты, созданные на основе сотрудничества различных государств в области криминальной превенции;

2) субъекты, функционирующие в структуре государственной власти, разные звенья которых, как правило, представлены на соответствующих ее уровнях (федеральном, субъектов федерации, местном);

3) субъекты, основанные на общественной и частной инициативе.

В государственную систему противодействия преступлениям включены Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней, Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств, Интерпол, Национальный антикриминальный и антитеррористический Оргкомитет России, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы РФ; Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ; Комитет по делам женщин, охраны семьи и детства при Правительстве РФ; федеральные органы социальной защиты населения, образования, здравоохранения, юстиции, внутренних дел, соответствующие им органы субъектов РФ и местного самоуправления, подведомственные им специализированные учреждения и организации, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, специализированные суды.

В Санкт-Петербурге координация деятельности по противодействию преступлениям, в т. ч. молодежным, осуществляется Правительством города.

Организацию профилактической деятельности в Санкт-Петербурге осуществляют различные подразделения органов внутренних дел, в т. ч. Главное управление МВД России по СЗФО, ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, СЗ УВДТ МВД России, Пятое управление МВД России.

ГУ МВД России по СЗФО осуществляет профилактическую деятельность в городе по некоторым категориям преступлений, в т. ч. носящих международный и межрегиональный характер.

ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области осуществляет профилактическую деятельность на всей территории города.

СЗ УВДТ МВД России осуществляет профилактическую деятельность на транспортных объектах.

Пятое управление МВД России осуществляет профилактическую деятельность на режимных объектах.

В Санкт-Петербурге профилактика органами внутренних дел преступлений среди молодых людей обеспечивается по следующим основным направлениям:

- 1) предупреждение общественно-опасных деяний молодежи;
- 2) предупреждение групповой преступности молодежи;
- 3) предупреждение повторной преступности молодежи;
- 4) выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий;
- 5) профилактика пьянства, наркомании и токсикомании среди молодежи;
- 6) работа с родителями или законными представителями несовершеннолетних, не исполняющими своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию детей и (или) отрицательно влияющими на их поведение либо жестоко обращающимися с ними;
- 7) организация и проведение профилактических рейдов и операций;
- 8) организация работы ЦВСНП;
- 9) виктимологическая профилактика.

На уровне основного милицейского звена важную работу по противодействию противоправным посягательствам в районе (городе) организует начальник органа внутренних дел как лично, так и через своих заместителей в пределах их функциональных обязанностей на основе оценки оперативной обстановки, криминологического анализа правонарушений, результатов деятельности подразделения по борьбе с ними. Основное внимание он уделяет соблюдению сроков и качеству рассмотрения жалоб и заявлений о данных правонарушениях; состоянию выявления причин и условий совершения тяжких преступлений против жизни и здоровья; мерам, принятым по их устранению; реагированию служб и подразделений ОВД на сообщения граждан о происшествиях; своевременности выезда на места происшествий следственно-оперативных групп; выявлению и постановке на соответствующий вид учета правонарушителей; принятию к ним превентивных мер, предусмотренных действующим законодательством.

В деятельности по противодействию преступлениям принимают участие все службы и подразделения ОВД, однако ведущая роль принадлежит участковым уполномоченным милиции. Это связано с тем, что участковый уполномоченный милиции должен хорошо знать население и объекты своего административного участка, уметь выявлять лиц с криминогенным поведением, владеть методикой и тактикой разрешения конфликтных ситуаций особенно в сфере быта, воздействия на конкретных правонарушителей как самостоя-

тельно, так и с привлечением сил общественности, организовать в этих целях тесное взаимодействие с другими службами ОВД.

В подразделениях органов внутренних дел города важное значение имеют координационный либо координационно-методический совет по профилактике преступлений, действующие при начальнике соответствующего ОВД.

Принцип деятельности сотрудников милиции по профилактике преступлений заключен, прежде всего, в уменьшении вредных последствий негативных явлений. Применение превентивных мер должно максимально отвечать правам человека и соответствовать действующим правовым и моральным нормам.¹⁹

Противодействие преступлениям молодежи осуществляется в рамках единой системы предупреждения преступности.

При классификации предупредительных мер по цели в криминологической литературе принято выделять **3 уровня**:

– общесоциальный, на котором обеспечивается воздействие на среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни населения в целях их улучшения, гармонизации;

– локальный, на котором осуществляются специально-криминологические меры безопасности, обеспечивается воздействие на «группы риска» и устранение обстоятельств, способствующих совершению насильственных преступлений;

– индивидуальный, на котором обеспечивается конкретизация общесоциальных и специально-криминологических мероприятий в отношении конкретного лица.

На общесоциальном уровне основной мерой воздействия со стороны органов внутренних дел на формирование каждой личности и надлежащих межличностных отношений является пропаганда среди молодежи и всего населения правовых знаний, правил поведения в быту, тесно увязанная с предметным рассмотрением причин возникновения конфликтов, путей и средств их правомерного разрешения. Предупредительный эффект правовоспитательной работы обусловлен воздействием на правосознание, на нравственную сторону личности путем создания стимулов к законопослушному поведению в семье и применения мер принуждения при отклонении от такого. Существенную роль в преодолении преступлений, особенно сексуальных, может сыграть религия. Таким образом, через правосознание можно оказывать предупредительное воздействие на субъективные и объективные причины и условия преступности, формировать атмосферу доброжелательности и терпимости.

Профилактический эффект достигается, в конечном счете, вследствие успешного проведения социально-экономической политики в целом. Обеспечение достойных человеческих условий жизнедеятельности – залог сниже-

¹⁹ Гилинский Я.И. Криминология. Курс лекций. СПб., 2002. С. 348.

ния конфликтности в обществе и преступлений как средств разрешения конфликтов.

На локальном уровне выделяются меры специальной профилактики, в том числе криминологической, уголовно-правовой, уголовно-исполнительной и т. д., начиная от установкой сигнализации, домофонов, до эффективной уголовной политики, включающей взаимодействие милиции и населения. Специально-криминологическое предупреждение преступлений охватывает широкий комплекс различных по характеру мер, непосредственно направленных на устранение, нейтрализацию, минимизацию криминогенных факторов; оздоровление социальной среды, коррекцию поведения лиц, чье поведение чревато угрозой совершения преступления и т. п.²⁰

Важным средством противодействия преступлениям, в т. ч. со стороны молодежи, является проведение региональными органами внутренних дел широкомасштабных профилактических операций, таких как «Вихрь-антитеррор», «Антикриминал», «Караван-Авто», «Надзор», «Подросток-Игла», в том числе и специализированной операции «Защита» по профилактике внутрисемейных насильственных преступлений.

Кроме того, на территории города на постоянной основе проводятся оперативно-профилактические мероприятия антитеррористического характера, в том числе связанные с обеспечением режима пребывания иностранных граждан на территории РФ, направленные на перекрытие источников и каналов поступления в незаконный оборот оружия, наркотических средств, а также комплекс правоохранительных мер в отношении организаций экстремистской направленности, призывы и действия которых подрывают общественную безопасность и правопорядок, создают реальную угрозу основам международных отношений.

Своевременное изобличение виновных в совершении преступлений является одним из основных показателей профилактической деятельности органов внутренних дел. Некачественная работа по раскрытию преступлений препятствует реализации принципа неотвратимости наказания. В целях повышения эффективности раскрытия преступлений регулярно проводятся мероприятия по укреплению оперативных позиций для получения значимой информации с дальнейшей ее обработкой и успешной реализацией.

Одним из эффективных средств специальной профилактики является обеспечение должной учетно-регистрационной дисциплины, соответствующей реальному положению событий.

К уголовно-процессуальным мерам профилактики относится качественное расследование уголовных дел, выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, своевременное направление дела в суд.

²⁰ См.: Теоретические проблемы предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Киев, 1977. С. 165; Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 186-217.

Противодействие уличной преступности обеспечивается, в первую очередь, сотрудниками наружных милицейских служб: патрульно-постовой, участковых уполномоченных. Маршруты патрулирования нарядов ППС, ГИБДД, ОВО максимально приближены к криминогенным местам.

Усиление плотности милицейских нарядов с привлечением общественности в вечернее и ночное время весной и осенью оказывает профилактирующее воздействие на оперативную обстановку на территории региона.

Эффективная профилактика дежурных частей ОВД осуществляется путем оперативного реагирования на сообщения о происшествиях, в том числе на сообщения об острых бытовых и уличных конфликтах.

При сообщении о происшествии дежурная часть ОВД координирует силы и средства милицейских подразделений с целью принятия своевременных мер, предусмотренных законом, обеспечивает взаимодействие с другими государственными (здравоохранения, МЧС и т. п.) и общественными органами. В случае совершения тяжких преступлений на места происшествий направляются следственно-оперативные группы, приданные силы, извещаются сотрудники прокуратуры, ФСБ и иных органов.

На индивидуальном уровне профилактика неправомерных посягательств со стороны молодежи и других лиц заключается в своевременном выявлении лиц с противоправным поведением, применении к ним предупредительных мер с целью устранения опасности совершения этими лицами преступлений.

К первичным стадиям противодействия преступлениям на индивидуальном уровне относят 2 стадии:

- 1) выявление лиц, групп и организаций, в т. ч. молодежных, от которых можно ожидать совершения криминальных посягательств;
- 2) непосредственное осуществление предупредительных мер.

Первая стадия включает сбор и анализ информации, связанной с противоправными посягательствами: об оперативной обстановке, о маргинальных лицах и группировках. На практике апробированы такие методы сбора сведений об объектах предупреждения, как наблюдение, беседа, опрос, изучение документов, проведение целевых мероприятий. В зависимости от ситуации они осуществляются как раздельно, так и комбинированно.

Вторая стадия состоит в непосредственном осуществлении мероприятий по профилактике, предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также их пресечению.

Изучение практики показало, что уделяется недостаточное внимание профилактическим мероприятиям в микросоциальной среде. Для ликвидации отрицательного влияния микросреды в ряде случаев целесообразно изолировать профилактируемого от негативно влияющих на него лиц по месту работы (например, от туеядцев, субультников), для чего помочь изменить место работы и приобрести на новом месте положительные связи.

Одним из направлений профилактики молодежной преступности является повышение эффективности деятельности органов внутренних дел. Некачественная работа последних имеет серьезные негативные последствия. Так, 07.11.2007 г. в совершении убийства уроженца Узбекистана Пормонова И.Б. в поселке Репино Курортного района Санкт-Петербурга были изблечены ученик школы № 699 Л., 08.03.1991 г. р., и четверо молодых людей в возрасте от 16 до 19 лет, причислявших себя к неформальным молодежным организациям (уголовное дело № 394440 от 08.11.2007 г.). В ходе расследования установлено, что с 13.10.2005 г. подросток Л. состоял на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних как лицо, совершившее общественно-опасное деяние до достижения им возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Кроме того, 01.02.2006 г. он был поставлен на списочный учет как лицо, причислявшее себя к движению скинхедов: поддерживал их взгляды, имел соответствующую атрибутику: татуировки на теле, одежду и аксессуары (брелки, браслеты). Вскоре 09. 01.2007 г. подросток Л. необоснованно был снят с профилактического учета, хотя школу не посещал, нигде официально не трудоустроен и не отрицал свою принадлежность к скинхедам. Даже после того, как 25.01.2007 г. несовершеннолетний Л. был привлечен к уголовной ответственности за вандализм (уголовное дело № 509447 от 25.01.2007 г.), сотрудниками ОВД профилактическая работа с подростком Л. надлежащим образом не осуществлялась: все свободное время он проводил на улице с лицами, склонными к совершению антиобщественных поступков, что и привело впоследствии несовершеннолетнего Л. к совершению убийства.

По результатам проверки, проведенной прокуратурой Курортного района Санкт-Петербурга по данному факту,²¹ установлено, что происшедшее явилось следствием грубых нарушений действующего законодательства со стороны сотрудников УВД Курортного района Санкт-Петербурга, а именно:

- отсутствовало должное взаимодействие между подразделениями по делам несовершеннолетних, уголовным розыском, следователями, дознавателями, другими службами и подразделениями органов внутренних дел;
- своевременно не были выявлены сотрудниками криминальной милиции лица, вовлекавшие несовершеннолетнего в преступную деятельность;
- индивидуальная профилактическая работа как сотрудниками подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) и уголовного розыска с подростком, так и участковым уполномоченным милиции с социально неблагополучной семьей подростка проводилась бессистемно, формально;
- отсутствовал должный контроль со стороны руководства УВД за деятельностью уголовного розыска и подразделения по делам несовершеннолетних.

²¹ См.: Представление прокуратуры Курортного района г. Санкт-Петербурга «Об устранении нарушений действующего законодательства» от 12.11.2007 г.

По данным ИЦ при ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, на протяжении последних лет наблюдается тенденция сокращения числа несовершеннолетних участников преступлений, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Всего около 69% подростков снимается с учета по исправлению. Однако данные основания документально не подтверждаются ни характеристиками по месту учебы, работы или иных органов и учреждений системы профилактики, ни материалами, подтверждающими эффективность и результативность данной работы. Результатом отсутствия информации об образе жизни, преступных намерениях и фактическом времяпровождении подучетных подростков является необоснованное снятие таких подростков с учета в ОДН в связи с исправлением поведения и совершения последними вскоре после этого преступлений.

Так, в совершении убийства Наимова и покушении на убийство Колондарова 16.02.2007 г. в Пушкинском районе Санкт-Петербурга, а также других тяжких преступлений экстремистской направленности был избран несовершеннолетний А., 24.11.1989 г. р., учащийся ПТУ № 29, из молодежной группировки скинхедов. В ходе расследования уголовного дела по данным фактам установлено, что с 2005 г. подросток состоял на учете в подразделении по делам несовершеннолетних за совершение антиобщественных действий. Поддерживал взгляды и участвовал в акциях скинхедов. Однако 05.02.2006 г. он был необоснованно снят с учета в ПДН якобы в связи с исправлением. Несмотря на то, что в июне 2006 г. подросток А. привлекался к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ (появление в общественных местах в состоянии опьянения), вновь поставлен на учет не был при наличии законных оснований.

Прокурором Санкт-Петербурга в представлении «Об устранении нарушений законодательства, направленного на предупреждение преступности несовершеннолетних» от 02.08.2007 г. отмечены существенные недостатки в деятельности ОВД по профилактике подростковой преступности. Было обращено внимание на то, что со стороны сотрудников ОВД не обеспечивается комплексный подход к работе по предупреждению преступности несовершеннолетних, в том числе повторной; отсутствует должный ведомственный контроль; не налажен действенный механизм контроля за поведением несовершеннолетних, состоящих на учете в ПДН ОВД.²²

Необходимо отметить, что сотрудники органов внутренних дел совместно с педагогами, социальными работниками, представителями общественности и иными заинтересованными лицами принимают участие в проводимой с

²² См.: Представление Прокурора Санкт-Петербурга «Об устранении нарушений законодательства, направленного на предупреждение преступности несовершеннолетних» от 02.08.2007 г.

молодежью социальной работе и обеспечении образовательного процесса. Так, в некоторых школах города инспектор по делам несовершеннолетних местного ОВД закреплен за конкретным общеобразовательным учреждением (так называемый «школьный» инспектор ПДН).

Заслуживает внимания для изучения и распространения опыт совместной работы ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и специализированного предприятия ООО «Новое поколение» по трудоустройству и реабилитации неучащихся и неработающих несовершеннолетних из числа состоящих на учете в органах внутренних дел.

С 1993 г. в Санкт-Петербурге данное предприятие занимается социальной адаптацией несовершеннолетних и молодежи в возрасте от 14 до 18 лет включительно. В городе функционирует 6 площадок указанного предприятия, в т. ч. на базе воспитательной колонии г. Колпино и спецшколы закрытого типа № 1 в Приморском районе, на которых работают более 1000 подростков.

Основой социальной адаптации является привитие несовершеннолетним трудовых и социальных навыков. С этой целью на предприятии созданы для несовершеннолетних рабочие места, которые представляют собой производство развивающих детских настольных игр. Основной специальностью на предприятии является сборщик-комплектовщик.

В ООО «Новое Поколение» направляются несовершеннолетние, в возрасте от 14 до 18 лет, которые не учатся и не работают и совершили правонарушения и преступления. Устройство на предприятие осуществляется по направлениям инспекторов ОДН РУВД или районных комиссий по делам несовершеннолетних. Подросткам, работающим на предприятии, оказывается весь спектр социальной и психологической помощи, необходимой для них.

Значительное место в работе с подростками занимает медицинское обеспечение. Собственная медицинская часть предприятия, во взаимодействии с детскими лечебными учреждениями города, осуществляет эффективный медицинский контроль за здоровьем несовершеннолетних. На каждого подростка заведены медицинские карты и сертификаты вакцинации. При приеме на работу юноши и девушки проходят полное медицинское обследование, что позволяет быстро выявлять инфекции, отклонения в развитии и принимать соответствующие медицинские меры. После этого два раза в год несовершеннолетние работники предприятия проходят полную диспансеризацию и вакцинацию. При необходимости они направляются на стационарное лечение.

Осуществляется трехразовое ежедневное (в рабочие дни) бесплатное горячее питание для всех подростков. Питание осуществляется на собственных пищеблоках предприятия.

Поскольку средний уровень образования подростков, приходящих в ООО «Новое Поколение», составляет четыре с половиной класса, на предприятии на базе вечерних сменных школ организовано обучение по специальной ком-

пенсационной программе, разработанной в Комитете по образованию Правительства Санкт-Петербурга. Получение 9-классного образования является обязательным. После получения соответствующего государственного аттестата подростки могут продолжить обучение без отрыва от производства до получения ими среднего образования. Следует отметить, что в последнее время количество ребят, желающих получить полное среднее образование, возросло. Получение образования стимулируется различными методами, включая материальные.

В вечернее время после учебы организован досуг несовершеннолетних. Основными формами организации досуга являются обычно востребованные в подростковой среде спортивные занятия, просмотр видеофильмов и участие в культмассовых мероприятиях от дискотеки до театрализованных представлений. Причем значительной популярностью среди несовершеннолетних пользуются проводимые ежемесячно спортивные турниры: по футболу, настольному теннису, волейболу. Спортивные залы и игровые площадки имеются на всех объектах предприятия. В летнее время в период отпусков для несовершеннолетних, не имеющих возможности выехать за город с родственниками, проводится организованный выезд в загородные базы отдыха.

Проведение групповой и индивидуальной воспитательной работы также является существенной частью всей деятельности по коррекции поведения несовершеннолетних. Групповая воспитательная работа осуществляется непосредственно в производственных коллективах мастерами с применением методов материального и морального поощрения и активным использованием подросткового самоуправления, значительную роль в этом играет бригадный метод оплаты труда. Основной способ индивидуальной воспитательной работы с подростками – работа психотерапевтов. Как правило, юноши и девушки, приходящие на предприятия, имеют значительные психологические проблемы. На каждом объекте предприятия работает опытный психотерапевт. Таким образом, сочетание индивидуальной воспитательной работы с групповой дает устойчивый положительный эффект.

На предприятии имеется общежитие для несовершеннолетних, работающих на предприятии, которые по объективным обстоятельствам не могут проживать дома. Решение о поселении в общежитие принимается педагогическим советом предприятия, и после направления подростка в общежитие воспитательной службой принимаются меры для решения возникших у несовершеннолетнего проблем. Как правило, подростки девушки и юноши проживают в общежитии около полугода.

С 2003 г. в Колпинской воспитательной колонии, находящейся на территории Санкт-Петербурга, где отбывают наказания несовершеннолетние, совершившие преступления, была создана площадка ООО «Новое Поколение» на 150 постоянных специализированных рабочих мест. В результате подавляющее большинство юношей, отбывающих наказание в колонии, получили

возможность зарабатывать средства для себя, заняться общественно-полезным трудом, получать дополнительное питание и также стать работниками ООО «Новое Поколение». Они получают полный социальный пакет. В колонии существенно улучшилась морально-психологическая обстановка. Юноши, выходящие из колонии, получают средства, что позволяет им произвести необходимые расходы на одежду и обустройство после освобождения. Желающие продолжают работу на площадках предприятия в городе, что также решает проблему дальнейшего трудоустройства после выхода на свободу.

Осуществляется контроль за поведением вне предприятия, в том числе в семье и на отдыхе. Судьба каждого подростка отслеживается и после ухода с предприятия. Подросткам гарантирован ежемесячный заработок, достаточный для обеспечения самостоятельной жизни, учитывая, что все подростки, приходящие на предприятия, в большинстве своем из неблагополучных детей с низким уровнем дохода.

Труд в ООО «Новое Поколение» носит доступный для несовершеннолетних характер. Основные операции, производимые подростками, технологический процесс полностью адаптированы для труда несовершеннолетних, с соблюдением всех существующих законодательных норм. ООО «Новое поколение» занимает устойчивое место на рынке детских игрушек. Продукция предприятия пользуется стабильным спросом и реализуется на всей территории Российской Федерации и странах СНГ.

Результаты работы специального предприятия ООО «Новое Поколение» с несовершеннолетними способствуют стабилизации оперативной обстановки в городе по линии несовершеннолетних и свидетельствуют о его несомненной эффективности.

Практика профилактики молодежной преступности в регионе достаточно разнообразна. Новые подходы изучаются, обсуждаются на конференциях, семинарах и внедряются в жизнь. Так, в настоящее время в Санкт-Петербурге по аналогии с проводимыми в Архангельске и других регионах России осуществляются определенные мероприятия в отношении несовершеннолетних, которые являются участниками уголовного процесса в качестве подозреваемых или обвиняемых. Там реализуются экспериментальные площадки по внедрению специальных восстановительных мер в отношении подростков, подвергшихся уголовному преследованию. Таковыми являются посредничество по уголовным делам с участием несовершеннолетних, составление и реализация индивидуальных программ социальной реабилитации и ресоциализации детей – жертв преступлений, а также самих несовершеннолетних преступников. При содействии общественной организации центр «Судебно-правовая реформа» реализуется проект «Восстановительное правосудие в России». В рамках данного проекта с участием ОВД внедряются в правоприменительную практику нетрадиционные механизмы реакции государства на преступное деяние с максимальным снижением репрессивного начала.

Подводя итог изложенному, можно констатировать следующее.

Во-первых, молодежная преступность составляет основу для воспроизводства общей преступности. Именно лица молодого возраста преобладают среди вовлечателей несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий.

Во-вторых, преступники из числа молодежи – авангард насильственно-корыстного криминалитета. В структуре «молодежной» преступности преобладают корыстные, корыстно-насильственные и насильственные виды преступлений.

В-третьих, противоправные посягательства молодых людей носят преимущественно групповой характер.

Говоря о дальнейшем развитии ситуации, связанной с преступностью молодежи в России, можно сделать вывод, что доминирующее положение в ее структуре будут продолжать занимать корыстно-насильственные преступления. Среди факторов, негативно воздействующих на состояние и структуру молодежной преступности, преобладающее влияние окажут социально-экономическая нестабильность, высокий уровень криминализации экономики, сокращение социальных гарантий значительной части населения страны.

Снижение уровня правонарушений, совершаемых молодыми людьми, в нынешних условиях невозможно без активизации деятельности по своевременному выявлению подростков и совершеннолетних молодых людей, которые склонны совершать общественно опасные деяния, без проведения полноценного комплекса принудительных мер воспитательного воздействия на всех уровнях социальной, экономической и правоприменительной работы, устранения или нейтрализации криминогенных факторов в основных сферах жизнедеятельности молодежи (родительская семья, учеба, досуг).

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА «Август 2008-го: события в Южной Осетии в свете новых отраслей криминологии и международного уголовного права» от 26.09.2008 года

В. А. Бачинин *

О ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ ВОЙНЫ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

ПОЛИСЕМАНТИКА ВОЙНЫ

Говорить о том, что войны являются неотъемлемой составляющей мировой истории, значит провозглашать прописную истину. Еще в XX в. швейцарский историк Жан-Жак Бабель подсчитал с помощью ЭВМ, что за последние шесть тысяч лет человечество пережило 14 513 войн, в которых погибло 3 млрд. 640 млн. человек. Зная и помня об этом, современная социальная мысль, между тем, не слишком далеко продвинулась в понимании сути и смыслов войны как деструктивной, самоубийственной социальной стратегии. Об эпистемологических туниках, поджидающих на этом пути человеческий разум, писал еще Лев Шестов. Он сетовал на то, что еще в гимназии понимал, зачем Александр Македонский шел в Индию, Цезарь на галлов, а Наполеон в Россию. Однако чем понятнее были объяснения, тем «тошнее» ему становилось от них. Его совершенно не удовлетворяли объяснения, ссылающиеся на «интересы народов». Его повергала в смятение и ужас убийственная нецелесообразность войн, те невероятные затраты и усилия, то расточение и истощение сил, которыми ведение войн оборачивалось для государств, обществ, народов. Если бы все эти средства и силы удалось обратить на охранение действительных интересов народов, то земля давно бы превратилась в бескрайний цветущий сад. И Шестов приходит к вполне логичному, хотя и парадоксальному по форме, заключению: чтобы понять смысл войны, нужно сказать себе, что она не имеет ровно никакого смысла, является вопиющей бессмыслицей, губящей все интересы.

Если исходить из того, что любой военный конфликт имеет множество смысловых измерений, в том числе и такие, которые свидетельствуют о пол-

* **Владислав Аркадьевич Бачинин** – доктор социологический наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия).

© В. А. Бачинин, 2009

ном отсутствии в нем здравого смысла, приемлемого рационального начала, то это означает всего лишь предельную сложность того семантического пространства, которое вмещается в границы слова война. Именно поэтому каждое военное столкновение дает самый широкий простор мыслям не только военных корреспондентов, но и политологов, социологов, психологов, криминологов, специалистов по международному праву, экономике, военной истории и проч. Именно поэтому о каждой конкретной военной кампании можно рассуждать бесконечно долго, обнаруживая в ее содержании всё новые и новые семантические грани и аксиологические аспекты.

Одним из самых сложных измерений войны является ее духовное изменение. Внимание к нему выводит человеческое сознание за пределы релятивизма в сферу абсолютных критериев, где за внешним кроется внутреннее, за очевидным – невидимое, за материально-осязаемым – сокровенно-духовное. Но обнаружить всё это не так-то просто, поскольку война это негативная, деструктивная разновидность социальных отношений, выступающих в виде открытого вооруженного конфликта между разномасштабными общностями – государствами, классами, нациями и несущая неисчислимые бедствия и страдания огромному числу людей.

Военные конфликты принадлежат к разряду враждебных отношений, когда стороны движутся к своим целям в условиях ожесточенного противоборства, используя разнообразные имморальные и неправовые средства обман, целенаправленное насилие, массовые убийства, намеренные разрушения жизненной среды, уничтожение ценностей цивилизации и культуры. Как правило, воюющие стороны руководствуются в отношении друг друга имморально-неправовыми принципами «вседозволенности», пребывая во власти настроений взаимной озлобленности, агрессивной наступательности, безжалостной ненависти к противнику.

В условиях войны ценности жизни и культуры, морали и права превращаются в глазах воюющих противников в бесконечно малые величины, которыми обе стороны легко пренебрегают. Объективная логика войны такова, что даже жертва нападения, вынужденная вести оборонительные действия, которые в целом, как ей может казаться, отвечают критериям справедливости, вынуждена прибегает к мерам, адекватным мерам агрессора, т. е. использовать такие средства, как коварство, насилие, убийства врагов.

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Библия указывает на то, что склонность людей к конфликтам и войнам обусловлена теми духовными изъянами, которые стали им присущи после грехопадения прародителей. Иисус Христос ставил мир выше войны и благословлял миротворцев (Мат. 5, 9). Вместе с тем, Он считал войны неотъемлемым атрибутом мира, лежащего во зле, и предупреждал: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это еще не

конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство...» (Мк. 13, 7-8).

Христианская теология войны не представляет собой целостного, внутренне непротиворечивого учения. Позиция последовательного пацифизма, абсолютного неприятия любых форм насилия характерна лишь для некоторых протестантских деноминаций – квакеров, меннонитов, анабаптистов и др. Католические и православные богословы, учитывающие греховность человеческой природы, реальную предрасположенность людей к злу, вражде и практическую невозможность человеческого рода в его настоящем состоянии жить без войн, признают последние в качестве вынужденного средства разрешения острейших социальных проблем. Они сформулировали принципы, при которых христиане могут участвовать в военных действиях. В западном католическом сознании эти принципы восходят к духовному наследию Фомы Аквинского и включают следующие требования:

- 1) санкционированность военных действий высшей государственной властью;
- 2) справедливая цель войны (например, защита отечества от нападения внешнего врага);
- 3) мотивировка участия в войне желанием утвердить добро и воспрепятствовать распространению зла.

Впоследствии к этим условиям было прибавлено требование использовать в военных действиях только те средства и методы, относительно которых не существует запретительных международных конвенций.

Папа римский Иоанн Павел II неоднократно подчеркивал в своих выступлениях связь темы войны с проблемой свободы. Он утверждал, что сугубо секулярное толкование свободы является той роковой ошибкой человеческого разума, которая порождает трагические последствия в макросоциальной жизни, в том числе и войны. Именно свобода, оторванная от веры, истины, любви, оборачивающаяся волей к безграничному утверждению своих интересов, т. е. фактической вседозволенностью, явилась предпосылкой тех разрушительных войн, которые потрясли мир в период между 1914 и 1945 гг. «То были войны, начало которым было положено милитаризмом и агрессивным национализмом, и связанными с ними формами тоталитаризма; войны, ставшие следствием классовой борьбы, гражданских и идеологических войн. Без чудовищного груза ненависти и обид, накопившегося в результате стольких несправедливостей как на международном уровне, так и внутри отдельных государств, невозможны были бы столь жестокие войны, в которые была вложена энергия великих держав и в которых не останавливались перед нарушением самых священных прав человека, раз было запланировано и осуществлено истребление целых народов и социальных групп».¹

¹ *Иоанн Павел II (Кароль Войтыла)*. Сочинения. Том II. Энциклики. О святом Иоанне Креста. Молитвенные размышления. Речи и проповеди. Поэзия. Приложения. М., 2003. С. 105

Русская Православная Церковь считает войну злом, физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти, идущей от Каина и его потомков. Одной из причин войны является греховное злоупотребление данной Богом свободой. Вместе с тем, Церковь «не воспринимает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством».²

Православное сознание определяет сущность справедливой войны, приводя следующие факторы:

- войну следует объявлять ради восстановления справедливости;
- войну имеет право объявить только законная власть;
- право на использование силы должно принадлежать не отдельным лицам или группам лиц, а представителям гражданских властей, установленных свыше;
- война может быть объявлена только после того, как будут исчерпаны все мирные средства для ведения переговоров с противной стороной и восстановления исходной ситуации;
- войну следует объявлять только в том случае, если имеются вполне обоснованные надежды на достижение поставленных целей;
- планируемые военные потери и разрушения должны соответствовать ситуации и целям войны (принцип пропорциональности средств).³

При этом война остается абсолютным злом, с которым человек вынужден время от времени соприкасаться в своей земной жизни. И для него крайне важно, участвуя в военных действиях, не утратить свою человеческую суть, нравственность, достоинство, честь, совесть, веру, идеалы. То есть не дать злу победить, поглотить индивидуальное «я» без остатка. В противном случае даже формальная, внешняя победа обернется для личности сокрушительным внутренним поражением, катастрофическим сломом ее самых тонких духовных структур, фактическим расчеловечиванием. И это в полной мере относится как к рядовым участникам военных действий, так и к политическим лидерам, под руководством которых разворачиваются военные конфликты.

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 87-88.

³ См.: там же. С. 89.

В.В. Лунеев *

НАЦИОНАЛИЗМ ЖИВУЧ

В начале 90-х годов прошлого столетия я работал над книгой «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции». Книга такая в нашей стране никогда не выходила. О преступности в те годы уже писали много, но чтобы охватить по времени все XX столетие, а по территории – весь мир (по возможности), а затем регион бывших советских республик и Россию в интегрированных более или менее сопоставимых тенденциях, не было. Интернета в те годы еще не существовало и мне приходилось обращаться за помощью в ООН, и министерства внутренних дел (или в министерство юстиции, например, в США) в очень многие страны и ко многим криминологам разных государств. Абсолютное большинство относилось к моим просьбам доброжелательно. Особую заботу при сборе материала я проявлял к нашим внутренним криминогенным обстоятельствам. А их было неохватно много. Большую опасность представляли межнациональные кровавые конфликты.

На территории бывшего СССР в эти годы полыхали сотни межнациональных конфликтов, имеющих криминальный характер. По состоянию на март 1991 г. в СССР было зарегистрировано 76 разгоревшихся территориально-этнических споров. 80 споров находились в латентной стадии. И хотя за распад СССР 17 марта 1991 г. на общесоюзном референдуме проголосовала лишь пятая часть населения (21,7 %), она победила. Через год Союза не стало, а споры выросли числом и ожесточенностью. Их зарегистрировано 180. Около 7 млн. кв. километров, или треть бывшего СССР, – земли, вовлеченные в территориальный передел. Территориальных споров не было только на границах Литвы и Латвии, России и Белоруссии.

В одной только России по состоянию на март 1992 г. были провозглашены создание польского национального образования в Калининградской области, выход Майкопского района из Республики Адыгея, восстановление Шапсугского национального района в Краснодарском крае, выход Чечни из России, создание в Татарстане русскоязычной Закамской республики и чувашской автономии, создание татарских автономий в России, создание Мирнинского автономного района в Якутии, образование Еврейской автономной республики, выход четырех районов из этой республики и т.д. Ленинская национальная политика аукнулась через семь десятилетий. Тогда родилась поговорка: «Идея суверенитета захватила народ от республик до сельсоветов». К счастью, почти все эти споры были мирными. У людей хватило разума не проливать кровь собратьев.

* **Виктор Васильевич Лунеев** – лауреат Государственной премии РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

© В.В. Лунеев, 2009

Ну, а на территории СССР с 1986 г. и почти до второй половины 1990-х гг. было около двух десятков особо кровавых конфликтов. Их все знают и вряд ли их надо перечислять. Среди них: Абхазия – Южная Осетия – Грузия.

Преступления, совершаемые в межнациональных конфликтах, регистрировались и расследовались. В 1990 г. в СССР было создано Главное следственное управление МВД СССР, которое расследовало и вело статистику межнациональной преступности. Работая над преступностью XX века, я не мог обойти преступность, совершаемую на межнациональной почве. Я был допущен и к статистике, и к уголовным делам, которые расследовались. По горячим следам я написал относительно объемную статью «Преступность в межнациональных конфликтах» в 2-х частях, которые были опубликованы в 1995 г. в двух номерах (№4 и № 7) журнала РАН «Социологические исследования». В статье рассматривались исторические предпосылки подобных конфликтов в СССР, статистика межнациональной преступности и особо значимые конфликты: азербайджано-армянский, грузино-абхазско-осетинский, приднестровско-молдавский, российско-чеченский, а также среднеазиатские и северо-кавказские конфликты. Статья в доработанном виде перешла в монографию «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» (1997), за которую я получил Государственную премию РФ в 1999 г., и осталась эта глава и во втором расширенном издании (2005 г.). Поскольку упомянутая работа писалась на основе «горячих фактов» того времени, оценки которых с тех пор практически не изменились и, учитывая новые кровавые события 8-9 сентября 2008 г., когда руководство Грузии, вскормленное США, сорвалось с цепи договорных условий, устроило массовый геноцид осетинского народа, я и предлагаю материал двадцатилетней давности о грузино-абхазско-осетинском конфликте в неизменном виде. Он свидетельствует о том, что жажда кровавой расправы с братскими народами у грузинского руководства всех мастей была доминирующей идеей фикс многие годы. С великой болью констатирую, что эта идея вряд ли была бы такой долговечной со времен больного «демократа, интеллигента и правозащитника» Гамсахурдия, если бы какая-то значительная часть грузинского населения (в целом глубоко уважаемого) не поддерживала бы эту бредовую фашистскую жажду. Причины глубокой и многолетней межнациональной вражды не следует сводить только к оголтелым политикам. Корни террористического национализма намного глубже, и внутренние и зарубежные. Это важно осознавать сейчас, когда эгоистические националистические столкновения и самоутверждения на нашей грешной земле при истощении средств существования множатся, и их не погасить политически, юридически и криминологически порочными и идеологизированными статьями 282, 282-1 и 282-2, образца 2002 г. (как было в России), когда к реалистичным расовым, национальным и религиозным мотивам были «пристегнуты» мотивы идеологической, политической и социальной вражды и ненависти. Такого не было даже при Сталине. И на этой основе

соответствующие паразитические слои нашего общества объединили эти мотивации в одно: в России наступает фашизм и русский национализм. Замалчивая свои грехи, эти слои раздували не существующие, но им выгодные обстоятельства. Лишь в 2007 г., после многочисленных выступлений ученых, в том числе и автора,¹ УК изуверски подправили, переместив «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» из ст. 282-1 в 11 статей УК Особой части, предусматривающие уголовную ответственность за убийство причинение любого вреда здоровью, угрозу, хулиганство, вандализм и т.д., а также в обстоятельствах, отягчающих наказание.

Ныне особо актуальным стал нынешний конфликт на Кавказе. Он разгорелся еще в 90-е годы прошлого века, до настоящего времени является тлеющим. Он находится в Грузии, Абхазии и Южной Осетии. У Абхазии была своя история, далеко не всегда связанная с Грузией. Она сформировалась как Абхазское царство, объединилась с Грузией, вышла из нее, самостоятельно присоединилась к России, самостоятельно боролась за Советскую власть, была учреждена как независимая советская социалистическая республика, признанная Грузией, и лишь в 1921 г. на основе союзного договора с Грузией вошла в ее состав, а затем в СССР. В сталинско-брежневские времена она активно заселялась грузинами.

На общей нездоровой волне национального раскрепощения и суверенизации в СССР 18 марта 1989 г. в с. Лыхны Гудаутского района Абхазии на митинге абхазского населения по предложению Народного фронта было принято обращение в ЦК КПСС и СМ СССР «О статусе Абхазской АССР» и постановление о восстановлении Абхазии в качестве союзной республики, что вызвало большое недовольство грузин в Абхазии и всей Грузии. 25 марта в г. Гаги Абхазии состоялся ответный митинг грузин, где было выражено жесткое несогласие с решением абхазской общечественности.

4 апреля 1989 г. перед зданием правительства Грузии в Тбилиси был организован многодневный несанкционированный митинг с требованиями: предоставить суверенитет Грузии, выселить абхазцев из Абхазии и ликвидировать ее автономию. К 8 апреля активность митингующих возросла, они призывали к захвату ЦК КП Грузии, останавливали транспорт, загораживали проезжую часть улиц, проводили агитационную работу в других городах Грузии с призывами присоединиться к митингующим. Просьбы к митингующим разойтись и выступление перед ними руководителя Грузинской церкви Ильи II не имели положительных результатов.

В ночь с 8 на 9 апреля по решению грузинских и союзных властей органами МВД и войсками Закавказского военного округа была проведена опера-

¹ Луцев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 391-393.

ция по вытеснению 8-тысячной толпы с площади. Она, вооруженная камнями, палками, бутылками и металлическими предметами, оказала яростное сопротивление. Военнослужащие внутренних войск применяли резиновые дубинки, слезоточивый газ, а десантники – саперные лопатки. В ходе этой операции получили ранения различной тяжести 69 военнослужащих внутренних войск, 40 военнослужащих армии и 36 сотрудников милиции. Среди гражданских лиц было ранено 200 человек, погибло 16. Еще 4 человека умерло от повреждений. В связи с этими событиями были арестованы организаторы несанкционированного митинга, в том числе и будущий президент Гамсахурдия. Кровавый разгон демонстрации вызвал недовольство всей Грузии, обострил отношения с Абхазией и центральными властями СССР. Так, в межнациональных конфликтах в Грузии, как и в Азербайджане, обнаружился эффект «матрешки», когда требования суверенитета со стороны грузинского национального меньшинства в СССР, вызвал аналогичную реакцию абхазского меньшинства в Грузии.

14 апреля в связи с созданием грузинскими властями в Абхазском университете филиала Тбилисского университета, в Абхазии поднялась новая волна недовольства. Против разделения университета по национальному признаку выступил Верховный Совет Абхазии. Руководство филиала не подчинилось этому. 14 июля абхазы блокировали здание университета. 15 июля число блокирующих достигло 10 тысяч. Параллельно в парке им. Руставели собрались грузины (около 1500). Между ними и абхазами произошло несколько столкновений. 16 июля массовые беспорядки прошли во всех районах Абхазии, во время которых осуществлены нападения на 13 районных отделений органов внутренних дел, на склады оружия ВОХРа и стрельбища, на следственный изолятор. Было захвачено 2 пулемета, 337 автоматов, 113 пистолетов и револьверов, 474 винтовки, 5526 охотничьих ружей. 16 человек при этом погибли, около 500 человек получили ранения, в т.ч. 30 работников милиции. Из следственного изолятора убежало 180 заключенных.

Конфликтная межэтническая ситуация с периодическими обострениями в Абхазии сохранялась до введения на ее территорию грузинских войск и полномасштабной войны между Грузией и Абхазией, о чем, чтобы не нарушать хронологию событий, речь пойдет ниже.

9 апреля 1989 г., когда союзные и республиканские власти пытались силой заглушить сепаратистские настроения в Грузии, она интенсивно взяла курс на выход из СССР. Казалось бы, этот печальный урок будет учтен грузинскими руководителями в отношении своих автономий, у которых были аналогичные сепаратистские настроения, направленные на более полную самостоятельность. Однако этого не случилось. Их поведение в отношении Абхазской автономной республики и Юго-Осетинской автономной области было стократ кровавее, чем апрельские события в Тбилиси. Гамсахурдия, придя к власти на волне воинствующего национализма и сепаратизма, провозгласил соответствующий

ситуации лозунг: «Грузия для грузин», чем вверг благополучную в СССР Республику Грузию в кровавые конфликты. И как ни печально сознавать, этот лозунг был поддержан большей частью грузинского населения.

В ноябре 1989 г. неформальное движение Юго-Осетинской автономной области взяло курс на повышение статуса региона до автономной республики. В ответ на это партия национальной независимости Грузии провела многочисленные митинги протеста. 23 ноября более 6 тыс. грузин на автобусах прибыли в Цхинвали для проведения митинга и других акций, что вызвало недовольство жителей столицы Южной Осетии. В течение двух дней в опасном противостоянии находилось до 15 тыс. человек. А вооруженные боевики с той и другой стороны фактически начали войну между собой. Начались непрерывные обстрелы сел области и г. Цхинвали, захват заложников, выселение осетин из своих жилищ. По состоянию на начало августа 1989 г. в трех селах (Мамити-Кау, Монастери и Телиакак) дома осетин были сожжены полностью. Из 25 сел осетины насильственно выселены. В других селах совершались грабежи, кражи, поджоги, угон скота и автомашин, расправы над жителями с целью их выселения с занимаемых территорий. В довершение всего грузинские власти ликвидировали осетинскую автономию и властные органы области. Формально лишь сохранились органы внутренних дел. Единственным правовым защитником осетинского населения была следственно-оперативная группа (СОГ) МВД и Прокуратуры СССР. Но и она в условиях попустительства грузинских властей не могла оказать сколько-нибудь заметной помощи.

9 апреля 1991 г., через два года после тбилисских событий, Грузия приняла Акт о восстановлении государственной независимости. Действия союзных властей по защите осетинского населения еще более осложнились. Положение осетин еще более ухудшилось после сильного землетрясения на их территории 29 апреля – 17 мая 1991 г., в результате которого были разрушены тысячи домов и оказалось сотни погибших, раненых и беженцев. Большинство осетин ушло в Северную Осетию России, что в определенной мере осложнило возвращение ингушей на свои земли, которые были переданы после их депортации Южной Осетии.

По неполным сведениям в Южной Осетии СОГ было возбуждено 860 уголовных дел о преступлениях, совершенных в межнациональных столкновениях между грузинами и осетинами, в т.ч. 30 о массовых беспорядках, 70 об умышленных убийствах, 100 о тяжких телесных повреждениях, 138 о грабежах и разбоях, 31 об уничтожении государственной собственности, 171 об уничтожении личной собственности. В каждом уголовном деле было множество эпизодов. Поэтому число реальных преступных действий было в 4-5 раз больше. Больше число их вообще не выявлялось, поскольку осетинские органы правоохраны были упразднены, грузинская милиция не проявляла к выявлению преступлений никакого интереса, а возможности СОГ были крайне ограничены.

раничены. Примирение сторон произошло при посредстве России лишь в 1992 г.

В это время вновь обостряется конфликт между Грузией и Абхазией, которая предпринимала попытки «выдавить» грузин из республики. 14 августа 1992 г. в Абхазию были введены грузинские войска, для вооружения которых было разграблено более 600 вагонов боевого оружия, принадлежащего Закавказскому военному округу. На стороне Абхазии выступили горские народы Северного Кавказа России. Конфедерация горских народов (образованная в 1991 г., в которую вошли 16 народов, кроме карачаевцев и балкарцев), вопреки запретам республиканских властей объявила войну Грузии и направила в Абхазию добровольцев.

Попытка России помешать этому взбудоражила Северный Кавказ и вызвала антироссийские настроения. В 1993 г. абхазские войска ценой огромных жертв со стороны грузинского и абхазского населения освободили территорию Абхазии. Между Грузией и Абхазией также при посредстве России под эгидой ООН и с участием ОБСЕ ведутся прямые переговоры. Договоренности не соблюдаются. Но стороны взяли на себя обязательства не допускать возобновления вооруженного противостояния. Они выразили готовность считать Россию гарантом возможных договоренностей. Однако глубокие разногласия между сторонами сохраняются, и вряд ли националисты с обеих сторон остановятся перед насильственным решением абхазской проблемы в соответствующих ситуациях. И в этом конфликте столкнулись два международных принципа: право нации на самоопределение и целостность территории.

Проблема внутреннего межнационального грузино-абхазско-осетинского конфликта окончательно не решалась до последних дней. Пришедший к власти в Грузии после Гамсахурдия Э. Шеварнадзе, допущенный за счет своей демагогии Гобачевым к Министерству иностранных дел и причинивший большой вред России, как и его предшественник вначале пытался решить проблему Абхазии и Осетии вооруженным путем, в том числе и с помощью чеченских бандитов, которые имели лежбище в Панкинском ущелье Грузии. НЕ удалось. В 2003 г. Шеварнадзе был смещен со своего поста с помощью «революции роз», насилия, обмана и демагогии. Президентом Грузии стал М. Саакашвили, который, нарушая имеющиеся договоренности, тоже предпринимал попытку решить проблему с Южной Осетии летом 2004 г. вооруженным путем. Непреодолимой преградой новым вооруженным столкновениям между Грузией и Абхазией, между Грузией и Южной Осетией, стояли миротворческие силы России. Все это приводило к серьезным осложнениям в российско-грузинских отношениях, которые не нужны ни российскому, ни грузинскому народам.

Не выдержал Саакашвили, одним днем 8 августа решил разрубить «гордиев узел», туго завязанный самой историей. Но узел лишь ту же затянулся на нем самом. Восьмерка оказалась почти петлей. Александра Македонского из Саакашвили не вышло.

В.С. Овчинский*

МИР ПОСЛЕ ПРИНУЖДЕНИЯ

(Статья опубликована в журнале «Огонек» № 34, 2008)

Следуя логике документов ООН (и логике самой жизни) в ходе осуществления миротворческой деятельности, фаза *операций по принуждению к миру* (peace enforcement operations) должна сменяться *постконфликтным миростроительством* (post – conflict peace – building). Иными словами, на смену уничтожения военных объектов и инфраструктур приходит восстановление разрушенных в ходе конфликтов структур жизнедеятельности, органов государственной власти, законности и правопорядка, разоружение гражданского населения. А главное – устранение причин и условий вооруженных конфликтов.

Реализацией этих задач России придется заниматься сразу после окончания операции по принуждению к миру в Южной Осетии и Абхазии. Но сделать это не проще, чем осуществить операцию по принуждению к миру, поскольку существует ряд вопросов, требующих решений, которых сейчас нет ни у России, ни у мирового сообщества.

Вопрос 1. Статус Южной Осетии и Абхазии. До сих пор Россия вслед за США и Европой повторяет в отношении этих государственных новообразований термин *«непризнанные республики»*. Что значит непризнанные? Непризнанные – значит нелегитимные, незаконные. Следуя такому подходу отношения с ними также нелегитимны и незаконны. Но тогда кому Россия оказывала помощь все последние годы? Кому поставлялось вооружение, перечислялись финансовые средства, направлялись кадры для укрепления государственных органов?

На самом деле Россия давно, *с начала 1990-х годов де-факто признала эти республики (так же как и Приднестровье)*. Но это признание до сих пор не нашло официального государственного, юридического оформления. Такое оформление может быть и в форме федерального закона, и в форме декларации о признании суверенитета этих государств. Одновременно такое признание может быть осуществлено по инициативе России решением международных организаций, например, ОДКБ и ШОС. (Идеально, конечно, решение СНГ. Но без участия Грузии и Украины, как минимум, такое решение зависнет в воздухе.)

После официального признания могут быть заключены любые соглашения об оказании военной, политической, экономической помощи. И эти со-

* **Владимир Семёнович Овчинский** – доктор юридических наук, советник Конституционного Суда РФ (Москва, Россия).

© В. С. Овчинский, 2009

глашения уже будут легитимны с международно-правовой точки зрения. В конце концов, ОДКБ и ШОС – такие же региональные организации, как Европейский Союз, и формирующиеся внутри них международно-правовые отношения ничем не отличаются от европейских.

Такой подход требует переосмысления многих привычных штампов и зашоренностей, алгоритмов действий. Зачем, например, в такой экстремальной ситуации, как случилась в Цхинвали, ломиться в Совбез ООН, зная, что нам вряд ли откроют дверь? Не лучше ли было экстренно собрать лидеров ОДКБ или ШОС для необходимого решения?

Мир развивается по новым правилам. Они новые для последних десятилетий, но старые по сути. И сводятся эти правила к тому, что если *имеется адекватный силовой потенциал, способный обеспечить жизнедеятельность государственного новообразования, то последнему можно придавать легитимный международно-правовой статус.*

Разве косовский прецедент не говорит об этом? И разве ООН в этих вопросах проявила способность быть третейским судьей?

Россия в ходе осуществления своей операции по принуждению к миру показала, что ее силовой потенциал адекватен возникающим экстремальным ситуациям. А поэтому и действовать надо соответствующим образом.

Вопрос 2. Статус российских миротворцев в Южной Осетии и Абхазии.

Как известно, на момент нападения Грузии на Цхинвали статус наших миротворцев имел мандат только Дагомьского соглашения 1992 года, фактически между Россией и Грузией. Но и этого мандата оказалось достаточно, чтобы начать и провести операцию по принуждению Грузии к миру. Ожидать, что Россия после этой операции получит мандат миротворца ООН или ОБСЕ, не приходится. Так же как не приходится надеяться на продление мандата миротворца ООН для России в Абхазии. Но если все время цепляться за ООН и ОБСЕ в этом вопросе, то скорее мы получим миротворцев НАТО в зонах конфликтов.

Так же как и признание Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств, функции миротворцев могут быть получены решением ОДКБ или ШОС.

Любые многосторонние соглашения между государствами, которые захотят защитить Южную Осетию и Абхазию, могут иметь в современном мире легитимную силу. Причем главными принципами таких соглашений должны являться принципы Всеобщей декларации прав человека и международно-правовых соглашений о недопущении геноцида.

Вопрос 3. Предотвращение рецидива вооруженных нападений. Здесь прежде всего необходимо определить военный потенциал Южной Осетии и Абхазии, адекватный для обороны в случае новой агрессии. Этот потенциал

отдельно должен быть просчитан и для новых суверенных государств, и для миротворческих контингентов. Военные эксперты совершенно справедливо ставят вопрос об оснащении вооруженных сил Южной Осетии и Абхазии современными средствами ПВО, электронной разведки, беспилотной авиации, самоходными установками с радарами, противорадиолокационными ракетами, системами залпового огня. Все эти средства вооружения производятся российским ВПК. Их поставка в Южную Осетию и Абхазию требует больших финансовых затрат. Но разве эти затраты не стоят того, что на кону жизни тысяч мирных граждан? Причем граждан, имеющих российские паспорта?

Вопрос 4. Восстановление законности и правопорядка. Безусловно, необходимо уголовно-процессуальное закрепление преступлений, совершенных вооруженными силами Грузии против мирного населения Цхинвали. Но российский УПК позволяет проводить следственные действия только на территории России. УПК и УК не адаптированы ни для ситуации войны, ни для миротворческих операций за пределами Российской Федерации. Трудно винить разработчиков УПК и УК в отсутствии таких положений. Ведь в период их подготовки господствовало убеждение, что мир становится все более безопасным и на планете побеждают общечеловеческие ценности. Реальность, как мы теперь видим, оказалась совсем иной.

Восстановление законности и правопорядка потребует также тщательной проверки расходования финансовых средств и на строительство нового газопровода в Южной Осетии, и на обеспечение оборонительных мероприятий. Возможно, здесь потребуются и расследования выявленных нарушений.

Помимо проверки расходования прошлых финансовых вливаний из России возникает необходимость обеспечения безопасности новых. Ведь они предполагают многомиллиардные ассигнования на восстановление разрушенного Цхинвали, сел и поселков, дорог и других коммуникаций, на выплату зарплат и пособий.

Важнейшим элементом обеспечения законности и правопорядка в ходе восстановления мирной жизни в Южной Осетии и Абхазии должно стать недопущение насильственных и иных притеснений грузинского населения на территории этих государственных новообразований.

Перечисленные вопросы затрагивают только часть миростроительного процесса. Но часть очень важную, а может быть, и определяющую успех.

Ю.В. Голик*

ГРУЗИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРИЗНАНА СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

События, начавшиеся 7 сентября 2008 г. в Южной Осетии, когда грузинский спецназ напал на спящий город, всколыхнули весь мир. Сегодня, когда агрессора «успокоили», возникла необходимость дать правовую, в том числе и уголовно-правовую, оценку того, что произошло.

Уже несколько лет подряд я отстаиваю позицию, что государство может быть субъектом преступления. Незрелость международных правовых норм и традиционное мышление большинства коллег меня не смущают, ибо я считаю, что в современных условиях, когда мир раздирают противоречия, угроза совершения одним государством преступления против другого государства или другого народа возрастает как никогда. События августа 2008 года при несанкционированном нападении Грузии на спящий мирный город Цхинвали ярко иллюстрируют этот посыл.

Войну начала Грузия. Это не логический вывод после сопоставления фактов, а заявление полномочного представителя Грузии. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин в интервью американской телекомпании CNN ещё 28 августа 2008 г. довёл до сведения весьма большой аудитории тот факт, что 7 августа в 23 часа 30 минут «господин Круашвили, бригадный генерал, командующий миротворческими силами Грузии в этом регионе (обращает внимание сама должность, занимаемая этим генералом – командующий *миротворческими* силами. – Ю. Г.), объявил о том, что Грузия приняла решение начать войну с Южной Осетией. Они объявили об этом прямо, публично, глядя в телевизионные камеры. ... В 0 часов 45 минут 8 числа Круашвили это ещё раз повторил. В 5 часов 20 минут танковые колонны грузинских войск начали атаковать Цхинвали, а перед этим был нанесён массивный удар из систем «Град», и у нас начались потери среди личного состава».¹

Поскольку заявление было сделано одним из руководителей Вооружённых Сил Грузии, постольку Грузия полностью несёт ответственность за эти действия. Напомню, по международному праву – и это нашло отражение в многочисленных документах как нормативного, так и исполнительного и тем более доктринального характера – поведение любого органа государства рассматривается как деяние этого государства независимо от того, осуществляет ли этот орган законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо

* **Юрий Владимирович Голик** – доктор юридических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Москва, Россия).

© Ю.В. Голик, 2009

¹ <http://www.government.ru/governmentactivity/mainnews/archive/2008/08/28>.

иные функции, независимо от положения, которое он занимает в системе государства, и независимо от того, является ли он органом центральной власти или административно-территориальной единицы государства.

До этого момента всё было достаточно просто и понятно, мало кто с этим сегодня спорит: любое государство может нести ответственность за совершённые деяния. Сложности начинаются в тот момент, когда возникает утверждение, что государство может быть субъектом ответственности, включая уголовную ответственность. Иными словами – государство может быть, а в конкретных случаях и должно быть признано субъектом преступления.

Большинство теоретиков права сегодня категорически возражают против этого тезиса. Отчасти это устоявшаяся традиция, отчасти просто нежелание ломать привычные взгляды, а иногда и боязнь непредсказуемых последствий.

В нашей теории истоки подобного подхода лежат в концепции, сформулированной в своё время – по результатам Нюрнбергского процесса – А.Н. Трайниным. Однако с тех пор прошло уже шестьдесят с лишним лет, и мир сильно изменился. Изменилась сама политическая ситуация в мире, поэтому самое время пересмотреть устоявшиеся, казалось бы, догмы. В конце концов законодательство, включая международное, и практика его применения, и сама теория должны отражать те реальные изменения, которые произошли в мире. Законы должны служить народам и обществу, а не общество должно подстраиваться под законы. Сам термин «государство» наполняется смыслом в зависимости от контекста, в котором он используется. Именно поэтому Комиссия международного права ООН (не очень, на мой взгляд, удачный перевод на русский язык, но именно так её именуют в наших документах) разработала текст проектов статей об ответственности государств за международно-правовые деяния (в ходе работы название темы было изменено с соответствующим обоснованием) с объемными комментариями², в которых специально акцентировала своё внимание на этом аспекте. Правда, Комиссия ни слова не сказала об уголовной ответственности, но речь идёт только о дне сегодняшнем, что прямо подчеркивается самой Комиссией.

Действительно, сегодня нет ни одного нормативного акта, по которому именно государство можно привлечь к уголовной ответственности за то или иное деяние. Тем более нет никакой процедуры, позволяющей это сделать. Всё когда-то надо начинать с нуля. Ещё недавно и Интернета не было, а сегодня он вошёл почти в каждый дом, и многие не мыслят своей жизни и работы без него. А когда-то до этого и колеса не было.

Напомню также, что уголовная ответственность юридических лиц, ещё недавно отрицавшаяся повсеместно, сегодня проникла во множество нацио-

² Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчёты Пятьдесят шестой сессии. Дополнение №10 (A/56/10).

нальных систем и целый ряд международных нормативно-правовых актов. Наверняка через какое-то время она появится и в нашем уголовном законе.

Почему нужно ставить вопрос об уголовной ответственности именно государства, а не конкретных должностных лиц и тем более конкретных исполнителей? – По той простой причине, что в ряде случаев в принципе нельзя установить виновного: процесс принятия решения в современных государственных бюрократиях, как правило, очень сложен и запутан. Политическое решение принимает один субъект, выполняет его другой, но перед этим истребуются и получают многочисленные согласования. Даже сам по себе приказ о начале военных действий должен пройти ряд инстанций от самого верха до солдата. В конечном счёте может получиться так, что виновными, кроме рядовых исполнителей – солдат и младшего командного состава, которые попали в плен – признавать будет некого. Именно поэтому государство как полноправный субъект международного права должно нести уголовную ответственность. Вопрос о формах этой ответственности и способах привлечения к ней – это вопрос будущего. Сегодня нам необходимо определиться в принципе, а все остальные вопросы решать постепенно и не спеша. Слишком сложный и слишком непредсказуемый это путь. Последствия могут наступить самые неожиданные. Но отказываться от движения по нему нельзя ни в коем случае. Отказ может повлечь ещё более негативные последствия.

Востребованность такого шага в связи с анализируемыми нами событиями на Кавказе резко повышается. Недаром 12 сентября на встрече Д. Медведева с участниками международного клуба «Валдай», проходившей в Москве, сами члены клуба обратили внимание на то, что старые международные правила предотвращения и прекращения военных конфликтов «уже не работают». Необходима новая система обеспечения безопасности существующего миропорядка. «Мы обязаны создать другую систему безопасности», – заявил Д. Медведев.³ На мой взгляд, одним из элементов такой системы безопасности и может быть установление уголовной ответственности для государства-агрессора (равно как и для других случаев проявления криминальных действий со стороны государства).

Сказанное, разумеется, не означает отказа от привлечения к уголовной ответственности конкретных физических лиц за те деяния, которые совершили именно они. Международные правовые акты постоянно проводят эту мысль красной нитью: привлечение к ответственности государства не исключает привлечения к ответственности конкретных физических лиц любого уровня власти. Вот почему Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в интервью телекомпаниям «Аль-Джазира» 26 августа 2008 г. прямо заявил, что Саакашвили «совершил преступление», и подчеркнул, что «отвечать за это преступление он должен перед народом Грузии и перед мировым сообще-

³ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/09/206408.shtml>.

ством»⁴ (обращаю внимание всех заинтересованных лиц на последний аспект – перед мировым сообществом! – Ю. Г.).

Профессор А.Г. Кибальник, одним из первых «откликнувшийся» на анализируемую ситуацию, прямо пишет в своей статье «О юридической оценке вооруженного вторжения Грузии в Южную Осетию», размещенной на сайте Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, что «ответственности может подлежать любой». При этом он цитирует решение одного из Международных трибуналов, в котором чётко зафиксировано, что «индивиды всех рангов, вовлечённые в вооруженный конфликт как в качестве военного командования, так и не в этом качестве... могут подлежать ответственности за совершение военных преступлений только в том случае... когда установлена связь между ними и вооружённым конфликтом...».⁵ Таким образом и политическое руководство, и представители военного командования, и рядовые исполнители – все могут предстать перед судом. Конечно, хотелось бы сказать: «Должны предстать», но это не во власти науки.

Следует упомянуть ещё об одном аспекте проблемы – об ответственности международных организаций. На примере рассматриваемой ситуации это тоже видно достаточно хорошо, но эта тема требует специального рассмотрения.

⁴ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/08/205783.shtml>.

⁵ [http://sartracc.sgap.ru/i.php?oper=readfile&filename=Pub/kibalnik\(25-08-08\).htm](http://sartracc.sgap.ru/i.php?oper=readfile&filename=Pub/kibalnik(25-08-08).htm)

Е.В. Богданов *

СОБЫТИЯ АВГУСТА 2008 ГОДА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

При проведении криминологического анализа событий в Южной Осетии в августе 2008 года необходимо учитывать, что они стали результатом двух конфликтов: социокультурного этнического конфликта, который, то затухая, то снова разгораясь, существует в кавказском регионе со времен царской России, и конфликта геополитических интересов, возникшего после распада СССР. На мой взгляд, произошедшее стало результатом объединения деструктивных потенциалов этих конфликтов, что многократно усилило их разрушительное воздействие, вылившееся в силовое противостояние российских вооруженных сил и осетинских ополченцев с грузинскими вооруженными силами.

Анализ любого конфликта должен основываться на определении его субъектов (участников), их целей и интересов, действий, направленных на их достижение, а также на изучении динамики развития конфликта. При этом необходимо четко дифференцировать, кто из участников стороной какого именно конфликта является, какие интересы выступают предметами каждого из конфликтов, на разрешение какого конфликта в реальности направлены те или иные действия сторон.

Если определить участников социокультурного этнического конфликта на Кавказе сравнительно просто (в данном случае это осетинский и грузинский народы), то с субъектным составом конфликта геополитических интересов все гораздо сложнее. Очевидно, что его основными участниками выступали (и продолжают выступать) Россия с одной стороны, Грузия и США с другой.

Интересно отметить, что состав противоборствующих сторон не афишировался средствами массовой информации при освещении событий августа 2008 г., что можно рассматривать как одну из информационных технологий пособничества сторонам конфликта. Сопоставление способов подачи материала о событиях в Южной Осетии средствами массовой информации позволяет выделить, по меньшей мере, три подхода к определению сторон: конфликт в Южной Осетии (наиболее нейтральная, но и наименее информативная форма), конфликт между Южной Осетией и Грузией (было характерно главным образом для российских средств массовой информации) и конфликт между Россией и Грузией (использовался преимущественно западными СМИ).

* **Евгений Валерьевич Богданов** – начальник отдела криминологической экспертизы законодательных актов Научно-практического центра Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Минск, Беларусь).

© Е.В. Богданов, 2009

Данная технология не является новой. Она использовалась и ранее, в частности, при освещении вооруженных столкновений в Ливане в 2006 г. Если российские средства массовой информации преподносили эти столкновения как войну Израиля с Ливаном, то западные журналисты ограничивали состав участников этих событий Израилем и радикальным шиитским движением "Хезболлах".

Нет ясности и с действительными целями участников конфликтов и средствами, используемыми для их достижения. Что в действительности преследовали США, вооружая и обучая грузинскую армию? Почему российские войска были введены в Южную Осетию и почему были введены столь оперативно? Чем на самом деле была вызвана выдача российских паспортов югоосетинским жителям? Без ответа на эти и другие вопросы невозможна ни всесторонняя и объективная криминологическая оценка событий в августе 2008 г., ни их правовая квалификация.

Кстати, паспортизация югоосетин Россией не является российским изобретением. Аналогичные или похожие действия в отношении жителей приграничных территорий предпринимают Румыния к Молдавии, Эстония к России, Польша к Беларуси. При этом на указанных территориях нет таких этнических конфликтов, как на Кавказе.

Наконец, характеризуя динамику обоих конфликтов, важно установить, можно ли их считать завершенными. Российские вооруженные силы одержали победу над грузинскими вооруженными силами. И это важно для россиян, которые нуждаются в подтверждении статуса России как великой державы. Но привело ли это к прекращению конфликтов? Думаю, что нет. Россия выиграла битву, но еще не выиграла сражение.

Здесь мы выходим на необходимость оценки событий в Южной Осетии в августе 2008 г. с точки зрения международного уголовного права. Если конфликт еще не завершен, для чего нужна такая оценка? Если для формирования общественного мнения, то здесь каждый волен произвольно трактовать действия противоборствующих сторон, находя в них признаки геноцида или отрицая факты совершения этого преступления.

Если же правовая оценка дается с учетом возможной "судебной" перспективы дела (как это происходит, к примеру, в уголовном судопроизводстве), то, прежде всего, она должна основываться не на тенденциозном и противоречивом материале, полученном из средств массовой информации, а на первоисточниках, полученных в ходе проведения независимого и беспристрастного расследования.

К сожалению, сегодня вряд ли существуют международный юрисдикционный орган, который сможет провести такое расследование. Существующие международные суды слишком ангажированы США и правительствами стран Западной Европы, чтобы их оценка могла рассматриваться как полная и объективная. Представляется сомнительной и перспектива создания для разбира-

тельства событий в Южной Осетии трибунала, подобного Нюрнбергскому суду над нацистскими преступниками. Судебный процесс в Нюрнберге был судом победителей над побежденными. В конфликте на Кавказе пока еще нет победителей.

На мой взгляд, стратегической целью должно выступать стремление сторон к завершению и этнического, и геополитического конфликтов в Южной Осетии. Залог успешного достижения этой цели - в отказе их участников от использования конфронтационных силовых стратегий поведения в конфликте. Новым отраслям криминологической науки и международному уголовному праву еще предстоит найти способы решения этой непростой задачи.

Я. И. Гилинский*

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

Слушая и читая многочисленные выступления об августовских событиях в Южной Осетии, я невольно вспоминаю об одном научном семинаре, проходившем в Институте государства и права АН СССР в конце 70-х – начале 80-х годов минувшего столетия. Выслушав выступления советских правоведов о мудрой политике партии и правительства и о кознях американского империализма, известный польский профессор Адам Подгурецкий начал своё выступление со слов: «Я думал, что меня пригласили на научный семинар, а оказалось это – партсоборание...».

Впрочем, многие нынешние «научные» дискуссии и публикации в прессе не случайно вновь напоминают партсоборание (только название партии поменялось...). Ведь заставили же уйти с работы доктора филологических наук профессора Б. Соколова из Российского государственного социального университета за его статью, посвящённую обсуждаемой нами теме, по мотиву: «преподавать в вузе не могут люди с другим взглядом на жизнь и события в стране, чем это отражено в государственной позиции».¹

Не знаю, останусь ли я работать в вузе, но «не могу молчать».

Итак, очевидно действия правительства М. Саакашвили и его лично заслуживают уголовно-правовой оценки за нападение на Южную Осетию и г. Цхинвали. Но это – дело Грузии, грузинского народа и/или соответствующих международных органов. Да, Южная Осетия, равно как Абхазия, были

* **Яков Ильич Гилинский** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия).

© Я. И. Гилинский, 2009.

¹ The New Times. 2008. 22 сентября. – С. 22.

de jure частью единого грузинского государства, целостность которого признавалась всем мировым сообществом, включая Россию. Однако, выступая против сепаратизма и пытаясь восстановить единство Грузии *de facto*, правительство М. Саакашвили не должно было подвергать свою территорию военному нападению, повлекшему гибель мирных жителей и международных наблюдателей. Впрочем, точно так же, как, с моей точки зрения, российское правительство Б. Ельцина, а затем В. Путина не должны были противодействовать сепаратизму Чечни, разгромив Грозный и уничтожив тысячи мирных жителей. Я не считаю принципиально различной уголовно-правовую оценку действий правительства Саакашвили в Южной Осетии и российского правительства в Чечне.

А как с уголовно-правовой точки зрения оценить августовские действия российских властей и командования вооружённых сил, вторгшихся на территорию независимого суверенного государства – Грузии, захвативших грузинские села, города Поти и Гори – в нескольких десятках километров от столицы Тбилиси? Эти действия как минимум выходили за рамки оказания помощи населению Цхинвали.

Россия часто – и нередко вполне справедливо – обвиняет США, Европейский Союз и его органы за «двойные стандарты». Я также выступаю против них: тщательно исследуя соломинку в чужом глазу, не следует забывать о брёвнах в своём собственном.

С. У. Дикаев*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Полагаю, что события в Южной Осетии были срежиссированным актом, целью которого послужило создание условий для принятия политических решений, главным образом, по абхазскому вопросу. Дело в том, что российский Черноморский флот в недалёком будущем придётся вывести из Крыма, являющегося территорией Украины. Значит Украина имела прямой интерес в вооружении Грузии, политической и моральной поддержке его руководства, что стало провоцирующим фактором. Свой интерес в вооружении Грузии имел и Израиль, который в преддверии выборов в Кнессет, для поднятия рейтинга определенных политиков готовил операцию «Литой свинец». Провокация Грузии на военные действия вызвало ожидаемую реакцию со стороны России,

* Салман Умарович Дикаев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© С.У. Дикаев, 2009

воспринятая европейскими государствами и США, как «неадекватная». Операция «Литой свинец» стал такой же «неадекватной» мерой в отношении палестинцев, выпустивших несколько ракет ранившие четырех израильтян. Как теперь мы знаем, результатом операции стало убийство более тысячи палестинцев, уничтожение городов и сел. Не исключаю того, что, если не сам сценарий грузино-юго-осетинского конфликта, то его результат, в какой-то степени был согласован с западными государствами (вроде пакта Молотова-Риббинтропа), а заявления и действия руководителей государств есть не что иное, как политическая мишура. В этом случае всякие рассуждения об ответственности организаторов массовых убийств теряют смысл, и вероятнее всего, что эту проблему «заболтают» и за убийство более чем тысячи человек никто не понесёт наказания. Одно не вызывает сомнения, – проблема российского присутствия на Чёрном море теперь будет решена путём его перемещения в Абхазию.

Грузинские вооружённые силы организованы, обучены и вооружены по натовским стандартам. В этой связи следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство. В Южной Осетии в полевых условиях была произведена апробация вооружённых сил НАТО и России. Кроме того, была произведена «разведка боем» того, как мировое сообщество реагирует на возникшую ситуацию.

Такое однажды имело место, когда в сентябре-октябре 1999 г. в Москве были взорваны дома и начата вторая военная кампания в Чечне. Спустя два года 11 сентября 2001 г. взрыв башен-близнецов создал условия для начала «зачистки» в мировом масштабе с последующей оккупацией государств Афганистан и Ирак под предлогом борьбы с терроризмом.

Мне кажется, что в мире есть политические силы, которые создают провокации, сопровождающиеся большими людскими жертвами и материальным ущербом, для продвижения своих политических или экономических проектов. Возможно, что в ближайшие год-два эти силы проанализируют все детали юго-осетинских событий, и этот сценарий будет повторен, но с большим размахом, что будет иметь трагические последствия значительно большего числа людей, чем в Южной Осетии. Главным провокатором и действующим лицом в этой трагедии будет США, чья экономика дышит на ладан. Возможно, что США планируют отказаться от своей национальной валюты – доллара, для чего им необходимо создать в глобальном масштабе условия, которые оправдывали бы такое решение. Это может быть провокация столкновения мусульманства и христианства, для чего, возможно, будет нанесен с территории Пакистана (не случайно этому мусульманскому государству разрешили обзавестись ядерным оружием) ядерный удар по одному из европейских государств (до США же им не достать).

Если США откажутся от доллара, то они совершат ограбление планетарного масштаба, но это позволит им выйти из тяжелейшего экономиче-

ского кризиса. Если Россия не выведет свои активы из экономики США, не изменит баланс государственного валютного резерва, ликвидировав или значительно уменьшив его долларовую часть, то это ограбление непосредственно скажется на благосостоянии народа России. Вместо этого Россия, несмотря на углубление кризиса, продолжает вкладывать деньги стабилизационного фонда в экономику США, что было заявлено министром финансов России А. Кудриным. Это даёт основание подозревать российские власти в сговоре с мировой олигархией, сомневаться в искренности их заявлений об их озабоченности повышением благосостояния населения, в правильности их политики вообще, и экономической и уголовной политики в частности.

Одной из очередных задач политической криминологии должно стать прогнозирование таких провокаций, установление их истинных причин и заинтересованных субъектов, а также выработка действенного международного механизма принуждения к ответственности не только руководителей государств, но и самих государств. Мерой наказания для государства могло бы быть принуждение к заглаживанию причиненного им вреда, штрафы в пользу беднейших государств или в пользу решения экологических проблем.

В качестве же желательной юридической перспективы событий в Южной Осетии хотелось бы видеть рассмотрение дела специализированным национальным судебным органом, чьей задачей станет установление истины и наказание виновных. При этом неизбежность ответственности каждого из виновных должна быть главным принципом этого суда вне зависимости от того, лидерами или гражданами каких государств или какой стороной конфликта они являются.

С. Ф. Милоков*

ВОЙНА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: РЕАЛЬНАЯ ИЛИ ВИРТУАЛЬНАЯ?

Скоротечные события августа 2008 г. на территории Южной Осетии и Грузии не могли не вызвать у любого патриотически ориентированного гражданина России прилива воодушевления и гордости за свое политическое руководство и Вооруженные силы. Однако непреложной обязанностью криминолога является хладнокровный и взвешенный анализ происшедшего, причин и действующих лиц разыгравшейся на Кавказе драмы (далеко не первой и, увы, думается не последней).

* **Сергей Фёдорович Милоков** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

© С.Ф. Милоков, 2009

При таком подходе душевный подъем быстро сменяется недоумением и тревожными сомнениями. Возникает резонный вопрос: как находящаяся в затажном системном кризисе российская Армия¹ столь молниеносно смогла мобилизовать свои силы и без серьезных потерь в кратчайшие сроки решить поставленные задачи. На ум невольно приходит довоенный сталинский лозунг: побеждать малой кровью на чужой территории.

Настораживает крайне скудная информация о том, оказывали ли грузинские подразделения сопротивление при освобождении Цхинвала, велись ли встречные бои, включая танковые. В средствах массовой информации промелькнула информация о том, что грузины отказались забрать и похоронить трупы солдат, ссылаясь на то, что они не относятся к их формированиям.

Определенный ответ на поставленные выше вопросы дала газета The New York: «Грузия опубликовала расшифровку перехваченных телефонных переговоров, доказывающих, что российские вооруженные силы пересекли границу Южной Осетии почти за сутки до того, как Грузия начала бомбардировку Цхинвали 7 августа. Эти расшифровки сейчас находятся у спецслужб США и Евросоюза (цит. по: Метро. 2008. 17 сентября)».

Навевают сомнения и утверждения о том, что Цхинвал был полностью разрушен всего за несколько часов. Думается, что это можно было сделать лишь путем применения тактического ядерного оружия или массированных налетов с воздуха с применением тяжелых авиабомб, чего, как известно, не было.

Под этим углом зрения события в Южной Осетии напоминают «странную» войну в Ираке и не менее странное уничтожение башен-«близнецов» 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Как известно, плодами этих происшествий воспользовались прежде всего США, а также их союзники и сателлиты по НАТО.

И здесь США уже достигли немало. Они еще более активно ведут себя в Грузии, подталкивая существующий там антироссийский режим к вступлению в НАТО, введя свой флот в Черное море и создав тем самым еще один плацдарм для нападения на Иран.

Значительно укрепил свои позиции М. Саакашвили. Он заставил замолчать внутреннюю оппозицию, получив одновременно возможность вещать на весь мир об имперских амбициях России и её реваншистских устремлениях.

Событиями в Южной Осетии воспользовался и В. Ющенко, являющийся знаменосцем проамериканских и русофобских сил на Украине. Он обвинил своего соперника Ю. Тимошенко в государственной измене (естественно, в пользу России) и настаивает на скорейшем вступлении в НАТО опять же из-за угрозы нападения «москалей» уже на Крым и Донбасс.

¹ См.: Милоков С.Ф. Криминологические основы российского военно-уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2005. №2(9). С. 13-20.

Оживились ненавистники России в Польше, Венгрии, Литве, Латвии и Эстонии. Они требуют наращивания американских и других натовских сил на своей территории, принимают меры по истреблению последних следов социалистического прошлого (примечателен в этой связи процесс над 85-летним В. Ярузельским, активным участником борьбы с гитлеровцами, бывшим Президентом Польши).

Следует, конечно, одобрить повышение активности российских сухопутных сил, авиации и флота (проведение масштабных боевых учений, полеты дальних бомбардировщиков в Венесуэлу, поход флота в Средиземное и Карибское моря и др.). Однако все это носит пока чисто демонстрационный характер. Реально же идет сокращение численности российской Армии, причем не только за счет малообученных рядовых солдат и матросов, но и за счет элиты Вооруженных Сил – офицеров. Разгоняются высшие военные учебные заведения. По-прежнему остро не хватает современного вооружения, самолетов, вертолетов и военных кораблей. Денежное довольствие военнослужащих, их социальная защищенность и обеспеченность жильем не выдерживают никакой критики.

И все это происходит на фоне затягивающейся вокруг оставшейся территории России «удавки» американских военных баз, неприкрытых угроз в наш адрес со стороны республиканцев и демократов в ходе предвыборной борьбы в США.

Не воспользовалась российская власть происшествиями на Кавказе ради подавления орудующих в Москве и Санкт-Петербурге (не говоря уже о субъектах ЮФО) организованных преступных группировок, прежде всего созданных по этническому принципу. Так, грузинских воров «в законе» депортируют из России не в связи с их пособничеством противнику, а из-за опасения за их жизни ввиду возможной войны преступных кланов за передел криминального рынка (прежде всего столичного).

Нужны решительные меры по очистке тыла на Кавказском театре прошедших и потенциальных военных действий, прежде всего в Северной и Южной Осетии, а также в Чечне, Ингушетии, Дагестане. Теоретическое обоснование таких мер излагается в ряде наших публикаций.²

В правовом плане требуется незамедлительное пополнение Общей и Особенной частей УК нормами, рассчитанными на применение их в военное время или боевой обстановке, которая, как показывает действительность, каждодневно возникает на территории России (конкретные предложения на этот счет см. в первой из вышеуказанных публикаций).

² См.: *Милюков С.Ф.* Нетрадиционные методы обращения с преступником // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. СПб., 2005. С. 573-589; Он же. Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2007. №4. С. 107-116.

И.Н. Лопушанский*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОБЫТИЙ НА КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И США

События на Кавказе 8 августа 2008 г. для России начались не с продвижения наших танковых колонн и авиации в Южную Осетию и затем собственно в Грузию, как отмечалось за «круглым столом», а с созыва по требованию Российской Федерации экстренного заседания Совета Безопасности ООН по вопросам вторжения грузинских войск в зону действия миротворческих сил, разрушения Цхинвала, бегства и массовой гибели мирного населения. СБ ООН оказался медлительным (вопрос решался часами) и безучастным к гуманитарной катастрофе. Странно, что наши политики и СМИ практически не используют этот международно-правовой аргумент для обоснования дальнейших действий России в регионе.

Предыстория августовских событий связана с конфликтами 1992-1993 гг., когда тогдашний президент Грузии З. Гамсахурдия своей непродуманной политикой привёл к военным столкновениям и утрате контроля над территориями Южной Осетии и Абхазии. Тогда ООН согласилась с миротворческим участием России в этих частях Грузии. За последние 15 лет в Южной Осетии и Абхазии неоднократно проводились опросы населения, всегда настаивавшего на независимости от Грузии.

Более 15 лет РФ признавала территориальную целостность Грузии, однако реализация традиционных геополитических интересов России в этом регионе натолкнулась на геополитические притязания США, на чьи деньги была осуществлена «революция роз» и избран проамериканский президент М. Саакашвили. Часть населения Грузии, всегда зависимой от чужих ресурсов, охотно приняла статус «Джорджии-2» в надежде на процветание за счёт богатого партнёра. Политическая оппозиция Саакашвили, похоже, также надеется на «кормушку» из-за океана. Однако интерес к Грузии со стороны США – явно прагматический: создание стратегического плацдарма на Кавказе против России и Ирана, вооружение грузинской армии для проверки баланса сил на российско-грузинской границе под предлогом восстановления территориальной целостности. Но, безусловно, главным поводом для изменения отношения России к статусу Южной Осетии и Абхазии стало признание Европейским

* **Игорь Николаевич Лопушанский** – кандидат исторических наук, советник юстиции, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия).

© И.Н. Лопушанский, 2009

Союзом и США отделения Косово – исконной территории Сербии, заселённой (подчеркнём, не населённой, а заселённой) албанцами. Столкнулись два противоречивых, но признанных ООН принципа: право народов на самоопределение и территориальная целостность государств. Сочетание этого прецедента в международно-правовой оценке сепаратизма с геополитическими интересами России привело к ускоренной процедуре одностороннего признания независимости Южной Осетии и Абхазии (сыграло свою роль и увеличение количества российских граждан в республиках).

Вряд ли правомерны высказывавшиеся за «круглым столом» аналогии событий Грузия-Южная Осетия и Россия-Чечня. Грузинские войска фактически осуществляли этнический геноцид, при котором уцелевшее население Южной Осетии бежало в Россию. Россия же в Чечне боролась против политического режима Д. Дудаева: осенью 1994 г. война началась после неудачной акции российских спецслужб по оказанию военной помощи чеченской оппозиции для свержения Дудаева. Импичмент президента Б.Н. Ельцина в 1999 г. включал вопрос о войне в Чечне, и в этом проявилось существенное отличие российской оппозиции от грузинской оппозиции Саакашвили. Вторая война в Чечне, начавшаяся в том же 1999 г., имела уже и другие цели кроме сепаратизма. Угроза стала столь явной, что несколько сблизило позиции российских властей и оппозиции (правда, это мало повлияло на зарубежные оценки событий в Чечне).

Переход российских войск на территорию Грузии (база Сенаки близ Гори), участие Черноморского флота в акватории Поти выглядят неоправданными, если не учесть военно-тактические аргументы. Даже неспециалист может оценить угрозу Цхинвалу, зажатому в ущелье, с высших точек которого город простреливался не только грузинскими установками «Град», бившими «по площадям», но и снайперами и обычным стрелковым оружием. Подавление этих угроз для Южной Осетии, а в перспективе и для Абхазии, вероятно, и стало целью российских военных, в том числе моряков, в этой необъявленной войне (будь она объявлена, то целью мог стать и Тбилиси).

Результаты и перспективы развития событий видятся следующим образом. Грузия: в нестабильной внутренней политической ситуации Саакашвили получил консолидацию большей части населения и поддержку США и европейских стран НАТО (правда, ряд государств воздерживается от немедленного приёма провокатора в свои ряды). Южная Осетия: получила шанс воссоединения в единой Осетии в составе РФ. Абхазия: вероятно, будет укреплять свою независимость, гарантом которой видит Россию. Россия: показала, что готова отстаивать свои интересы в регионе, используя международно-правовые принципы и прецеденты (Косово). Для закрепления своих позиций и, учитывая угрозу присутствия США в Грузии, она собирается развернуть свои военные базы в Южной Осетии и Абхазии. Не исключено, что Абхазия предоставит РФ часть побережья для размещения Черноморского

флота после 2017 г., года предположительного закрытия базы в Севастополе. Однако своей поддержкой независимости Южной Осетии и Абхазии Россия также создала прецедент для собственных сепаратистов, а это весьма неприятная перспектива развития событий.

А. П. Данилов*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВНЕШНЕГОСУДАРСТВЕННОМУ И НАДГОСУДАРСТВЕННОМУ УРОВНЯМ ПРЕСТУПНОСТИ В СВЕТЕ СОБЫТИЙ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Кратко о произошедшем. В ночь на 8 августа 2008 года, буквально через несколько часов после достижения договоренности о проведении мирных переговоров по урегулированию нового витка югоосетинского конфликта, грузинские военные атаковали расположение российских миротворцев в республике Южная Осетия (далее – РЮО), одновременно нанеся удар по Цхинвалу.¹ Грузинская артиллерия начала обстрел столицы РЮО Цхинвала. Огонь целенаправленно велся по жилым кварталам города из реактивных систем залпового огня «Град», а также орудий и минометов со стороны приграничных с РЮО грузинских территорий с горийского направления. Большинство снарядов разрывались в центре города. За артподготовкой последовал штурм Цхинвала вооруженными силами Грузии.² Прямой наводкой грузинские танки вели огонь по жилым домам, больнице, университету. Ни капли жалости к старикам, женщинам и детям не проявили военнослужащие демократического государства Грузии, расстреливая мирных жителей в собственных домах и на улицах города.

Возможность военного удара со стороны Грузии была просчитана ещё задолго до начала войны. Южная Осетия готовилась отразить предполагаемое нападение. Об этом сообщал Комитет по информации и печати непризнанной республики со ссылкой на главу МВД республики Михаила Миндзаева. «Сейчас обстановка кажется более-менее стабильной, но это совершенно не так. Грузинская сторона продолжает подтягивать к границам Южной Осетии свои вооруженные силы, в том числе тяжелую технику», констатировал Миндзаев. По его данным, «за последние четыре дня грузинская сторона увеличи-

* **Андрей Петрович Данилов** – соискатель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© А. П. Данилов, 2009.

¹ Заявление МИД России о ситуации в Южной Осетии 1141-08-08-2008 // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/78DC03BF81A9B905C325749F0005D578

² 7.08.2008 – 23:56 Срочно! Грузия объявила о начале штурма Цхинвала. // <http://cominf.org/2008/08/07/1166477917.html>.

ла до 24 количество незаконных блокпостов на территории грузино-осетинского конфликта». «Они размещают новые посты на стратегически важных высотах и, хотелось бы, чтобы и миротворческие силы, и представители международных организаций, находящиеся в зоне грузино-осетинского конфликта дали нормальную оценку ситуации и не позволили развиваться событиям в этом ключе», отмечал Миндзаев.³

Тем не менее, трагические события этой августовской ночи позволяют говорить о том, что коварство и вероломство грузинской стороны так и не было верно оценено политическим руководством Южной Осетии и России. Несопоставимы по своему масштабу, но вполне сравнимы по скрытому вероломству действия М. Саакашвили с аналогичными действиями А. Гитлера и неожиданным нападением фашистской Германии в июне 1941 года на Советский Союз.

В результате агрессии и акта геноцида осетинского народа со стороны Грузии людские и материальные потери сторон составили:

Южная Осетия

Число погибших: от 1600 до 2000 жителей Цхинвала и близлежащих сел (по разным оценкам). Цхинвал практически полностью разрушен, на его месте, по словам главы Северной Осетии Таймураза Мамсурова, придется строить по сути новый город. Число беженцев: более 30 тысяч человек.

Россия

Число погибших: 74 человека, в том числе 11 миротворцев. Число раненых: 171 человек. Число пропавших без вести: 19 человек. Потеряно самолетов: 4, из них 3 штурмовика Су-25 и 1 разведчик Ту-22М. Два летчика в плену (всё – по данным Генштаба, по состоянию на утро среды, 13 августа).

Грузия

Число погибших: 112 человек, в том числе 55 человек в зоне конфликта (по сведениям Минздрава Грузии). Число раненых: 748 человек (по данным Reuters). Есть данные, что Грузия значительно занижает свои военные потери. Так, российские журналисты, находившиеся в Тбилиси, цитируют офицера грузинской армии, по словам которого его подразделение только в госпиталь в Гори доставило почти 200 убитых грузинских солдат и офицеров из Южной Осетии. Потеряно самолетов: 4 Су-25. Потеряно вертолетов: 2 единицы – Ми-8 и Ми-24, базировавшихся на аэродроме военно-воздушной базы Сенаки. Потеряно катеров: 2 единицы, пытавшиеся атаковать корабли Военно-морских сил Российской Федерации. Как утверждается, это катера проектов 205 и 1400М «Гриф». Потеряно бронетехники: нет данных, но число значительное. Так, только во время вечернего штурма грузинской армией

³ МВД Южной Осетии: Грузия готовит нападение, стягивая к границе тяжелую технику // <http://www.newsru.com/world/06jul2008/os.html>

Цхинвала 9 августа, согласно данным югоосетинской стороны, было подбито 12 грузинских танков. Число беженцев: около 16 тысяч (по данным депутата парламента Грузии Кобы Субелиани).⁴

На грузинской стороне принимали участие в ведении боевых действий украинские военнотружачие: специалисты ПВО и танкисты. Ещё более осложнило ситуацию в регионе заявление украинских властей о том, что Украина оставляет за собой право не пустить обратно на свою территорию корабли Черноморского флота России, которые прибыли к берегам Грузии в связи с обострением ситуации в Южной Осетии.

Пособником Грузии стал и Израиль. Это государство является одним из основных поставщиков оружия Грузии: беспилотных летательных аппаратов, противопехотных и других мин. Израиль прислал и своих военных специалистов для подготовки сил специального назначения Грузии.

Российская Федерация в результате сложившихся обстоятельств была вынуждена использовать свои вооружённые силы для защиты миротворческого контингента и российских граждан, проживающих на территории Южной Осетии. Действия России в данной ситуации должны расцениваться лишь как адекватная и законная защита своих интересов.

Актуальность внешнегосударственного и надгосударственного уровней преступности. В структуре преступности можно выделить шесть горизонтальных срезов (уровней): 1) бытовой (общеуголовный), 2) уровень местной организованной преступной деятельности – в условиях России это захват потребительских рынков, незаконный сбыт наркотиков, организованная проституция, незаконная торговля оружием на местах, торговля людьми, 3) внутригосударственный олигархический – этот уровень связан с установлением контроля над природными ресурсами государства, средствами массовой информации, местной и центральной государственной властью, 4) внутренний государственный – преступная деятельность государства на собственной территории, крайней формой проявления которой может служить проведение незаконных массовых репрессий, 5) внешнегосударственный: агрессивные войны, геноцид, военные преступления, 6) надгосударственный – планетарный контроль над сырьевыми ресурсами, информационными сетями, СМИ, государственной властью, в котором значительную роль играют транснациональные корпорации.⁵

В свете трагических событий в Южной Осетии, когда на глазах у всего мира (не желающего замечать, информационно обманутого, по другим политическим причинам не оглашающего реальной картины) совершается геноцид в отношении целого народа, необходимо поднять вопрос о глобальной

⁴ Цифры войны // Российская газета (Неделя) № 4729. 2008. 14 августа.

⁵ Шестаков Д. А. Постлиберальный статус криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2009. № 2(17).

преступной политике внешнегосударственного и надгосударственного уровней. Проявлением преступной политики этих уровней и является война в РЮО. Подобные проявления всё ближе подводят государства к открытой конфронтации в масштабах мировой войны, войны за установление контроля над жизненно важными энергоресурсами.

Уголовно-правовая оценка деяний, совершённых Грузией и её союзниками. Одной из целей членов ООН является развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принятие других соответствующих мер для укрепления всеобщего мира (ч. 2 ст. 1 Устава ООН).⁶

Грузинская сторона своим нападением на Южную Осетию нарушила принципы международного права, закреплённые в Уставе ООН, создав реальную угрозу международному миру и безопасности за счёт эскалации конфликта и вовлечения в него вооружённых сил стран НАТО.

Деяствия грузинской стороны должны квалифицироваться как «геноцид» осетинского народа.⁷ Согласно ст. 10 Конвенции о безопасности персонала Организации Объединённых Наций и связанного с ней персонала⁸ виновные с грузинской стороны также должны быть привлечены к ответственности и за убийство российских миротворцев.

Деяствия руководства США, снабжавших «гуманитарной помощью» Грузию, даже разгрузку которой было запрещено снимать СМИ, укомплектование грузинских вооружённых сил американским оружием и обеспечение провиантом, участие военнослужащих американских ЧВК в конфликте должно расцениваться как пособничество Америки режиму Саакашвили в войне против Южной Осетии.

За пособничество США и Украины грузинской стороне в её войне против Южной Осетии и соучастие в геноциде осетинского народа, как со стороны православной Украины, так и со стороны «главных защитников демократии» американцев должностные лица этих государств подлежат уголовной ответственности (ст. 3 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него).

Критика предложений о реорганизации ООН. На международном уровне дипломатические представители России уже давно озвучивали идею реорганизации ООН,⁹ которая в своём современном состоянии является лишь

⁶ Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Текст устава официально опубликован не был.

⁷ См.: ст. 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12.

⁸ См.: ст. 9 Конвенции о безопасности персонала Организации Объединённых Наций и связанного с ней персонала, Нью-Йорк, 9 декабря 1994 г. // СЗ РФ от 20 августа 2001. № 34, ст. 3478.

⁹ Как реорганизовать ООН // Российская газета (Федеральный выпуск) № 3303. 2003. 23 сентября

политическим орудием в руках США против неугодных им государств и их лидеров, непокорных политической воле американцев. На Совет Безопасности ООН возлагается главная задача поддержание международного мира и безопасности. Только вот В. Чуркину представителю России в Совете Безопасности так и не удалось «достучаться» до остальных его членов, в очередной раз занявших проамериканскую сторону по позиции в Южноосетинской войне, в которой самым циничным образом уничтожался целый народ, на защиту которого в первые часы конфликта встали лишь немногочисленные российские миротворцы.

Возможно, предлагаемая реорганизация ООН положительного результата и не принесёт: ведь если течёт крыша, нужно бороться не с лужей на полу (ООН), а с дырой в перекрытии (преступная политика США). В любой новообразованной международной организации политическая воля США будет реализована посредством каких-либо механизмов (уж на что – что, а на это они мастера). Не нужно забывать, что войны за «демократию» нужны исключительно США и их ближайшим союзникам, к которым ни Грузия, ни Украина не имеют ни малейшего отношения. Народы этих бывших советских республик используются втёмную США как марионетки, проводники их политической воли, направляемые купленными главами государств М. Саакашвили и В. Ющенко. Народ страдает ради чуждых ему интересов, а американские дипломаты продолжают трубить о полном попрании Россией прав и свобод народов Кавказа. Против России развёрнута колоссальная информационная война, цель которой подготовить восприятие общественности к тому, что Россия как государство представляет собой значительную военно-экономическую угрозу всему «цивилизованному» миру и угроза эта ещё более значительна, нежели химическое оружие в Ираке (впоследствии так и не найденное) или исламские террористы (взращенные самими же США).

Противодействие преступности внешнегосударственного и надгосударственного уровней. К криминологическим мерам, направленным на противодействие преступности государственного и надгосударственного уровней необходимо отнести следующие:

1. Внутриполитические меры: А) Развитие государства комплексно, с сосредоточением усилий на основных направлениях: культуре, науке; промышленности, сельском хозяйстве. Б) Огосударствление нефтедобычи. Совершенно очевидно, что процесс приватизации, проходивший в России в 90-е годы XX века, привёл к тому, что вся нефтедобывающая отрасль сосредоточилась в своей основе в руках прозападной олигархии, которая перенаправляла всю получаемую сверхприбыль за границу.

2. Внешнеполитические меры: А) Запрещение деятельности международных наблюдателей, уличённых в оказании какого-либо содействия незаконным вооружённым формированиям и террористическим организациям, а также сокращение их присутствия в зонах вооружённых конфликтов.

Б) Информационное противодействие в европейских и американских СМИ сложившемуся у населения этих стран мнению о недемократичной, тоталитарной, милитаристской России (формирование образа привлекательности России). В) Реорганизация ООН. Г) Закрепление в международном уголовном праве новых составов преступлений (Д.А. Шестаков): использование непроверенных или сфальсифицированных данных для провокации войны; провокация политических конфликтов (например, политическое убийство); инсценировка межнациональных конфликтов; преступная деятельность частных военных компаний. Д) создание мощного военного блока союзных России государств, способного оказать адекватный силовой ответ вооружённым силам НАТО.

Оценка военно-политической обстановки. В настоящее время крайне необходимо проводить параллели между различными военными и политическими событиями: Южно-осетинской войной, являющейся лишь репетицией ещё предстоящих, более масштабных боевых действий, и построением американской противоракетной обороны (ПРО). Предоставление Чехией плацдарма США для завершения строительства ПРО в дальнейшем полностью развяжет американцам руки в отношениях с Россией, обладающей стратегическими ядерными запасами. По всей видимости, уже сейчас политическое руководство европейских стран понимает всю опасность складывающейся ситуации и возможность начала войны между медленно поднимающейся с колен Россией и совершенно обнаглевшей Америкой.

В мире давно назревал и почти достиг своего апогея глобальный конфликт, тщательно прикрываемый лоскутами оранжевых революций и идеями демократических преобразований. Лишь одной из форм, в которых продолжает своё развитие данный конфликт, являются боевые действия в Южной Осетии. От того, насколько будет готова к войне Россия ни много ни мало зависит судьба всего человечества. Мы живём, боясь осознавать, что война почти пришла, предпочитаем не думать об этом. По политическим соображениям не говорим, что враг подступил на расстояние прямого удара, этот враг США, а удар последует в самом ближайшем будущем. Давайте постараемся успеть встать на ноги, встать, чтобы в очередной раз в своей истории выстоять, выстоять не благодаря, а вопреки!!!

Ю. С. Апухтин*

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ: НОВАЯ ЦЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

8 августа 2008 г. вооружённые силы Грузии вторглись на территорию Южной Осетии. Военнослужащие армии Грузии совершили многочисленные преступления в отношении российских миротворцев и мирного населения Южной Осетии.¹

Представляется, что криминологическое осмысление трагических событий в Южной Осетии было бы неполным без рассмотрения вопроса о том, что способствовало нападению вооружённых сил Грузии на Южную Осетию.

Общеизвестно, что до последнего времени вооружённые силы Грузии не представляли сколько-нибудь существенной военной угрозы, что служило определённой гарантией сохранения мира и стабильности на территории Южной Осетии.

Однако за последние годы ситуация кардинально изменилась – вооружённые силы Грузии получили новейшие образцы военной техники, а военнослужащие прошли многоэтапное воинское обучение. Полагаем, что это в значительной степени обусловило принятие политическим руководством Грузии решения о вторжении вооружённых сил Грузии на территорию Южной Осетии.

Таким образом, одной из предпосылок агрессивных действий Грузии в отношении Южной Осетии и её населения стал значительно возросший наступательный потенциал грузинских вооружённых сил, появившийся в результате масштабного перевооружения и переобучения.

Оставляя за рамками настоящей статьи вопросы перевооружения вооружённых сил Грузии, мы предлагаем обратить пристальное внимание на то, как происходило переобучение вооружённых сил Грузии.

Как известно, основным партнёром Грузии в военно-политических вопросах являются США. США начали реализацию программ по поставке оружия и воинскому обучению вооружённых сил Грузии с 2002 г. Первой из подобных программ стала программа GTEP (Georgia Train and Equip Program), которая была начата в 2002 г.² Затем, под предлогом подготовки вооружённых сил Грузии к участию в войне в Ираке, была организована программа GSSOP

* **Юрий Stanisлавович Апухтин** – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

© Ю.С. Апухтин, 2009.

¹ Подробнее см.: сайт Санкт-Петербургского криминологического клуба <http://www.criminology.narod.ru/osetia.html>; Кибальник А.Г. О юридической оценке вооружённого вторжения Грузии в Южную Осетию. [http://sartraccs.sgar.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kibalnik\(25-08-08\).htm](http://sartraccs.sgar.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kibalnik(25-08-08).htm).

² Подробнее, см.: <http://www.globalsecurity.org/military/ops/gtep.htm>.

(Georgia Security & Stability Operations Program), а также иные программы.³

Обучение в рамках указанных программ проводилось как военнослужащими армии США, так и сотрудниками частных военных компаний (далее – ЧВК).⁴

Под ЧВК мы понимаем коммерческие организации, созданные для извлечения прибыли путём оказания на основе договоров услуг военного и околвоенного характера, действующие преимущественно за пределами страны происхождения, сотрудники которых не являются государственными служащими.

Основную роль в обучении военнослужащих вооружённых сил Грузии играли следующие ЧВК: MPRI (США), American Systems (США), Cubic (США), Kellog, Brown and Root (США), Defense Shield (Израиль), Global CST (Израиль). Следует отдельно отметить, что деятельность ЧВК в Грузии была официально одобрена Министерством обороны США и Израиля.⁵

Перечень услуг, которые ЧВК оказали вооружённым силам Грузии, стандартен для ЧВК и включает в себя услуги по обучению сил специального назначения, разведывательных и других подразделений навыкам в области ведения боёв в городских условиях, логистики и инженерного обеспечения военных действий, командования и контроля за личным составом, а также консультирование по стратегии и тактике ведения военных действий и др.⁶ Помимо указанного ЧВК проводили обучение по повышению безопасности трубопровода Баку-Джейхан, проходящего через территорию Грузии.⁷

За период с 2002 г. по август 2008 г. более 100 сотрудников ЧВК провели обучение как минимум 2000 военнослужащих вооружённых сил Грузии.⁸

Следует отдельно отметить, что многие из указанных ЧВК уже привлекались США для проведения подобного обучения. Самым ярким примером этого является деятельность ЧВК MPRI в Хорватии в 1995 г., где сотрудники ЧВК MPRI проводили обучение военнослужащих вооружённых сил Хорватии.

³ Подробнее, см.: <http://www.globalsecurity.org/military/ops/gssop.htm>.

⁴ Clover Charles, Sevastopulo Demetri. US military trained Georgian commandos. www.ft.com/cms/s/0/bdffd9a6-7b71-11dd-b839-000077b07658.html.

⁵ Tzuriel Nava. Secret IDF material went unguarded in Georgia. YNet News. 16 august 2008. <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3583278,00.html>; Chatterjee Pratap. Halliburton Makes a Killing on Iraq War. CorpWatch. 20 March 2003. <http://www.corpwatch.org/article.php?id=6008>; Egozi Arie. War in Georgia: The Israeli connection. Israel News. 10 august 2008. <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3580136,00.html>.

⁶ Harel Amos. 2 Israeli firms say they left Georgia before fighting. www.haaretz.com/hasen/spages/1010224.html; Karon Tony. What Israel Lost in the Georgia War. Time. www.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1832294_1832295_1834785,00.html; U.S. to Begin Georgian Training Program. Defend America. 21, 2005. <http://www.defendamerica.gov/articles/apr2005/a042105la2.html>.

⁷ Walsh Nick Paton. US privatises its military aid to Georgia. The Guardian. January 6 2004. <http://www.guardian.co.uk/world/2004/jan/06/georgia.nickpatonwalsh>.

⁸ Bishop Kevin. US army steps up Georgian training. BBC News. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2249677.stm>; US army trainers land in Georgia. BBC News. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1996833.stm>.

Формально обучение было посвящено исключительно мирным вопросам (обучение лидерству и бюджетированию), а также военной этике, однако непосредственно после окончания курса обучения вооружённые силы Хорватии с неожиданной для наблюдателей эффективностью провели операцию «Шторм», результатом которой стало молниеносное вторжение на территорию Сербской Краины, заселённую этническими сербами, и бегство более 150 000 сербов из этого края. Операция «Шторм» изменила весь ход войны и заставила сербов сесть за стол переговоров.⁹

Схожесть сценария развития событий на Балканах в 1995 г. и на Кавказе в 2008 г. заставляет задуматься о том, случайны ли такие совпадения или они всего лишь подтверждают наличие у США стандартных схем по «решению» конфликтных ситуаций.

Анализ сложившейся ситуации позволяет прийти к выводу о том, что ЧВК внесли значительный вклад в создание наступательного потенциала вооружённых сил Грузии и, таким образом, способствовали развязыванию агрессивных действий со стороны Грузии.

Деятельность США, Грузии и ЧВК в связи с трагическими событиями в Южной Осетии подтверждает тезис о существовании криминогенного потенциала ЧВК, а также то, что ЧВК используются государствами (в данном случае – США и Грузией) для осуществления собственной преступной политики.¹⁰

В то время как феномен деятельности нелегальных военно-политических организаций к настоящему времени уже довольно широко освещён в литературе по терроризму,¹¹ деятельность ЧВК остаётся во многом за рамками криминологических исследований.

Полагаем, что после нападения Грузии на Южную Осетию, а также установления роли ЧВК в этом конфликте, исследование деятельности ЧВК становится особенно актуальным. Ведь если ранее можно было наблюдать за деятельностью ЧВК «издалека» и утверждать, что изучение ЧВК и последствий их деятельности может представлять лишь академический интерес, то в настоящее время трудно игнорировать, что деятельность ЧВК уже непосредственно затрагивает вопросы обеспечения безопасности (в т.ч. и криминологической) России и её союзников.

⁹ Clover Charles, Sevastopulo Demetri. US military trained Georgian commandos. www.ft.com/cms/s/0/bdff9a6-7b71-11dd-b839-000077b07658.html; Schrader Esther. US Companies Hired to Train Foreign Armies. Los Angeles Times. April 14 2002. www.globalpolicy.org/security/peacekpg/training/pmc.htm.

¹⁰ См.: Шестаков Д. А. Криминологический аспект деятельности частных военных компаний // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2006. – №1(10). – С. 226-229; Анухтин Ю.С., Шестаков Д.А. Частная военная компания как субъект политической преступности (политико-криминологический подход) // Следователь. – 2007. – № 12(116). – С. 38-40.

¹¹ См.: Дикаев С.У. Вековые конфликты и современные проблемы терроризма (правовой и политико-криминологический анализ). Уфа, 2003.

Тот факт, что как минимум две ЧВК уже действуют непосредственно на территории России,¹² придаёт ещё большую значимость изучению деятельности подобных компаний.

Как представляется, одним из направлений изучения деятельности ЧВК может стать разработка криминологического законодательства¹³ о противодействии преступности ЧВК, основные положения которого должны быть закреплены на международном уровне. Особое внимание при разработке такого законодательства должно быть, по нашему мнению, уделено определению правового статуса ЧВК, их ответственности как юридических лиц (в т.ч. и уголовной), а также установлению общих правил и определённых ограничений деятельности ЧВК. Полагаем необходимым также закрепить международную правовую ответственность государств за действия ЧВК – в тех случаях, когда ЧВК действует в рамках заключённого договора по поручению государства.¹⁴

Учитывая политический аспект деятельности ЧВК,¹⁵ полагаем, что деятельность ЧВК должна быть осмыслена и в связи с международной политической преступностью.¹⁶

В связи с вышеуказанным, считаем, что начатое изучение деятельности ЧВК, анализ феномена преступности ЧВК, криминогенного и антикриминогенного потенциала ЧВК, выработка предложений по регулированию их деятельности должны быть продолжены в рамках сложившейся в России политической криминологии.¹⁷

¹² State of the peace & stability operations industry survey 2006. International Peace Operations Association. P. 14. http://ipoaonline.org/uploads/ipoa_survey_2006.pdf

¹³ Подробнее о криминологическом законодательстве см.: Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.

¹⁴ См.: *Апухтин Ю.С.* Частные военные компании: глобальная деятельность и проблемы международной правовой ответственности // Жизнь и безопасность. – 2007. – № 1-2. – С. 81-84.

¹⁵ *Апухтин Ю.С.* Международная политическая преступность: политико-криминологический аспект деятельности частных военных компаний // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовое наследие Нюрнбергского процесса: история и современность. Вторые юридические чтения». – 24 ноября 2006. – Одесса, 2006. – С. 163-165.

¹⁶ О понятии международной политической преступности см.: *Кабанов П. А.* Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, ЗАО «Новое знание», 2006. С. 81.

¹⁷ См.: *Кабанов П.А.* Российская политическая криминология: вчера, сегодня, завтра // Следователь. – 2002. – №1. – С. 47-53; *Кабанов П.А.* Основы политической криминологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Монография / Горшенков Г.Н., Кабанов П.А., Касторский Г.Л., Колесников В.В., и др.; Под ред.: Шестаков Д.А. – СПб., 2003. С. 89-116.

И.А. Носкова*

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ КОНФЛИКТА ГРУЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Если посмотреть публикации в газетах или в интернете о войне между Грузией и Южной Осетией, то мы увидим множество статей, посвященных информационной войне между Россией и Грузией, при этом заголовки газет, освещающих эти события, песят такими названиями, как: «Россия проиграла информационную войну», «Информационная война началась: Грузия с 9 августа отключит вещание всех российских телеканалов»¹, «Информационная война в Грузии»², «Глобальные СМИ в информационной войне против России»³, «Равняйся! СМИ... Отставить! В чем причины поражения России в информационной войне с Грузией?»⁴ и т.д.

Почему же возникший между Грузией и Южной Осетией конфликт переродился в информационную войну между Грузией и Россией? Скорее всего, это обусловлено тем, что мировые средства массовой информации, стремясь за рейтингом, искали сенсационную новость. А в данном конкретном случае война между никому не известной на Западе Южной Осетией и Грузией новостью не являлась, а война между Грузией и Россией, а тем более противостояние между Россией и США были настоящей сенсацией⁵.

Анализируя информацию, полученную из российских и зарубежных средств массовой информации, я попыталась разобраться, так ли это на самом деле и какова информационная политика двух противостоящих сторон – России и Грузии.

Общезвестен факт, что средства массовой информации создают окружающее нас информационное пространство, в которое входят события об окружающем нас мире и многое другое, в том числе и созданный средствами массовой информации политический мир. Основу наших знаний о политике, о ситуации в определенной стране мы получаем главным образом из сообщений средств массовой информации. При этом политика государств для аудитории средств массовой информации складывается из интерпретации осве-

* **Ирина Александровна Носкова** – соискатель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© И.А. Носкова, 2009

¹ http://www.newsru.com/world/09aug2008/smi_gruz.html

² <http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?jpostid=82465046&journalid=806057&go=next&categ=0>

³ <http://www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/243918.htm>

⁴ <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/09/11/society/370250/>

⁵ Глобальные СМИ в информационной войне против России («Limes», Италия). <http://www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/243918.html>.

щаемого события. Ведущие телеканалы России и Грузии освещали военные действия в соответствии с позицией государства.

Нарушения в освещении военных событий средствами массовой информации имелись как со стороны Грузии, так и со стороны России. Главным образом они выражались в фальсификации и искажении передаваемой информации. Так не соответствовали действительности, данные о потерях среди мирного и военного населения, а также данные об утраченных единицах оружия и бронетехники.

Восприятие людьми из разных стран одной и той же картины осуществлялось по-разному, в зависимости от подаваемой ситуации и комментариев к ней. В ситуации с Грузией и Южной Осетией людям не редко транслировались одни и те же кадры, но с разными комментариями. Так, например, «45-летняя москвичка Светлана Козаева, побывавшая 11 августа на родине в Цхинвале, рассказала газете «*Quotidiano Nazionale*»: CNN и BBC передают кадры из Цхинвала, но говорят, что они сняты в Гори. Я своими собственными глазами видела фальшивку. В одном из репортажей я узнала улицу моего родного города. Это была улица Героев».⁶ И таких фактов фальсификации информации множество, так «в представительство «РИА Новости» в Риме обратились несколько россиян, проживающих в Италии, которые имеют возможность смотреть как итальянское, так и российское спутниковое телевидение. Сначала по одному из российских каналов они увидели репортаж из Цхинвала, где пожилая осетинка в слезах рассказывала о сыне, который был убит еще во время первой войны Грузии против Южной Осетии в 1991 году. Теперь, спустя 17 лет она потеряла даже его последние фотографии, которые сгорели вместе с ее домом. Каково же было возмущение россиян, когда по итальянскому ТВ они увидели те же кадры, вот только старушка неожиданно превратилась в «грузинку»».⁷

Освещения боевых действий в Южной Осетии и в Грузии в разных странах началось в разное время. Так, например, если в России о нападении Грузии на Южную Осетию знали в первый же день, то мировая общественность узнала об этом гораздо позже, когда российские войска, защищая жителей Южной Осетии, вошли на территорию Грузии. О фактах же нападения Грузии на Южную Осетию в зарубежных средствах массовой информации нигде не упоминалось, таким образом, по мнению зарубежных зрителей, войну начала Россия, вторгшись на территорию Грузии. На этом примере наглядно изображается ситуация, когда некоторые аспекты ведения боевых действий и ситуации в зоне боевых действий замалчиваются, а другие подробно освещаются.

⁶ Глобальные СМИ в информационной войне против России («Limes», Италия). <http://www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/243918.html>.

⁷ Там же.

При анализе информационной политики Грузии и России спустя 1 месяц после военных событий видно, что главным минусом со стороны Российской Федерации, на взгляд автора, является недопущение иностранных журналистов на территорию Южной Осетии для освещения происходящих событий, а также отсутствие достаточных комментариев со стороны руководства страны по событиям в Южной Осетии и действиям миротворцев, а также российских войск в первые дни войны. В результате чего у иностранных журналистов не было объективного представления о событиях в Южной Осетии, а репортажи российских журналистов не доходили до мировой общественности, так как показывались только в Российской Федерации. Эти два факта сыграли большую негативную роль в освещении действий России во время грузино-осетинского военного конфликта. Минусы информационной политики России были быстро подхвачены иностранными журналистами и детально освещались в прессе.

В отличие от России, Грузия заранее запланировала действия по освещению ситуации в стране и приложила все силы и средства для международного освещения событий. Так, грузинский президент Саакашвили имел круглосуточный доступ к самым большим и значительным иностранным телевизионным компаниям, таким как CNN и BBC. Кроме того, президент Саакашвили на фоне флага ЕС сам представлял на хорошем английском языке ситуацию в Грузии для иностранной общественности, что не могло не вызвать симпатии у зрителей. Слова его выступления были примерно следующие: «Россия агрессор. Мы маленькая демократическая страна. Пожалуйста, помогите нам». При этом необходимо отметить, что эти слова Саакашвили произносил, когда Россия ещё не приняла решения о поддержке граждан Южной Осетии, а также когда Грузия осуществляла обстрелы города Цхинвали. Таким образом, у иностранных зрителей сложилась следующая картина: нападение России на территорию Грузии, которая «восстанавливает территориальную целостность». Вследствие чего у иностранных граждан сложилось впечатление о том, что грузинская сторона страдает от действий России и что Россия сама спровоцировала конфликт в Южной Осетии, а потом ввела войска на грузинскую территорию. Пребывание же российских военных в Абхазии и Южной Осетии, а также на прилегающих к ним территориях в Грузии расценивали как «оккупацию».⁸ Геноцид же со стороны грузинской стороны в отношении населения Южной Осетии остался незамеченным. Это лишь одна сторона освещения грузино-осетинской войны, в ходе которой средства массовой информации достаточно сильно искажают картину реального мира.

Необходимо также отметить, что в первые дни войны в Южной Осетии и Абхазии были отключены все телеканалы, в сети Интернет не было доступа к

⁸ Грузинские кинотеатры отказались показывать фильмы на русском языке. <http://www.lenta.ru/news/2008/09/17/language/>

русскоязычным интернет-порталам, в силу чего люди не знали, что творится вокруг. Наряду с этим мобильная связь около суток была заблокирована, а после её включения на прием работали только телефонные номера грузинских операторов. Восстановить деятельность российских средств массовой информации не удается до сих пор. Исключением является спутниковое телевидение. Позже власти Грузии разрешили некоторым кабельным операторам возобновить трансляцию нескольких русскоязычных каналов. Российские интернет-порталы до сих пор работают не все.

По мнению Антона Носика, основателя блога LiveJournal, блогосфера становится ареной войны за общественное мнение. Свое мнение специалист подтвердил на примере конфликта в Грузии, в ходе которого велась целенаправленная работа по обсуждению ситуации в Южной Осетии и Грузии. По словам Носика, до введения российских войск в Грузию 80% читателей его журнала сказали, что в Грузию входить не надо, и лишь 20% высказались «за». А в последующие дни эти 20% производили 120% политических комментариев. Каждый человек, который находился при исполнении, он свое мнение высказывал десять раз от десяти разных имен.⁹

В заключение хотелось бы процитировать слова Сергея Лаврова, который признал факт поражения в информационной войне между Россией и Грузией следующими словами: «Мы дети в том, что касается методов использования СМИ, просто дети. Стараемся научиться у старших товарищей, у которых десятилетиями накапливался этот опыт, опыт использования четвертой власти»¹⁰. Конфликт в Южной Осетии помог России приобрести значительный опыт ведения информационной войны, и, надеюсь, при освещении других событий, (хотелось бы рассчитывать, что не военных) она воспользуется накопленными знаниями.

⁹ Путин отчитал главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» за освещение событий в Грузии. <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1229083.html>.

¹⁰ Глобальные СМИ в информационной войне против России («Limes», Италия). <http://www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/243918.html>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

В.С. Овчинский*

КРИМИНОЛОГИЯ КРИЗИСА (часть I)

Глобальный финансово-экономический кризис, который, как смерч, движется по планете, требует не только и не столько анализа собственно финансового и экономического положения. Необходим системный подход, где не последнее место должен занимать анализ криминологический. Как известно, криминология это наука о преступности, её причинах и мерах предупреждения. А именно преступность во всех её разновидностях: коррупции, мафии, терроризме, касается и истоков глобального кризиса, и его содержания, и его последствий. Мотивами подавляющего большинства преступлений на планете являются АЛЧНОСТЬ и ЛОЖЬ. Именно на алчность и ложь как главные причины глобального кризиса указали в канун Нового 2009 года и в рождественские праздники лидеры мировых конфессий.

В обращении перед началом Божественной литургии в честь Рождества Христова в храме Христа Спасителя Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл сказал, что кризис это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеи.

В Рождественском послании Блаженнейшего Феофила III, Патриарха святого града Иерусалима и всей Палестины, сказано: «Сегодня, как никогда ранее, так ясно проявляются последствия отрицания божественного во Христе послания людям и удаление их от Него: свирепые войны, насилие военных и террористов; разрушительная ярость безумия, противозаконно и незаконно проявляющаяся в отношении находящихся вне подозрения невинных людей; неравенство в распределении природных и социальных благ, и по этой причине угрожающий всеми миру экономический кризис». «Наш мир рухнет, если люди будут искать исключительно личную выгоду», сказал папа Римский Бенедикт XVI верующим, которые собрались на площади святого Петра в Ватикане в день католического Рождества. Понтифик определил кризис как результат всеобщего эгоизма.

Лидер англиканского содружества архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс в своей рождественской проповеди сказал, что кризис результат не-

* **Владимир Семёнович Овчинский** – доктор юридических наук, советник Конституционного Суда РФ (Москва, Россия).

© В. С. Овчинский, 2009.

уемой алчности, и выход из него путем стимулирования все той же алчности вовсе не выход, а самый настоящий тупик.

Духовный лидер буддистов Далай-лама XIV в интервью журналистам «Нашей версии» в канун Нового года сказал: «Взгляните на крупных американских бизнесменов, среди них немало лжецов. Одна из причин того колоссального ущерба, который недавно понесла Америка, заключается в том, что некоторые из этих бизнесменов и банкиров прибегали ко лжи и обману. И это в конечном итоге привело к обвалу».

Надо думать, что лидеры мировых конфессий, говоря об алчности и лжи, имеют в виду не каких-то мелких лавочников или биржевых игроков. Речь, безусловно, идет о «сильных мира сего», о тех «элитарных» финансовых мудрецах, которые в погоне за сверхприбылью и сверхвластью не останавливаются ни перед чем.

С духовными лидерами солидарен и Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. В Послании по случаю Международного дня борьбы с коррупцией 9 декабря 2008 года он отметил, что глобальный финансовый кризис вызван отчасти алчностью и коррупцией. «Доверие к финансовой системе подорвано. Добросовестность многих банков поставлена под сомнение. Многие люди лишились своих сбережений, которые они накапливали на протяжении всей своей жизни.

И без того тяжелое положение усугубляется еще одним, поразившим беднейшие слои населения мира, «тихим» финансовым кризисом, который не привлекает столь пристального внимания. В развивающихся странах ежегодно расхищаются либо растрачиваются в результате взяточничества и других злоупотреблений миллиарды долларов, которые крайне необходимы этим странам для финансирования здравоохранения, школьного обучения, снабжения населения питьевой водой и инфраструктуры. По этой причине им сложнее оказывать населению базовые услуги и добиваться достижения целей развития тысячелетия. Это же лишает людей возможности реализовать свои основополагающие права человека», отметил Пан Ги Мун.

Предлагаемая публикация не претендует, естественно, на окончательный криминологический диагноз кризиса. В ней содержатся лишь заметки о первоначальных криминологических наблюдениях, которые делал автор в прошедшем году, когда о кризисе заговорили всерьез.

Криминальные истоки кризиса. Не будет преувеличением сказать, что коррупция и экономическая преступность во многом стали пусковыми механизмами сегодняшнего глобального финансово-экономического кризиса.

Как известно, глобальный кризис начался в середине 2007 года с ипотечного кризиса на американском рынке. Причиной послужило слишком большое количество высокорисковых кредитов, выданных банками. Так называемая «эпидемия неплатежей» по кредитам привела к списанию банками и инвестиционными компаниями всего мира активов на миллиарды долларов.

А «эпидемия неплатежей», как заключило Федеральное бюро расследований (ФБР) США, была во многом связана с волной мошеннических и коррупционных преступлений с ипотекой и корпоративными ценными бумагами-дезивативами (виртуальными деньгами).

Достаточно сказать, что этих суррогатов выпущено на 600 триллионов долларов, а весь мировой ВВП в 2008 году равнялся 58 триллионам долларов, т.е. в 10 раз меньше.

Один из главных спонсоров предвыборной кампании Барака Обамы, известный финансовый спекулянт Джордж Сорос, в интервью французскому «Le Nouvel Observateur» (06.10.2008) признал: «Рыночные фундаменталисты до последнего момента пребывали в уверенности, что рынки будут саморегулироваться. Это заблуждение! Мыльный пузырь лопается с тем большей силой, что на протяжении последних двадцати пяти лет мы позволили развиваться разнообразным инструментам банковских манипуляций продуктам, производным от обращения долговых обязательств в ценные бумаги, ошибочно полагая, что временные нарушения равновесия всего лишь случайность. Отягчающий фактор: при каждом кризисе банкам, чтобы позволить им выправить свое положение, предоставляли полную свободу действий в плане увеличения кредитов. Добавьте к этому путаницу между коммерческими и инвестиционными банками, попустительство рейтинговых агентств, и вы получите все ингредиенты усугубления дефектов системы. Сегодня взрыв суперпузыря приводит к разрушительным последствиям для Соединенных Штатов и Европы, но также для развивающихся рынков и России, которые теперь являются частью системы».

Криминологический анализ глобального финансово-экономического кризиса показывает, что то, что сегодня многие гордо называют «мировой финансовой системой» и «мировой экономикой», это во многом полигон для проведения крупномасштабных криминально-фиктивных финансовых манипуляций.

Так называемая «глобализация» стала теоретическим прикрытием для обеспечения размывания национальных границ при осуществлении этих манипуляций.

Бывший председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен был категорически против регулирования рынка внебиржевых производных инструментов и хедж-фондов, утверждая, что с их помощью риски переносятся из банковской системы на многочисленных участников рынка и это делает её гораздо более стабильной. Гринспен сделал широкодоступными «легкие деньги», разблокировал крупные ликвидные средства, которые способствовали высокорисковому кредитным операциям.

Французский экономист Даниэль Коэн в интервью еженедельнику «Монд-2» (декабрь 2008 г.) сделал вывод, что при Гринспене «рыночная финансовая система сфабриковала в таких условиях новую посредническую си-

стему, полностью свободную от необходимости соблюдения правил, которые ограничивали деятельность классической финансовой системы». По мнению Коэна, появился и второй слой посреднической системы, причем образовавшийся обходную линию вокруг банковской системы. То есть то, что принято называть теневой банковской системой. «Эта теневая система «весит» 10 триллионов долларов, т.е. столько же, сколько и классическая банковская система. Но с той разницей, что она свободна от различного рода регламентаций и подталкивающих к осторожным действиям правил, касающихся деятельности депозитных банков. В данной системе действуют инвестиционные банки, которые занимают средства на рынке кредитов и действуют в рыночной сфере. Это также различного рода хеджевые фонды прямых инвестиций различного рода страховых компаний», отмечает Коэн.

Хедж-фонды стали главным инструментом по проведению масштабных криминально-фиктивных финансовых манипуляций. Они, по существу, находятся вне какой-либо сферы международного и национального финансового контроля. Созданные математиками, обслуживавшими в 60-70-е годы прошлого века игорные дома Лас-Вегаса, хедж-фонды дают возможность зарабатывать гиперприбыли на падении рынков даже в условиях кризисов.

Тот же Джордж Сорос в условиях пика финансового кризиса осенью прошлого года, действуя как мародер среди финансово-экономических трупов, вновь сумел заработать сотни миллионов долларов через свой хедж-фонд *SOROS Fund Management LLC*, скупая акции зашатавшихся сырьевых компаний. Так же действовал другой спонсор предвыборной кампании Барака Обамы, известный миллиардер Уоррен Баффет.

Через хедж-фонды в последние месяцы 2008 года миллиарды долларов выведены из России. Через хедж-фонды, зарегистрированные на Багамах бывшими крупными российскими чиновниками, еще в начале прошлого года планировалось провести приватизацию российских правительственных фондов. Теневая финансовая система неразрывно связана с коррупцией. Нельзя не согласиться с бывшим председателем Верховной Рады Украины Арсением Яценюком, который, выступая в январе с.г. в Париже на международном симпозиуме «Новый мир. Новый капитализм», назвал крайне неприемлемой ситуацию, когда «активы компаний оценивали по договоренностям, а не по реальной собственности, когда кредиты давали по договоренностям, а не по реальной потребности, а банковские и надзорные органы смотрели только через призму политической договоренности, а не справедливых подходов».

Именно коррупция и теневая экономика усиливают синергетический эффект (возрастание негативных социальных последствий в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему) нынешнего кризиса.

Даже меры по локализации кризиса сами по себе могут иметь криминально-коррупционные последствия. Например, известный американский политолог Пол Кеннеди в статье «Закат американского могущества», опублико-

ванной 14 января с.г. в «The Wall Street Journal», пишет, что Обама и его команда будут вынуждены распределять дополнительные ассигнования без необходимых мер предосторожности, и немалая часть средств попадет не в те руки. «Когда на прошлой неделе в прессе появились сообщения, что в Вашингтон стекаются лоббисты, «проталкивая» финансовую помощь тем предприятиям, групповым интересам или секторам услуг, кто их наняли, у меня екнуло сердце. Масштабная эмиссия необеспеченных денег уже плохо. Но раздавать их по принципу «всем сестрам по серьгам» еще хуже», пишет Пол Кеннеди.

Как отмечает российский экономист Михаил Хазин, балансирование на грани массовых банкротств с точечной поддержкой отдельных финансовых структур, предприятий и отраслей разрушает институциональную структуру экономики и поддерживает коррупционные механизмы во власти.

Поразительно, но для выхода из кризиса на самом высоком мировом финансовом уровне вновь предлагаются схемы, которые иначе, чем криминальными, не назовешь. Так, выступая в середине января с.г. в Лондоне перед мировой финансовой элитой, новый глава Федеральной резервной системы США Бена Бернанке предложил создать несколько банков, наполнить их «плохими» активами и выпустить ценные бумаги под эти «плохие» активы. Но именно так и начинался глобальный кризис!

По мнению главы ФРС, правительство должно взять на себя часть потерь банков, причем способом такой помощи может быть создание и капитализация «плохих» банков, которые бы покупали «плохие» активы у финансовых институтов в обмен на денежные средства и акции в этих «плохих» банках. Подобные «санитары» финансовой системы помогли бы очистить ее от груза невыполненных и невыполнимых обязательств, тем самым обеспечив хоть какую-то стабильность, считает глава ФРС.

Большинство зарубежных и российских экспертов полагают, что предложенная Бернанке схема это фактически механизм криминальных махинаций с «ценными бумагами» на государственном уровне. Иными словами, глобальная криминальная финансовая система иных механизмов выхода из кризиса, кроме собственно криминальных, не видит.

Кризис, теневая экономика и возвращение активов. Как в США реагируют на криминальные пружины кризиса? ФБР сразу с начала кризиса приступило к подготовке операции «Злоумышленная ипотека». Операция проходила в США с 1 марта по 18 июня 2008 года. В результате операции 406 американцам были предъявлены обвинения в мошенничестве. Следователи оценивают ущерб от их действий не менее чем в миллиард долларов. Кроме того, в ходе операции были также арестованы два бывших менеджера инвестиционного банка Bear Stearns. Их мошеннические действия, по мнению следствия, привели к банкротству находившихся в их управлении хеджевых фондов. ФБР заявило, что ожидаются новые аресты в ходе расследования,

связанного с кризисом на рынке жилья и мошенничествами с ипотечными кредитами.

Кстати, в связи с кризисом в начале этого года ФБР объявило самый массовый за последние 100 лет призыв в свои ряды, за исключением первых дней после 11 сентября 2001 года. На официальном сайте ФБР вывешено около 3 тысяч вакансий, в том числе 850 вакансий спецагентов. Самые горячие места в спецслужбе – для специалистов в области компьютерных технологий и лингвистов, владеющих иностранными языками. Финансовый кризис сделал также востребованными в рядах ФБР бюджетных аналитиков и аудиторов.

Апогеем коррупционно-мошеннических операций с деривативами стал арест известного финансиста, одного из основателей биржи NASDAQ и главы крупнейшей инвестиционной компании Бернарда Мэдоффа. Он обвиняется в финансовом мошенничестве с использованием средств инвесторов, повлекшем убытки в размере 50 млрд. долларов.

Руководство комиссии по ценным бумагам и биржевой деятельности (SEC) США объявило о начале внутреннего расследования в связи с тем, что федеральному агентству было еще в 1999 году известно о деятельности создателя финансовой пирамиды Бернарда Мэдоффа. Это и есть пример глобальной коррупции в финансовой системе.

Мэдофф – не единственный из крупных финансистов США, замешанных в криминале. В конце января американская полиция приступила к расследованию финансовых махинаций совладельца инвестиционного фонда «Scorpeo management» Артура Наделя. Последний, по предварительным оценкам, «кинул» инвесторов на 350 миллионов долларов и скрылся.

Специальные мероприятия и операции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью необходимы и для блокирования кризиса и у нас в стране.

Главным инструментом в борьбе с финансовыми мошенниками и коррупционерами, который используется в мире, является поиск, арест, конфискация похищенных активов и возвращение их обратно в страну, если эти активы выведены и отмыты за рубежом (как правило, в оффшорных «гаванях»). О необходимости задействовать в полную силу этот инструмент заявил в упомянутом послании Генеральный секретарь ООН. Этого, кстати, требуют и Конвенции ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности, которые Россия ратифицировала. Но именно эти важнейшие инструменты у нас практически не работают, а пакет законопроектов по борьбе с коррупцией, который принят в конце 2008 года, эти важнейшие вопросы также практически не учитывает.

Об отношении в нашей стране к возвращению похищенных активов свидетельствует тот факт, что об этой проблеме ни слова не говорилось на коллегиях МВД и Генпрокуратуры по итогам работы за 2005-2007 годы. Одновременно есть все основания считать возвращение активов одной из самых

актуальных для России проблем в борьбе с преступностью и коррупцией. Например, заместитель постоянного представителя России при ООН Илья Рогачев, возглавлявший российскую делегацию в работе над Конвенцией ООН, сообщил, что количество выведенных из России средств, полученных преступным путем, по экспертным оценкам, составляет не менее 200 миллиардов долларов. Думается, что реальная сумма гораздо масштабнее – не менее 500 млрд. долларов.

У нас до кризиса насчитывалось 131 тыс. российских миллионеров и 110 миллиардеров. Но это те, доходы которых «прозрачны». «Forbes» вообще включает в свои рейтинги только «чистых» бизнесменов. Реальное число «подпольных» миллионеров гораздо больше. Если в 1995 году за границу из России выехало всего 2,5 миллиона человек, то в 2007 году, по разным оценкам, их было уже 8,7 миллиона. Причем зарубежные СМИ отмечают, что если десять лет назад основная часть русских селилась в 3-звёздочных и 4-звёздочных отелях, то теперь это – 5-звёздочные и класса «люкс» (7 млн. из 8,7 млн. выезжавших за рубеж).

О том, что цифра 131 тыс. миллионеров явно занижена, говорит хотя бы тот факт, что на начало 2008 года только в Лондоне, по данным британских СМИ, более 300 тыс. (!) россиян приобрели дорогостоящую собственность (от 1 млн. фунтов стерлингов и выше).

300 тыс. русских миллионеров – это больше, чем всё население какого-нибудь среднего английского города вроде Лейчестера. Не случайно столицу Британии местные журналисты называют Лондонградом.

Конечно, было бы ошибкой считать, что вся эта собственность куплена за рубежом на коррупционные и похищенные средства. Но о том, что многие особняки и за рубежом, и у нас в стране куплены именно на ворованные и коррупционные деньги, говорят простые расчеты. Так, по данным журнала «Forbes», высокооплачиваемый российский менеджер крупной бизнес-компании с ежегодным окладом 100 тыс. евро после выплаты подоходного налога (13%) получит на руки 87 тыс. евро. Еще около 2,5 тыс. евро доплатит государству работодатель – это затраты на единый социальный налог и отчисления на обязательное медицинское, пенсионное и социальное страхование. При этом около 50 тыс. евро в год он потратит на обеспечение жизнедеятельности своей семьи (питание, одежда, учеба детей в престижных вузах и лицеях, отдах). Остается около 30 тыс. евро.

Чтобы купить скромный особняк на Рублевке за 3 миллиона евро, ему надо было работать 100 лет. Но он покупал дом через год-два после начала своей бизнес-деятельности.

Иными словами, теневая экономика в последние годы продолжала бурно развиваться, она не входила ни в какие статистические сводки и отчеты правительства. А если и входила, то несоизмерима с ее реальными масштабами.

Кстати, по данным Банка России, отток частного капитала из России за 2008 год составил 130 миллиардов долларов. Сколько из них являются черными, никто не считал.

Мировая антикоррупционная стратегия строится на развитии института возвращения активов. «Группа восьми» подготовила сводную информацию о принципах и вариантах отчуждения и перевода конфискованных доходов от коррупции в особо крупных размерах, а также об оптимальной практике распоряжения арестованными активами. В 2007 году было завершено исследование о возвращении активов, полученных должностными лицами, которые не могут быть подвергнуты уголовному преследованию.

В свою очередь, Управление ООН по наркотикам и преступности и Всемирный банк официально объявили 17 сентября 2007 года о начале осуществления Инициативы по возвращению похищенных активов. С начала 2007 года начал функционировать Международный центр по возвращению активов при Базельском институте управления, который тесно сотрудничает с Управлением ООН по наркотикам и преступности.

В декабре 2007 года Совет Европейского союза принял решение о том, что каждому государству – члену Европейского союза следует создать или назначить национальный орган по возвращению активов.

В условиях нарастающего кризиса, чтобы не оказаться в хвосте событий, России необходимо подготовить дополнительный антикоррупционный пакет, касающийся вопросов борьбы с отмыванием преступных доходов и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по возвращению активов. Потребуется изменение правового понятия отмывания (легализации) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, которое сформулировано и в Уголовном кодексе, и в российском законе о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. По совершенно «непонятным» причинам из числа преступлений, в отношении которых применяется институт борьбы с отмыванием, исключены все уголовно наказуемые виды уклонения от налогов и таможенных платежей, а также невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте.

Международная практика идет совсем другим путем. Так, Нидерланды, США, Финляндия и Швеция применяют «всеобъемлющий подход», в соответствии с которым действие законодательства о борьбе с отмыванием денег распространяется на любые полученные нечестным путем доходы.

Поиск и возвращение похищенных активов крайне затруднены в условиях, когда в 2003 году конфискация была вообще ликвидирована как вид уголовного наказания. Причем это было сделано в противовес конвенциям, подписанным и ратифицированным Россией.

Усеченное восстановление конфискации в 2006 году как некоей «иной меры уголовно-правового характера», лишь по нескольким составам преступ-

лений (среди которых нет ни мошенничества, ни налоговых преступлений, как отмыwania преступных доходов, т.е. тех преступлений, которые и наносят самый большой ущерб) не даёт в полном объёме бороться с мафией и коррупцией, не позволяет возмещать колоссальный ущерб от экономической преступности.

В январе т.г. вступили в силу поправки в целый ряд законов, в том числе в Уголовный кодекс, принятые и утверждённые в рамках Национального антикоррупционного плана. Список преступлений, по которым может применяться конфискация, расширился. Но в этом списке по-прежнему нет ни одного вида хищения (?!). А главное – конфискация вновь не была восстановлена в качестве одного из основных видов уголовного наказания. Она по-прежнему стыдливо именуется некоей «иной мерой». Поскольку суды не понимают, что это такое, институт конфискации применяется неадекватно редко.

К чему на деле привела отмена конфискации как вида уголовного наказания и восстановление этого правового института в урезанном, непонятном для правоприменителей виде? На этот вопрос четкий ответ даёт анализ уголовной статистики. Сведения о конфискации за 2008 год еще не подсчитаны. Поэтому будем пользоваться данными за 2007 год.

За этот 2007 год по оконченным и приостановленным уголовным делам по коррупции общий размер ущерба составил 5 млрд. 632 млн. руб. Одновременно общий объём имущества, на которое был наложен арест в целях возможной конфискации, равен 608 тыс. рублей.

Иными словами, ущерб от коррупционных преступлений в 9,3 тыс. раз больше арестованного имущества в целях конфискации (!!).

Укажем еще один аспект. Без конфискации, как вида уголовного наказания, стало практически невозможно осуществлять международное сотрудничество в деле розыска, ареста и возвращения в страну похищенных активов. Поэтому после 2003 года таких запросов были единицы, а возвратов вообще не было.

В бытность моей работы руководителем российского бюро Интерпола (в 1997-1999 гг.) совместно с Генпрокуратурой и Следственным комитетом МВД ежегодно удавалось возвращать в страну по нескольку миллионов долларов по конкретным уголовным делам. Но каждый раз зарубежные суды требовали от России подтверждения, что эти средства могут быть конфискованы в качестве наказания преступников. Теперь такого подтверждения дать нельзя.

Восстановление положения о конфискации имущества как вида наказания в Уголовном кодексе, новая редакция статей УК о борьбе с легализацией преступных доходов (без всяких ограничений), встраивание современных международно-правовых механизмов возвращения активов в Уголовно-процессуальный кодекс – это одна из важнейших политических и правовых задач по усилению борьбы с коррупцией и организованной преступностью в условиях кризиса.

Последнее обстоятельство очень хорошо понимают на Западе. В самом конце прошлого года министр внутренних дел Италии Роберто Марони сообщил, что в 2008 году итальянские власти конфисковали у мафии собственности на сумму более 4 млрд. евро – в три раза больше, чем годом ранее. Более 3 млрд. долларов из суммы, названной министром, – это стоимость арестованной недвижимости, еще примерно 1,5 млрд. долларов стоили конфискованные автомобили, яхты и мотоциклы.

600 тыс. руб. (менее 20 тыс. евро) конфисковали в России и 4 млрд. евро в Италии! Комментарии здесь можно не делать, за исключением одного: в этой разнице цифр видно, как разные государства по-разному защищают себя в условиях глобального кризиса. Да и вообще, пытается ли Россия реально защититься от глобального кризиса? Это весьма проблематичный вопрос. Достаточно прочитать репортаж «Горнолыжный курорт» в «Коммерсанте» от 11 января с.г. о том, как представители российской политической и бизнес-элиты отмечали новый кризисный год в Куршавеле, чтобы понять, что кризис – не в экономике, а в глубоком поражении всей социально-иммунной системы нашего общества. Цинизм, соединенный с потерей чувства самосохранения, – это серьезный диагноз.

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

G. Kaiser*

STRAFRECHT UND KRIMINOLOGIE OHNE BERÜHRUNGSFURCHT**

Die Auseinandersetzung in den modernen Kriminalwissenschaften über Aufgabe, Richtung und Methode kann auf eine rund zweihundertjährige Geschichte zurückblicken. Sie ist gekennzeichnet durch Gräben und Brücken. Sie reicht von der Dialogbereitschaft bis zur Sprachlosigkeit, von der Kooperation bis zur Konfrontation und zum Kampf um Deutungshoheit und Definitionsmacht sozialer Konflikte, die man herkömmlich „Verbrechen“ nennt. Denn seit den Anfängen der Strafrechtswissenschaft und überdies den Versuchen zur Begründung einer empirischen Rechtswissenschaft in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts lassen sich auch Spannungen sowie konflikträchtige Berührungen zwischen Erfahrungs- und Normwissenschaft, Rechtssoziologie und Jurisprudenz, zwischen Kriminologie und Strafrecht wahrnehmen. Rechtsgeschichte und Rechtsvergleichung, Freirechtsschule und Interessenjurisprudenz, Kriminologie und Pönologie, die soziologische Strafrechtsschule von Liszt, der *anglo-amerikanische penal welfarism* sowie die Reformbewegung der *defense sociale*, neuerdings selbst (post-)kritische Kriminologie und Abolitionismus stellen nur einzelne Etappen der periodisch aufflammenden und anscheinend zu keinem Ende kommenden Entwicklung dar. Diese Bewegung meint wohl nichts anderes als die ständige Suche nach einer Neubestimmung des Verhältnisses von Rechtsstaatlichkeit, Individualfreiheit und Sicherheit oder von Legalität und Effektivität, und damit jeweils nach einer neuen, zeitgerechten Bewältigung von Problemen gravierenden Unrechts. Sie reicht bis zu den zeitgenössischen Tendenzen der Informalisierung und Privatisierung strafrechtlicher Konflikte. Die Auseinandersetzung fand als sog. *Schulenstreit* bereits Eingang in Wissenschaftsgeschichte und Kriminalpolitik, und zwar lange Zeit, ehe an Positivismus- oder Historikerstreit zu denken war. Nahezu das gesamte vergangene Jahrhundert war von ihm erfüllt. Man wird daran zweifeln, dass er schon überwunden ist, wenn man an die gegenwärtige Fundamentalkritik von Abolitionismus und kritischer Kriminologie gegenüber dem Strafrecht denkt. In

Prof. Dr. Dr. h. c. mult. Hans-Heinrich Jescheck anlässlich seines 90. Geburtstages in Verehrung und Dankbarkeit gewidmet.

* Г. Кайзер – экс-директор Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург, Германия).

** Уголовное право и криминология без страха соприкосновения

meinem Beitrag zu der Festschrift, die anlässlich des 70. Geburtstages *Hans-Heinrich Jeschecks* erschienen ist, habe ich einige Phasen der Entwicklung nachzuzeichnen und in weiter Anlehnung an die Position des Jubilars eine Lösung mit dem Konzept der «Gesamten Strafrechtswissenschaften» zu erreichen versucht.¹ Dieser Ansatz hat auf der institutionell bezogenen Forschungsebene mit der prägnanten Metapher des Jubilars «Strafrecht und Kriminologie unter einem Dach» kennzeichnenden Ausdruck gefunden.² Dabei scheint das *von Lisztsche* Konzept der gesamten Strafrechtswissenschaft noch immer konstruktive Begegnungen und eine fruchtbare Fortentwicklung in Wissenschaft und Praxis zu eröffnen. Es leuchtet ein, wenn angenommen wird, die Idee der gesamten Strafrechtswissenschaft habe «dem Strafrecht eine Tür aufgemacht, und ein Platz im Strafrecht» werde «für Kriminalpolitik und Kriminologie erst von dieser Idee freigehalten»³. Daher greift man das von dieser Idee geleitete Konzept auch in der Gegenwart erneut auf, um es zu prüfen und mit neuem Inhalt zu füllen.⁴ Gleichwohl sind die Einwände nicht verstummt, wie Stimmen aus der Strafrechtswissenschaft,⁵ insbesondere aber diejenigen der kritischen Kriminologie und des Abolitionismus bezeugen.⁶ Offenbar bietet das fragliche Spannungsverhältnis immer wieder Anlass, darüber nachzudenken und erneut nach ebenso theoretisch überzeugenden wie praktikablen Lösungen zu suchen. Dem wollen die folgenden Überlegungen anhand der neueren Erfahrungen, Befunde und Diskussionen nachgehen.

Die aktuellen Einwände bewegen sich auf verschiedenen Ebenen und nähren sich aus unterschiedlichen Quellen. Sie erfassen das Selbstverständnis der Disziplinen und deren Verhältnis zueinander ebenso wie die Zusammenarbeit der

¹ Vgl. *Kaiser*, Festschrift für Jescheck, 1985, S. 1035.

² *Jescheck*, Freiburger Universitätsblätter 67 (1980), S. 39; *ders.*, in: *H.-J. Albrecht* u.a. (Hrsg.), Strafrecht und Kriminologie unter einem Dach, 1994, S. 7; *ders.*, in: *H.-J. Albrecht* u.a. (Hrsg.), Internationale Perspektiven in Kriminologie und Strafrecht, 1998, S.9.

³ So *Hassemer*, Kriminologie - Strafrecht - Kriminalpolitik. Manuskript des Vortrages v. 13.3.2003 auf der Wiener Kriminologen-Tagung, S. 4.

⁴ Vgl. etwa *Hassemer*, in: *Simon* (Hrsg.), Rechtswissenschaft in der Bonner Republik, 1994, S. 170, 275, 277; *ders.*, in: *Eser* (Hrsg.), Die deutsche Strafrechtswissenschaft vorder Jahrtausendwende, 2000, S. 26 f.

⁵ Skeptisch vor allem *Naucke*, Die Wechselwirkung zwischen Strafziel und Verbrechensbegriff, 1985, S. 10, unter Betonung zeitadäquat unterschiedlicher Ausprägungen des Konzepts; dazu ferner *Kaiser*, Kriminologie. Lehrbuch, 2. Aufl. 1988, S. 82ff., jeweils m. w. N.

⁶ Siehe dazu namentlich *Sack*, in: *Albrecht/Kürzinger* (Hrsg.), Kriminologie in Europa - Europäische Kriminologie?, 1994, S. 121; *Smaus*, Das Strafrecht und die gesellschaftliche Differenzierung, 1998, S. 19; *dies.*, in: *Althoff* u.a., Integration und Ausschließung, 2001, S. 345; *Krasmann*, Die Kriminalität der Gesellschaft, 2002, S. 61 ff., 256ff.; zusammenfassend zum Abolitionismus *Schobloch*, Abolitionistische Modelle im Rechtsstaat, Bern 2002, insbesondere S. 249 ff., m. w. N.

Wissenschaftler. Entsprechend kommt ihnen jeweils ein voneinander abweichendes Gewicht zu. Sie richten sich sowohl gegen das Präventionsstrafrecht als auch gegen das Vergeltungsstrafrecht. Sie treffen sich freilich sämtlich in dem Bemühen, das geltende Strafrecht zu kritisieren, zu dekonstruieren und zudelegitimieren. Diese Tendenz greift über notwendige und völlig unstrittige Autonomiebestrebungen der modernen Kriminologie weit hinaus,¹ insofern es der straf rechtskritischen Perspektive nicht mehr nur um die kritische Begleitung geht, sondern um ein anderes oder gar kein Strafrecht. Dabei erweist sich die postmoderne Kritik als ein nahezu unerschöpfliches Reservoir. Sie ist in der Verknüpfung der Argumente keinesfalls zimperlich. Gebrechen, die im anglo-amerikanischen Schrifttum vornehmlich der Gesellschaft oder den Politikern zugeschrieben werden,² pflegt man hierzulande vor allem dem Staat und mit ihm dem Strafrecht anzulasten. «Reproduktion von Ungleichheit», «Ausschließung», «Viktimismus» und «Populismus» sowie «Punitivitätskultur», «Straflust» und «Hass-Strafrecht» kennzeichnen die zeitgenössischen Vorwürfe. Inspiriert, ja durchdrungen von der Annahme *Foucaults* wird die «Figur des gefährlichen Individuums» derart fokussiert, dass daraus ein verhängnisvoller Diskurs des Strafrechts und der Kriminalpolitik konstruiert wird, der in seiner ausgeweglosen Dynamik bis zur Vernichtungspolitik des Nationalsozialismus reicht, ja überdies bis zu den als bedenklich begriffenen Tendenzen der Gegenwart, etwa im Zusammenhang mit der Sicherungsverwahrung, führt.³ Dabei wird freilich alles ausgeblendet, was nicht in diesen Argumentationszusammenhang passt. So ist von Klein- und Massenkriminalität ebensowenig wie von Abschreckung die Rede; entsprechend wird das Marburger Programm von *Liszts* amputiert. Selbst die kriminologische Forschung zu den strafrechtlichen Strategien der Diversion und des Täter-Opfer-Ausgleichs ist angefochten und wird verdächtigt, sich «distanzlos auf Forderungen und Ansinnen der Kriminalpolitik» einzulassen, obwohl die entsprechenden Primäripulse bekanntlich der kriminologischen Gedankenwelt entstammen. Schon deshalb kann begründet keine Rede davon sein, dass sich die Kriminologie wie selten zuvor «ihren wissenschaftlichen Schneid und das Pfund selbstbestimmter Fragestellungen zugunsten von Notwendigkeiten, Opportunitäten

¹ Dies scheint *Hassemer*, Festschrift für Müller-Dietz, 2001, S. 261, 266 f., zu verkennen.

² Vgl. *Roberts* u. a., *Penal populism and public opinion*, Oxford 2003, S. 3 ff., 8, 161.

³ Vgl. etwa *P. Becker*, in: *Lüdtke* (Hrsg.), „Sicherheit“ und „Wohlfahrt“. Polizei, Gesellschaft und Herrschaft im 19. Jahrhundert, 1992, S. 97, 107; *A. Roth*, Kriminalitätsbekämpfung in deutschen Großstädten 1850-1914, 1997, S. 279ff., 403; *Smaus*, Das Strafrecht und die gesellschaftliche Differenzierung, 1998, S. 26, 321; *Uhl*, Das „verbrecherische Weib“. Geschlecht, Verbrechen und Strafen im kriminologischen Diskurs 1800-1945, 2003, S. 43, 54, 68, 73, 77, 90f.

und Zweckmäßigkeiten fiskalisch diktiertcr und politisch durchsetzbarer Kriminalpolitik» habe «abkaufen lassen».¹

Die Gründe dafür, warum sich die Einwände gerade gegen Theorie und Praxis des Strafrechts in Deutschland wenden, sind nicht leicht zu erkennen. Auf die «Berührungsfurcht» gegenüber dem Strafrecht zu verweisen, genügt wohl kaum als Erklärung, weil damit bestenfalls nur auf ein Symptom Bezug genommen würde. Denn das Strafrecht, so wird kritisch eingewandt, spiegle nur das soziale Ungleichheit reproduzierende Herrschaftsverhältnis des Kapitalismus wider; es sei überdies ein ebenso untaugliches wie ungerechtes und inhumanes Mittel zur Verbrechensbekämpfung.² Allerdings reduziert die Kritik das Strafrecht weitgehend auf die materielle Normenordnung, ohne explizit auf das Verfahrens- und Vollstreckungsrecht sowie auf die Strafjustiz, mit Ausnahme von Freiheitsstrafe und Strafvollzug, einzugehen. Gleichwohl wird die negative Beurteilung pauschal auch darauf bezogen, insbesondere auf den Ausschließungscharakter der Strafe sowie auf die Strafjuristen als die Interpreten und Anwender des Strafrechts. Überdies liegt es nahe, dass auch jene Kriminologen, die sich im Verbund mit der Strafrechtswissenschaft sehen und sich angeblich der Dominanz des Strafrechts willfährig beugen, durch die Kritik «abgestraft» werden. Exemplarisch vor Augen geführt wurde dies unlängst auch beim Streit um die Mitwirkung am sog. Sicherheitsbericht der Bundesministerien für Inneres und Justiz.³ Kraft der unterstellten Unterwerfungsstrategie sieht man nicht nur die wissenschaftliche Unabhängigkeit der kooperationsbereiten Kriminologen beeinträchtigt, sondern erblickt in dem Verbundkonzept überdies eine legitimationswissenschaftliche Fehlentwicklung der Kriminologie, wodurch die neuerdings vermutete Ausprägung der Strafrechtspraxis als «Hass-Strafrecht»⁴ mit Hilfe der Kriminologie geradezu verschleiert werden könnte. Derartige, nicht selten erst von ihr konstruierte Zusammenhänge zu entlarven und ihnen durch einen Gegendiskurs entgegen zu wirken, fühlt sich die kritische Kriminologie aufgerufen. Wegen der offensichtlich nicht behebbaren Mängel einschließlich der Dysfunktionalität wird selbst die sich auf die «Zweckrationalität» gründende Kriminalpolitik angezweifelt.⁵

¹ Sack (Anm. 6), S. 144.

² Vgl. etwa Smaus (Anm. 9), S. 14ff.; P.-A. Albrecht, Kriminologie. 2. Aufl. 2002, S. 69ff., 90, 381 ff.; differenzierend jedoch Lüderssen, Abschaffen des Strafens?, 1995, S. 410, 415f., 425.

³ Dazu kritisch Peters/Sack, KrimJ 35 (2003), S. 17; dagegen Schumann, KrimJ 35 (2003), S. 135; zum Ganzen Kerner, in: Schöch/Jehle (Hrsg.), Angewandte Kriminologie zwischen Freiheit und Sicherheit, 2004, S. 523, 545 ff.

⁴ So Sack bei Löscher, KrimJ 34 (2002), S. 41, 45.

⁵ Vgl. etwa P.-A. Albrecht (Anm. 11), S. 2ff.; ferner Kunz/Besozzi, in: Kunz u. a. (Hrsg.), Soziale Reflexivität und qualitative Methodik, Bern 2003, S. 7, 9.

Wenn aber diese Problematik schon allgemein für das Verhältnis von Strafrecht und Kriminologie zutrifft, müssen dann nicht entweder die Spannungen zwischen Kriminologie und Strafrecht oder die Gefahren der Fehlentwicklung geradezu übermächtig werden, wenn Kriminologen und Strafrjuristen in ein und derselben Forschungseinrichtung miteinander arbeiten? Insbesondere wird man hier fragen, ob die institutionelle Verbundforschung nicht zur Beeinträchtigung oder gar Lähmung der Forschungsfreiheit von Kriminologen führen müsste, und falls nicht, dann jedenfalls zum Verlust der wissenschaftlichen Unabhängigkeit durch politische Botmäßigkeit oder Unterwerfung. Immer wieder wird dies explizit behauptet oder doch suggeriert,¹ ohne dass derartige Vorwürfe konkret belegt werden können. Wiederholt ist der Jubilar solchen Befürchtungen und Einwänden überzeugend entgegen getreten, um sie zu entkräften.² Neuerdings hat dem *Hassemer*, um Vermittlung bemüht, hinzugefügt: Die Anregung zur Erweiterung des Horizonts «ist Ergebnis einer wissenschaftlichen Kooperation auf Augenhöhe, keine Hierarchie von Herrin und Magd, wo das Strafrecht die Fragen stellt und die Kriminologie die Antworten gibt»³. Allerdings wird man diese Stellungnahme wohl in der Weise einschränken müssen, dass man auch auf Fallsituationen trifft, in denen beide Disziplinen wechselseitig Fragen stellen und auch Antworten erwarten dürfen, ohne Gefahr zu laufen, ihre Autonomie zu beeinträchtigen. Letztlich geht es der Kritik wohl mehr um die Bestimmung der Diskurshoheit und des Agenda-Settings durch eine Gruppe von Wissenschaftlern, die sich der angeblich «hegemonialen» Haupt-Strömung der Kriminologie widersetzen.⁴ Zwar ist die Wahrheitserforschung in der Wissenschaft und so auch in der Kriminologie nicht abhängig von Mehrheitsmeinungen. Doch dass es sich hier um die Suche nach Wahrheit und Objektivität oder um fiktive Realität handeln könnte, wird ja weitgehend geleugnet oder doch bezweifelt.⁵ Nachdenklich stimmt, dass ähnliche Spannungen und Konflikte außerhalb des deutschsprachigen Bereichs weithin unbekannt sind.⁶ Dies mag an der vergleichsweise institutionell starken Stellung der deutschen Strafrechtswissenschaft liegen und damit an dem hierzulande

¹ Insbesondere *Sack*, in: *Janssen/Peters* (Hrsg.), *Kriminologie für soziale Arbeit*, 1997, S. 14, 19.

² *Vgl. Jescheck*, in: *H.-J. Albrecht u. a.* (Hrsg.), *Strafrecht und Kriminologie unter einem Dach*, S. 7; *ders.*, in: *H.-J. Albrecht u.a.* (Hrsg.), *Internationale Perspektiven in Kriminologie und Strafrecht*, 1998, S. 9.

³ *Vgl. Hassemer* (Anm. 3), S. 5, 11; auch schon *ders.* (Anm. 7), S. 264.

⁴ So etwa *Anhorn/Bettinger* (Hrsg.), *Kritische Kriminologie und soziale Arbeit*, 2002, S. 7, 17, 238.

⁵ *Vgl. dazu die Kritik von Scheerer*, in: *Althoff u. a.* (Anm. 6), S. 243; *Hassemer* (Anm. 3), S. 12, 20f.

⁶ Siehe die auf England bezogenen Beobachtungen von *Karstedt* bei *Klimke*, *KrimJ* 35 (2003), S. 141.

vielleicht systemtypischen Rückgriff auf das Instrumentarium des (Straf-) Rechts anstelle von Mitteln der Sozialpolitik zur Lösung sozialer Probleme oder auch an den Eigentümlichkeiten der involvierten kriminologischen Wissenschaftler in Deutschland. Gleichwohl wird man zögern, hier einen deutschen «Sonderweg» zu vermuten. Selten erscheint Kriminologie kriminalpolitisch weniger engagiert als in den USA, obgleich dort die Kriminologie im Wissenschaftsgefüge bekanntlich eine breite Verankerung erfahren hat.¹

Wenn es aber solche Unterschiede gibt, dann hängen sie sicherlich auch von Art, Inhalt und Rolle sowohl des Strafrechts als auch der Kriminologie ab. Selbst der Rückgriff auf das Konzept der gesamten Strafrechtswissenschaft vermag die Existenz unterschiedlicher Richtungen innerhalb der fraglichen Teildisziplinen nicht zu ignorieren. Demgemäß ergeben sich nicht nur unterschiedliche Positionen zu jenem Konzept,² sondern werden auch Fragen nach dem Verständnis der Kriminologie virulent. Im Hinblick auf die vermeintliche Zersplitterung der Kriminologie fragt *Hassemer* danach, «welche Kriminologie» denn wohl in Betracht komme. Allerdings geht es um mehr als darum, die etwaige Vielstimmigkeit aufgrund der existierenden «Spezialkriminologien» auszuräumen, um auf eine integrative Kriminologie höheren Grades zurückgreifen zu können, welche die Vorzüge der verschiedenen Richtungen zu vereinigen und deren Schwächen zu vermeiden wüsste, sondern auch um die offensichtlich unterschiedlichen Möglichkeiten zur Vereinbarkeit von Strafrecht und Kriminologie. Es kann aber nicht zweifelhaft sein, dass wir hier auf unterschiedliche Affinitäten zwischen strafrechtlichen und kriminologischen Richtungen treffen, und zwar zwischen neoklassischem Strafrecht oder Zweckstrafrecht einerseits und kritisch-konstitutiver oder traditionell interdisziplinärer Kriminologie andererseits.³ Eine Kriminologie ohne Täter und Opfer hingegen dürfte sich schwertun, überhaupt eine produktive Beziehung zum Strafrecht zu begründen und zu pflegen. Dies wird an den bislang angebotenen Alternativkonzepten⁴ besonders deutlich. Die Resonanz dazu bleibt daher recht verhalten, selbst im engeren Kreis der kritisch-konstitutiven Kriminologie.⁵ Entsprechendes gilt für die Abarbeitung des von *Hassemer* einer

¹ Vgl. dazu die Diskussion über den sog. *Sherman-Report* von *Bannenberg/Rössner*, ZJJ 31 (2003), S. 111, 113, und *Kerner* (Anm. 12), S. 550f., sowie die Kritik von *Jung*, in: *Kunz* u.a. (Anm. 14), an *Garland*.

² Vgl. hierzu die oben zitierten Äußerungen von *P.-A. Albrecht*, *Hassemer*, *Kunz* und *Naucke*.

³ Dazu kritisch *R.-A. Albrecht* (Anm. 11) und *Smaus*, in: *Althoff* u. a. (Anm. 6).

⁴ Siehe hierzu *R.-A. Albrecht* (Anm. 11); ferner *Sessar*, MschrKrim. 80 (1997), S. 1; *ders.*, in: *H.-J. Albrecht* u.a., Internationale Perspektiven in Kriminologie und Strafrecht, 1998, S. 427.

⁵ Z.B. *Sack*, KritV 2003, 122 f.

«strafrechtskritischen Kriminologie» anempfohlenen Forschungskataloges,¹ der, soweit überhaupt aufgegriffen, am ehesten von Kriminologen der Hauptströmung angegangen wird. Gilt dieser Befund schon allgemein auf der Ebene des Disziplinvergleichs, so muss er sich dementsprechend auf der innerinstitutionellen Ebene einer gemeinsam für Kriminologie und Strafrecht bestimmten Forschungseinrichtung verstärkt äußern.² Unterschiedliche Nähe und Stimmigkeit strafrechtlicher und kriminologischer Konzepte lassen es daher angezeigt erscheinen, der Frage nachzugehen, inwieweit das kriminologische Selbstverständnis mit strafrechtlichen Vorstellungen vereinbar ist, um sich in ein übergreifendes Modell gesamter Strafrechtswissenschaft oder, bescheidener, in den Mikrokosmos eines institutionellen Forschungsverbundes einzufügen, ohne den übergreifenden Forschungsrahmen zu sprengen oder sich in wissenschaftliches «Abseits» zu begeben und den 2Biss» zu verlieren.

Für eine fruchtbare Zusammenarbeit zwischen Kriminologie und Strafrecht kommt es daher erwartungsgemäß auch auf das kriminologische Selbstverständnis an. Dieses ist jedoch verschieden, je nachdem, ob man jenes der traditionell-interdisziplinären Hauptströmung betrachtet oder alternativ das der kritischen Perspektive. Die Unterschiede äußern sich heute hauptsächlich in den Forschungsinteressen und in der abweichenden Distanz oder Nähe zur Bewältigung praktischer Aufgaben, nicht zuletzt durch ein differenziertes Rollenverständnis, zum Teil durch die spezifische professionelle Orientierung als Soziologe, Psychologe oder Jurist bedingt. Dadurch ergeben sich freilich auch unterschiedliche Blickschärfungen für den kriminologischen Forschungsgegenstand, soweit es um die Analyse der Kriminalitätswirklichkeit sowie von Täter und Opfer geht. Daher hat die Diskussion die Scheinfrage «Verbrechensbegriff oder abweichendes Verhalten» längst verlassen, da die relevanten Phänomene der Abweichung schon seit jeher als Forschungsobjekte von der Kriminologie einbezogen wurden und sich die Devianzforschung eingedenk aller Kritik im Schwerpunkt auf die Kriminalität und die vom Verbrechensbegriff erfassten Erscheinungen bezieht. Wer freilich nichts von der Fokussierung des Verbrechensopfers hält, weil ihm nicht zuletzt der bislang wegen des von der Strafjustiz zugefügten Leidens dem Täter vorbehaltene Opferstatus nunmehr durch Veränderung des Blickfeldes abhanden kommt, der muss die strafrechtliche Wiederentdeckung des Verbrechensopfers³ als befremdlich und störend empfinden. Er wird dazu neigen, sie als «Viktimumismus»

¹ Vgl. *Hassemmer* (Anm. 7), S. 267.

² Dazu näher unten II.

³ Zum „victimological turn“ *Jung*, in: *The criminological foundations of penal policy. Essays in honour of Roger Hood*, Oxford 2003, S. 443, 461.

oder «Populismus» abzuwerten.¹ Kennzeichnend schreibt der Kriminalsoziologe *Peters*: «Wir haben gegenwärtig eine Welle der Dramatisierung dieser Opfer festzustellen. Stiftungen des Opferschutzes werden gegründet, die uns in Bedrängnis bringen mit unserem Verständnis von Kriminalität», und fügt offenherzig hinzu: „Waren für Kriminalsoziologen der 70er Jahre die Kriminellen die Opfer, sind es jetzt die Opfer».² Nach *P.-A. Albrecht* ist die «strafrechtliche Neutralisierung des Opfers» überdies im Interesse der Freiheitssicherung geboten, zumal sie «zum Inhalt einer liberalen Staats- und Grundrechtstheorie» gehöre.³ Denn «eine konstruktivistisch orientierte Kriminologie tendiert dazu, diese Betroffenen-Perspektiven zu vernachlässigen».⁴ Eine derartige Folgerung trifft zwar für den «radikalen Konstruktivismus» zu, verfehlt aber wichtige kriminalpolitische Aufgaben. Sie ist daher äußerst bedenklich und letztlich inakzeptabel. Insbesondere in dieser Hinsicht hebt sich die Kriminologie der Hauptströmung scharf von radikal-kritischen Perspektiven ab, wie sie sich der viktimologisch inspirierten Forschung seit Ende der 1960er Jahre entnehmen lässt.⁵

Immerhin hat der Streit um den Rang von Täter- und Opferorientierung, ferner um die Bedeutungsanalyse und Infrastruktur strafrechtlicher Sozialkontrolle einschließlich Prävention, Privatisierung sowie dem Konstruktcharakter des Verbrechensbegriffs die kriminologische Welt in den letzten vier Jahrzehnten tiefgreifend verändert und ihr weitgehend ein neues Bild vermittelt. Bei dem Richtungsstreit lässt sich freilich das zeitweilig heftige Ringen um Hegemonie und Diskurshoheit nicht verkennen. Gleichwohl ist es ihm zu verdanken, dass aufgrund wechselseitiger Anregung und Kritik Übertreibungen weitgehend zurückgeschnitten wurden und sich Fehlentwicklungen in Grenzen hielten. Nicht zuletzt sind es spektakuläre Verbrechen, die uns eindrücklich daran erinnern, dass wir es bei Verbrechen und Kriminalität nicht nur mit blutleeren Konstruktionen oder gar «Glasperlenspielen» zu tun haben, sondern auch und vor allem mit eingreifenden Ereignissen und leidvollen Konflikten, die Menschen zerbrechen lassen und die keine Gesellschaft und auch keine Humanwissenschaft gleichgültig lassen können. Allgemein betrachtet bleibt der Kriminologie auch im Kontext gesamter Strafrechtswissenschaften genügend Raum zu autonomer Entfaltung und Selbstreflexivität, ohne Gefahr zu laufen, erdrückt, stranguliert oder nur für «Handlangerdienste» eingespannt zu werden. Dass die traditionelle und auch vom

¹ So etwa *Cremer-Schäfer/Steinen*, Straflust und Repression, 1998, S. 210, 212; anders hingegen *Roberts* u. a. (Anm. 8) zum *penalpopulism*.

² *Peters*, in: *Anhorn/Bettinger* (Anm. 18), S. 219.

³ *P.-A. Albrecht* (Anm. 11), S. 390, 392.

⁴ *P.-A. Albrecht* (Anm. 11), S. 86; dazu kritisch *Scheerer* (Anm. 19), S. 250.

⁵ Dazu schon *H.-J. Schneider*, Viktimologie, 1975.

Jubilar vertretene Ansicht, wonach die Kriminologie dem Strafrecht «unentbehrlich» sei mit ihrem «fachlichen Rat für die Alltagsaufgabe der Strafrechtspflege» und ein «wichtiges Hilfsmittel der Kriminalprognostik»,¹ zwar «sicherlich gut gemeint und insoweit auch zutreffend» sei, aber in dieser Verkürzung in recht reiner Form «die Aufgabenverteilung von Herrin und Magd» repräsentiere, wie *Hassemer* meint,² vermag ich nicht zu sehen, auch wenn nicht auszuschließen ist, dass sich «empfindsame Kriminologen schon seit Langem» gekränkt und «zu Widerspruch» herausgefordert fühlen;³ dies ist jedoch vor allem dadurch bedingt, dass sie zu Kriminologie und Kriminalpolitik eine grundlegend andere Auffassung vertreten. Daher erscheint eine etwaige «Berührungsfurcht» der Kriminologie gegenüber dem Strafrecht ebenso unbegründet wie verfehlt. Obschon die Einwände der kritischen Richtung inhaltlich nicht neu sind, lassen sie sich keineswegs übersehen, zumal sie sich in der Gegenwart mit unverminderter Schärfe äußern und mit einigen Anhängern in den Sozialwissenschaften rechnen können. Dabei stützen sie sich argumentativ neuerdings auch auf die «radikal-konstruktivistische Wissens- und Systemtheorie⁴ mit der Abkehr von wissenschaftlichen Begriffen» der Erkenntnis, der Wahrheit und der Realität, ohne damit freilich dem «Elend der kritischen Kriminologie»⁵ entrinnen zu können. Straflust und Ausschließung sowie die dominante Rolle der Juristen,⁶ ferner das Festhalten am Verbrechensbegriff und selbst die Opferorientierung liefern Steine des Anstoßes sowie Kristallisationspunkte für die Kritik innerhalb von Kriminologie und Kriminalpolitik. Ob und wie immer auch die Vorwürfe begründet sind, sie setzen Kriminologie und Strafrechtswissenschaft unter dauernden Rechtfertigungsdruck und etwaige Verteidiger der Zusammenarbeit dem Verdacht der Legitimationswissenschaft sowie der mangelnden Selbstreflexivität aus, dem Vorwurf also, sich der wissenschaftlichen Voraussetzungen des eigenen Denkens und Handelns nicht ausreichend bewusst zu sein.

Prüfen wir nun nach den allgemeinen Betrachtungen zum interdisziplinären Kontext der Kriminologie die innerinstitutionelle Verbundforschung von Kriminologie und Strafrecht am Beispiel der mehrere Jahrzehnte umfassenden kriminalwissenschaftlichen Untersuchungen am Freiburger Max-Planck-Institut.

¹ Vgl. *Ljescheck/Weigend*, Allg. Teil, 5. Aufl. 1996, S. 47.

² *Hassemer* (Anm. 4), S. 11.

³ Wie z.B. *P.-A. Albrecht* (Anm. 11), S. 14ff.

⁴ Vgl. *Scheerer* (Anm. 19), S. 248.

⁵ *Lüderssen*, KrimJ 30 (1997), S. 442.

⁶ Dazu lehrreich und nachdenklich stimmend der Erfahrungsbericht und die Analyse von *Schumann* in: *Schöch/Jeble*, Angewandte Kriminologie zwischen Freiheit und Sicherheit, 2004, S. 603, 604ff., 608.

Es lässt sich denken, dass die auf der wissenschaftstheoretischen Ebene erhobenen Einwände in ähnlicher, obschon modifizierter Weise auf der Ebene der Institutionalisierung und Forschungspraxis wiederkehren. Sie haben denn auch teilweise die Vorgeschichte und die Entwicklung bis zur institutionellen Verankerung der Kriminologie am Freiburger Max-Planck-Institut im Jahre 1970 bestimmt. Dass wir heute dennoch auf mehr als drei Jahrzehnte kriminologischer Forschungstätigkeit am Max-Planck-Institut im Verbund mit dem Strafrecht zurückblicken können, ist vor allem der Initiative, der Sensibilität und dem Weitblick des Jubilars zu verdanken. Dies trifft auch dann zu, wenn man Einsatz und Beitrag der Mitarbeiter nicht gering einschätzt. Zur Begründung hatte *Jescheck* darauf hingewiesen, dass abgesehen von der Förderung der Kriminologie als solcher und um ihrer selbst willen es auch der Pflege der Kriminologie als Ergänzung der Strafrechtswissenschaft bedürfe.¹ Nach dem Arbeitsprogramm sollte es zunächst und vor allem um die Erforschung des breiten Spektrums von Verbrechen und Verbrechenskontrolle gehen. Dabei wurde diese Zielsetzung vom weltweiten Erkenntniswandel in den späten 1960er Jahren und seiner Blickschärfung für die Mechanismen und Prozesse der strafrechtlichen und informellen Sozialkontrolle beflügelt.² Zwar haben Ziel, Vorgehen und Erträge der Freiburger Kriminologen am Max-Planck-Institut nicht stets einhellige Zustimmung gefunden. Sie wurden jedoch weder durch Autonomieverlust noch durch legitimationswissenschaftliche Dienste erkaufte. Die kritische Funktion kam der empirischen Forschung keinesfalls abhanden, obschon einzuräumen ist, dass die Theorieentwicklung wiederholt angemahnt wurde. Insgesamt kann aufgrund der jahrzehntelangen Erfahrungen anhand der konkreten Projekte festgestellt werden, dass sich das Konzept des Verbundes strafrechtlicher und kriminologischer Untersuchungen wider alle Kritik bewährt hat und weiterhin zur Fortsetzung ermutigt.

Die Forschungsarbeit der ersten zwölf Jahre, gemeinsam mit dem Jubilar, lässt sich im Wesentlichen in fünf größere Komplexe unterteilen, nämlich Untersuchungen zu Betriebsjustiz, Staatsanwaltschaft und Polizei, Geldstrafe und Strafvollzug sowie Wirtschaftskriminalität und Analyse des Dunkelfeldes durch Opferbefragungen.³ Dabei griff das Forschungsprojekt zur „Betriebsjustiz« bereits Fragestellungen auf, die erst im Laufe der 1970er Jahre unter dem Topos der Diversion sowie der Alternativen zum Strafrecht breite Aktualität gewinnen sollten. Im folgenden Jahrzehnt traten vor allem Themen in den Vordergrund,

¹ Nachweise dazu bei *Kaiser* (Anm. 1), S. 1035 ff.

² Vgl. im Einzelnen *Kaiser*, in: *Müller-Dietz* (Hrsg.), *Dreißig Jahre südwestdeutsche und schweizerische kriminologische Kolloquien*, 1994, S. 17, 23.

³ Vgl. dazu die zusammenfassende Darstellung in: *Forschungsgruppe Kriminologie* (Hrsg.), *Empirische Kriminologie. Ein Jahrzehnt kriminologischer Forschung am Max-Planck-Institut Freiburg/Brsq.*, 1980, S. 512 f.

deren Dimensionen in den ersten Jahren gemeinsamer Forschung vorerst vage zu erkennen waren. Neben der stärkeren Einbeziehung des Verbrechensopfers in die Forschung traten Problemfelder der Diversion, der Kriminalprävention, der Gewalt im sozialen Nahraum sowie Langzeitforschungen durch Kohortenstudie und sozialtherapeutische Behandlung im Strafvollzug als vorrangige Schwerpunkte hinzu. Durch den Eintritt *Albin Eser* als Institutsdirektor und Nachfolger *Hans-Heinrich Jescheks* ergaben sich neue Impulse zur Erforschung des Schwangerschaftsabbruchs, zu Untersuchungen bezüglich der Implementation des Umweltstrafrechts, zur Schadenswiedergutmachung, ferner zum Organisierten Verbrechen bis hin zur Geldwäsche und zur Gewinnabschöpfung.¹ Derartige und weitere Fragestellungen, insbesondere zu Migration, Schwarzmarkt und Schattenwirtschaft gewannen mit dem Übergang der Leitung der kriminologischen Forschungsarbeit auf *Hans-Jörg Albrecht* verstärkte Schubkraft.² War das zweite Jahrzehnt kriminologischer Forschung am Freiburger Max-Planck-Institut im Wesentlichen durch Veröffentlichungen zur Wirtschaftskriminalität, zum Schwangerschaftsabbruch, zum Umweltstrafrecht, zur Geldstrafe und zum Strafvollzug gekennzeichnet, so folgten im Anschluss daran vor allem opferorientierte Arbeiten und solche zur Sanktionseinstellung der Bevölkerung sowie zur Handhabung des Opferschutzgesetzes. Diese Forschungsfelder, ergänzt durch Ansätze zur Analyse von Migrationsproblemen, Schwarzmärkten und Schattenwirtschaft, ferner zur Bedeutung von Organisation und subkulturellen Bezügen und die Untersuchung von Kriminalität sowie zu Modernisierungserscheinungen und ihren Auswirkungen auf die Gelegenheitsstruktur zur Begehung von Verbrechen und strafrechtliche Veränderungen prägten das dritte Jahrzehnt kriminologischer Forschung am Max-Planck-Institut.³

Teilweise reichen derartige Untersuchungen bis in die Gegenwart, wie der letzte Tätigkeitsbericht des Instituts für die Zeit bis 2003 erkennen lässt.⁴ Danach lassen sich die laufenden Arbeiten insgesamt sechs Schwerpunkten zuordnen. Dabei handelt es sich namentlich um die Sanktions- und Vollzugsforschung, die Themenkomplexe «Organisierte Kriminalität und Innere Sicherheit» sowie «Normanwendung im Strafverfahrensrecht», ferner um die Opferforschung und

¹ Dazu im Einzelnen *Kaiser*, in: *H.-J. Albrecht* u. a. (Hrsg.), Wechselwirkungen. Beiträge zum 65. Geburtstag von Albin Eser, 2001, S. 163.

² Vgl. *H.-J. Albrecht*, in: *Eser* (Hrsg.), Kriminologische Forschung im Übergang, 1997, S. 49, 56 ff., 72 ff., unter Bezugnahme auf *Je seh eck/Kaiser* (Hrsg.), Die Vergleichung als Methode der Strafrechtswissenschaft und der Kriminologie, 1980.

³ Dazu *H.-J. Albrecht* (Anm. 44), S. 72ff.; ferner *Kinzig*, Die rechtliche Bewältigung von Erscheinungsformen organisierter Kriminalität, 2004, S. 771 ff.

⁴ Siehe Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.), Tätigkeitsbericht für die Jahre 2002 und 2003, 2004, S. 14, 81 ff.

schließlich um Untersuchungen zum Problemfeld «Sozialer Wandel, Veränderung der Lebenslagen, Kriminalität und Kriminalitätskontrolle». Damit werden einerseits Fragestellungen verfolgt, die wie etwa die Viktimologie schon länger zum Forschungsprogramm des Instituts gehören und in verschiedenen Vertiefungen von ungebrochener Aktualität sind; andererseits wird Erscheinungen nachgegangen, die wie die Organisierte Kriminalität oder Transaktionskriminalität neue Zugänge erfordern und erst im letzten Jahrzehnt in die kriminologische Forschung Eingang gefunden haben.¹ Rückt man die kriminologischen Untersuchungen in den Gesamtzusammenhang der Forschungsaufgaben des Instituts, so geht es gleichermaßen um den Gewinn von «Erkenntnissen über den bereits existierenden Bestand an rechtlichen Lösungen für bestimmte soziale Probleme, funktionale rechtliche oder strafrechtliche Alternativen sowie daraus zu ziehende Konsequenzen für die Fortentwicklung des Strafrechts.»² Das Max-Planck-Institut arbeitet insoweit an Grundlagenfragen zu den Strukturen des Strafrechts und dessen Rolle und Funktionen in einer sozialen, wirtschaftlich vernetzten Welt, die einem rapiden sozialen Wandel unterworfen ist. «Im Vordergrund steht dabei die - durchaus auch kritisch zu beleuchtende - Frage nach dem in modernen und komplexen Gesellschaften vorhandenen Potenzial an Steuerung und Lenkung durch Strafrecht mit den ihm eigenen und in einem Spannungsverhältnis stehenden Zielsetzungen des Schutzes von Rechtsgütern sowie der Gewährleistung von Sicherheit, Freiheit, Vorhersehbarkeit und Gerechtigkeit bei sozialen und wirtschaftlichen Austauschprozessen.»³ Die aufgrund der Neuberufung von *Ulrich Sieber* als Institutsdirektor bestimmten neuen wissenschaftlichen Schwerpunkte der strafrechtlichen Forschungsgruppe, die mit den Begriffen «Weltgesellschaft», «Informationsgesellschaft» und «neue Risikogesellschaft» schlagwortartig umschrieben werden, lassen auch in diesem Zusammenhang eine fruchtbare Zusammenarbeit zwischen der strafrechtlichen und der kriminologischen Forschungsgruppe erwarten.⁴

Prüft man im Lichte der skizzierten Entwicklung sowie der Erträge, Merkmale und Aufgaben kriminalwissenschaftlicher Forschung die von kritischer Seite erhobenen grundsätzlichen Einwände, so bleibt davon nur wenig übrig.

¹ Tätigkeitsbericht (Anm. 46), S. 14.

² Hervorzuheben ist hier etwa die Begleitforschung zur Sozialtherapie im Strafvollzug, zum elektronisch überwachten Hausarrest (sog. Fußfessel) sowie zur Telefonüberwachung; dazu namentlich *Albrecht/Dorsch/Krüger*, Rechtswirklichkeit und Effizienz der Überwachung der Telefonkommunikation nach den §§ 100a, 100b StPO und anderer verdeckter Ermittlungsmaßnahmen, 2003.

³ Tätigkeitsbericht (Anm. 46), S. 13.

⁴ Tätigkeitsbericht (Anm. 46), S. 14.

Inbesondere kann von einer Gefährdung der Unabhängigkeit und Forschungsfreiheit der Kriminologen oder gar deren Unterwerfung unter das Strafrecht keine Rede sein. Dies gilt ebenso für die nicht selten in der Kritik mitschwingende Unterstellung, die Kriminologie der Hauptströmung legitimiere neben der Täterorientierung auch etwaige Fehlfunktionen der Strafjustiz sowie den gesellschaftlichen Status quo. Ferner ist nach der Befundlage die allgemeine Behauptung zur Strafrechtspflege, wonach die Träger der „Gefährlichkeitsmerkmale« nicht als Individuen für ihre konkreten Taten, sondern als Vertreter einer «*dangerous class*» bestraft würden,¹ völlig überzogen und wirklichkeitsfremd, zumal bei einer solchen Sichtweise die große Zahl der Kleinkriminellen und Verkehrsdelinquenten vollständig ignoriert wird. Auch angesichts einer möglichen Steigerung der Punitivität in den letzten Jahrzehnten erscheint die behauptete «Transformation eines wohlfahrtsstaatlichen Strafrechts zu einem Hass-Strafrecht»² als sachlich unbegründet. Entsprechendes gilt für die der Kriminologie und dem Strafrecht als «Ausschlusswissenschaften» angelasteten «Ausschlussprozesse».³ Freilich werfen die Verhängung der Freiheitsstrafe und die Anordnung der Sicherungsverwahrung unverändert schwierige Legitimationsprobleme auf. Diese müssen aber und können auch rechtsstaatlich bewältigt werden. Sie stellen jedoch einen konstruktiven Verbund von autonomer Kriminologie und Strafrecht keineswegs in Frage.

Den wichtigsten Einwänden gegenüber der Freiburger Konzeption und Verbundforschung ist der Jubilar bereits in seinem bilanzierenden Rückblick auf die gemeinsame Zeit aktiver Zusammenarbeit von Kriminologie und Strafrecht am Max-Planck-Institut überzeugend entgegengetreten.⁴ In Übereinstimmung mit ihm kann auch ich heute nur seine Schlussbilanz bekräftigen, wonach «die Zusammenarbeit von Kriminologie und Strafrecht im Max-Planck-Institut nach unserer Ansicht gelungen ist und zu Ergebnissen geführt hat, die von keiner der beiden Wissenschaften für sich allein hätten erreicht werden können».⁵ Entsprechend gelangte *Hans-Jörg Albrecht* in seiner Antrittsrede vor etwa acht Jahren zu dem Schluss, dass «die kriminologische Forschung am Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht auf ein Konzept gegründet ist, zu dem es noch heute ... keine plausible Alternative gibt». Dies bekräftigend,

¹ So aber *Golbert*, Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten, 2003, S. 171 f.; kritisch unter Verwendung des Begriffes der «*dangerous classes*» hingegen *Emsley*, in: *Maguire* (Hrsg.), *The Oxford Handbook of Criminology*, 2. Aufl. Oxford 1997, S. 57, 62 f.

² So aber *Sack* bei *Löschper* (Anm. 13), S. 45.

³ *Cremer-Schäfer*, in: *Anhorn/Bettinger* (Anm. 18), S. 145.

⁴ Vgl. *Jescheck*, in: *H.-J. Albrecht* u. a. (Hrsg.), *Internationale Perspektiven in Kriminologie und Strafrecht*, 1998, S. 9.

⁵ *Jescheck* (Anm. 55), S. 28.

fügte er hinzu: «Selbstverständlich muss ein kriminologisches Forschungsprogramm sich auch in einem Verbund mit dem Strafrecht bewähren, ebenso wie die vergleichende und internationale Strafrechtswissenschaft sich der Verständigung mit der theoretischen und empirischen Kriminologie befleißigen muss. Denn die Fragestellungen, die moderne Gesellschaften und die Prozesse der Internationalisierung (bzw. Globalisierung) für die Entwicklung und Entwicklungsfähigkeit des Strafrechts sowie seine zukünftige Rolle aufwerfen, lassen sich ohne eine solche wirksame Kooperation nicht mehr beantworten. Dabei geht es um einen jeweils selbstbewußt organisierten Verbund zwischen Kriminologie und Strafrecht, der zum einen die in den letzten Jahren zu Recht müde gewordene Debatte über Gegensätze zwischen einer auf Strafrechtssoziologie reduzierten Kriminologie und der sog. traditionellen Kriminologie hinter sich läßt, zum anderen auch die alten Rivalitäten zwischen Strafrecht und Kriminologie weiter aufarbeiten kann».¹ Nach den gegenwärtigen Forschungsprogrammen ist zu erwarten, dass der für die Innovation notwendige Wandel sowie die organisatorische Forschungsstruktur und Aufgabenstellung substanziell gewährleistet bleiben. Einen besseren Ausblick auf die künftige Forschung des Max-Planck-Instituts im Geiste des Jubilars kann man sich kaum vorstellen. Dass mir in diesem Zusammenhang vor drei Jahrzehnten die kriminologische Aufgabe anvertraut wurde und ich an deren Verwirklichung während langer Zeit mitwirken durfte, erfüllt mich mit Freude und Dankbarkeit.

¹ H.-J. Albrecht (Anm. 44), S. 49f., 76.

С.В. Денисов*

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Криминологи отмечают, что преступность росла всегда и во все времена и никогда не зависела от жестокости наказаний. Рост преступности и есть тот побочный результат, который неизбежен при унификации различных отношений различных социальных групп. Поскольку любое современное общество состоит из множества социальных групп, обладающих различными социальными, культурными, языковыми, идейными, религиозными, расовыми и иными особенностями, то унификация приводит к постоянному столкновению интересов не только отдельных личностей, но и интересов социальных групп и даже культур. Этот факт является весомым аргументом в пользу признания преступности неким свойством общества, воспроизводить преступления.¹ В условиях унификации современное общество должно находиться в постоянном поиске оптимальных механизмов сдерживания преступных проявлений, максимально принимая во внимание особенности социально-значимых обычаев и традиций группы. Последнее особенно важно учитывать в многонациональных государствах, так как это способствует сохранению национальной, культурной и иной самобытности группы, управлению ей путем использования понятных этой группе методов воздействия, предотвращая тем самым революции, войны и иные конфликты, что обеспечивает, в конечном счете, динамичное развитие государства.

Сегодня вряд ли можно считать разумным продолжение сложившейся порочной практики тотального вмешательства государства во все случаи возникающих уголовно-правовых отношений. Было бы целесообразнее совершенствовать институт примирения, расширив перечень преступлений, по которым допускается освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ. Дело в том, что законодатель при конструировании данной нормы проявил определенную непоследовательность. Сначала он придал примирению сторон характер правового стимула, как бы призвав лицо, совершившее преступление, и потерпевшего именно таким способом урегулировать свой конфликт, а затем «пошёл на попятную», отдав окончательное решение вопроса о прекращении дела на усмотрение правоохранительных

* **Сергей Владимирович Денисов** – соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России (Россия, Нижний Новгород).

© С.В. Денисов, 2009/

¹ См.: *Шестаков Д.А.* Криминология. Краткий курс. Преступность как свойство общества. СПб., 2001. С. 78.

органов. Полагаем, что неопределённую законодательную формулировку статьи 76 УК РФ «лицо ...может быть освобождено от уголовной ответственности...» следует изложить более конкретно: «лицо ...освобождается от уголовной ответственности». А в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ слова «вправе прекратить» необходимо заменить на «прекращают» («Суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора прекращают ...»).

Посредством внесения соответствующих дополнений в УПК РФ следовало бы определить процессуальный порядок примирения и заглаживания причиненного вреда потерпевшему (по Д.А. Шестакову – «восстановление положения потерпевшего»),² что и явилось бы ориентиром, указывающим на достижение основополагающей цели уголовного наказания – восстановление социальной справедливости.

Следует согласиться с теми из авторов, которые считают, что осуждение к лишению свободы, тем более на длительные сроки, должно быть последним средством решения проблемы,³ применяемым в исключительных случаях. Только таким образом можно добиться снижения численности тюремного населения и сокращения лиц, нуждающихся после отбытия наказания в социальной адаптации.

Следует коренным образом пересмотреть цели и задачи уголовного законодательства России. В науке выдвинуты соответствующие идеи. Наиболее перспективной представляется доктрина смены парадигмы целей (функций) уголовной ответственности, разработанная в невско-волжской криминологической школе Д.А. Шестаковым.

По мнению этого учёного, уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть присущи следующие функции: а) удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (функция защиты человека); б) реституция (восстановление положения потерпевшего); г) ресоциализация виновного. Законодательное закрепление подобных функций могло бы соответствую-

² Шестаков, Д.А. Преступность среди социальных подсистем // Преступность среди социальных подсистем / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. С. 13; Преступность и правосознание в свете российской критической криминологии // Региональные особенности состояния правопорядка, уровня правосознания и защищенности населения. Волгоград: Московский институт потребительской кооперации. Волгоградский филиал. Юридический факультет, 2003. С. 27; Семейные суды – перспектива правосудия в отношении несовершеннолетних // Предупреждение преступности. Казахстанская криминологическая ассоциация. Юридический журнал. № 1. 2004. С. 28; Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 268.

³ См.: Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 13.

щим образом направить дальнейшее развитие уголовного права в целом.⁴

Доктрина нашла своих приверженцев. Она нашла отражение в ряде последующих работ других исследователей.⁵ Приверженцем доктрины, с известными оговорками, о которых речь идёт ниже, является и автор настоящей статьи.⁶ Полагаем, что, взяв за основу основные положения доктрины Д.А. Шестакова, целесообразно придать ей новое звучание, в том числе применительно к решению проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Представляется, что наиболее оптимальным будет нижеследующее её решение.

1. Необходимо подвергнуть модернизации именно цели уголовного наказания, а не функции уголовной ответственности, как предлагает профессор Д. А. Шестаков.

2. Не следует, на наш взгляд, отказываться от закреплённых в Уголовном кодексе целей уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Нужно добавить к имеющимся целям новые цели, незначительно изменив содержание тех, которые выдвигает Д. А. Шестаков. Полагаем, что цели наказания, должны быть следующими: а) восстановление социальной справедливости; б) восстановление положения потерпевшего (реституция); в) исправление осуждённого; г) предупреждение преступлений путём удержания лица, совершившего преступление, от совершения новых преступлений (функция защиты человека); д) социальная адаптация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

⁴ См., напр.: *Шестаков. Д.А.* Преступность среди социальных подсистем // Преступность среди социальных подсистем / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. С. 13; Преступность и правосознание в свете российской критической криминологии // Региональные особенности состояния правопорядка, уровня правосознания и защищенности населения. Волгоград: Московский институт потребительской кооперации. Волгоградский филиал. Юридический факультет, 2003. С. 27; Семейные суды – перспектива правосудия в отношении несовершеннолетних // Предупреждение преступности. Казахстанская криминологическая ассоциация. – Юридический журнал. 2004. № 1. С. 28; Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 268; и др.

⁵ См., напр.: *Нуркаева Т.Н.* Личные (гражданские права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (вопрос теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 10-11; и др.

⁶ Выражаю сожаление по поводу того, что при использовании доктрины Д. А. Шестакова о смене целей наказания в автореферате моей диссертации в силу технических причин не было сделано надлежащей ссылки. См.: *Денисов С. В.* Социальная адаптация лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы (уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 11. Справедливости ради, отмечу, что я – не единственный, кто изложил эту доктрину как бы от первого лица. – См.: *Силкин В.П.* Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2004. С. 20. **Приношу подлинному автору доктрины свои извинения.** – С.Д.

3. Упомянутая нами цель «социальной адаптации» рассчитана, главным образом, на лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы. Эта категория бывших осуждённых нуждается не в ресоциализации, как полагают некоторые авторы (в ней могут нуждаться только десоциализированные), а именно в социальной адаптации.

Полагаем, что предложенное решение будет более продуктивным, нежели идея о полном отказе от существующих в УК целей в пользу предлагаемых.

К сказанному выше следует добавить, что в настоящее время сложилась ситуация, когда, с одной стороны, увеличивается количество лиц, освобождаемых из мест лишения свободы и нуждающихся в социальной помощи, а с другой – отсутствуют правовые основы оказания такой помощи, в решении вопросов их социальной адаптации. Назрела необходимость во включении в предмет уголовно-исполнительного законодательства отношений в сфере социальной помощи освобождённым, а также отношений государства и освобожденного лица после завершения исполнения наказания. Для этого необходимо иначе изложить ныне существующие в УИК РФ отсылочные нормы, определяющие трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами.

Необходимо принять Федеральный закон «Об основах социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», который позволит разрешить проблемы создания и функционирования служб, осуществляющих социально-адаптационную деятельность. На сегодняшний день есть положительный опыт в решении вопросов социальной адаптации лиц, отбывших наказание. В Республике Башкортостан после принятия закона «О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобождённых из учреждений, исполняющих уголовные наказания» количество лиц, не получивших помощи в трудовом и бытовом устройстве, сократилось с 31% до 6%. Полагаем, что в настоящее время российское общество и морально и материально «созрело» к тому, чтобы окончательно отказаться от тяжелого тюремного наследия времён строительства социализма. В условиях технического прогресса и устоявшихся рыночных отношений необходимость во внеэкономическом принуждении осуждённых лиц отпала. Государственная политика, в том числе и уголовная политика, должна быть ориентирована на максимально бережное отношение к человеку, даже если этот человек – осуждённый к лишению свободы. А это весьма непросто в условиях, когда перед уголовным наказанием ставятся изначально недостижимые цели. Успешное решение вопроса социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы (особенно, приговорённых к длительным срокам), возможно только путём совершенствования самого института уголовного наказания, признающего в преступлении социальный конфликт, и минимизации государственного вмешательства в этот конфликт.

Исследуя проблему снижения тюремного населения в России и, соответ-

ственно, лиц, нуждающихся в социальной адаптации, С. У. Дикаев отмечает, что существует некая взаимообусловленность и взаимодействие двух сложившихся в обществе систем – системы «правоохранение» и системы «преступность». Эти системы находятся в постоянном противостоянии, обе они, как полагает С. Д. Дикаев, будут существовать всегда, дополняя друг друга. Правоохранительная система сама не позволит полностью уничтожить систему «преступность», ибо существование первой напрямую зависит от существования второй. Правоохранительная система всегда найдет аргументы для обоснования необходимости своего существования в государстве, для чего будет намеренно создавать условия для продолжения существования системы «преступность». Из этого учёный делает вывод о том, что правоохранительная система никогда сама не изменит стиль и методы своей деятельности. Даже если она и претерпит некоторые изменения под воздействием внешних сил (принятие политических решений), то через некоторое время она восстановит свои позиции. Причиной тому являются непознаваемые и незаметные внутрисистемные процессы, обеспечивающие системе самовывживание.⁷

Свои предположения С. У. Дикаев строит на данных статистики численности «тюремного» населения в России, её колебаний в зависимости от изменений законодательства и численности сотрудников правоохранительных органов, что заставляет задуматься над этой проблемой. Хотя приведённые выше суждения и не лишены логики, но они вызывают ряд вопросов, в частности: «Как правоохранительная система будет намеренно создавать условия для продолжения существования системы «преступность»?»; «Можно ли, вообще, говорить о том, что такая система является правоохранительной?», и т.п.

Но беспорно лишь то, что для снижения численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, наряду с изменениями в законодательстве следовало бы принять ещё ряд организационных решений. В частности, следовало сократить количество учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, разработать механизмы более гибкого применения лишения свободы.⁸ При этом и деятельность персонала должна носить выраженный характер позитивного участия в судьбе осуждённого, что потребует пересмотра некоторых положений УИК РФ. Думается, что степень и качество зависимости осуждённого от администрации должны измениться в сторону большего взаимопонимания и конструктивного сотрудничества. Такой вариант применения лишения свободы может послужить и основой новой системы постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях.

⁷ См.: *Дикаев С. У.* Кризис лишения свободы в контексте проблемы социальной адаптации лиц, отбывших и отбывающих наказание в виде лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С. 34.

⁸ См.: *Овчаренко А. В.* Российское пенитенциарное законодательство и некоторые суждения о дальнейшем формировании уголовной и уголовно-исполнительной политики // Сборник научных трудов юридического факультета. Выпуск 4. Ставрополь: СевКавГТУ, 2004. С. 271.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Б. Б. Тангиев *

К ВОПРОСУ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КРИМИНОЛОГОВ И ДИПЛОМИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

На фоне продолжающегося осложнения социально-экономических условий проживания проблема экологического неблагополучия России приобрела особую остроту и представляет реальную угрозу биологическим основам здоровья и жизнедеятельности населения.

По экологическим причинам в стране ежегодно гибнет несколько сотен тысяч человек и ухудшается здоровье многих миллионов. 15 % территории фактически представляют собой зоны экологического бедствия. 85 % населения дышат воздухом, загрязненным значительно выше предельно допустимых концентраций. Почти каждый второй житель России использует для питья воду, несоответствующую санитарно-гигиеническим требованиям.

Медико-биологическими исследованиями установлено, что свыше 80 % злокачественных опухолей возникает под действием факторов внешней среды.

Порядка 90-95 % заболеваний органов дыхания и 30-40 % заболеваний общего характера связано с низким качеством окружающей природной среды.

В России каждый 10-й ребенок рождается с врожденными аномалиями, средняя продолжительность жизни мужчин снизилась до 59 лет (если говорить о средней составляющей, то по оценкам наших исследований она сегодня достигает 45 лет). Отмеченные изменения на генетическом уровне можно рассматривать как первые симптомы вырождения нации. Проблема обострилась настолько, что в числе первоочередных необходимо решать задачу обеспечения экологической безопасности страны как приоритетную составляющую национальной безопасности.

Огромен и практически неисчислим материальный ущерб и вред от отступлений и нарушений законодательства в сфере окружающей среды. В целом масштабы стоимостной оценки вреда от экологических правонарушений соизмеримы с годовыми доходами, поступающими в бюджет страны. В частности, по данным Межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета безопасности РФ, последствия ежегодного загрязнения земель

* **Бахаудин Батырович Тангиев** – кандидат юридических наук, кандидат технических наук, заместитель декана юридического факультета СПГУВК (Санкт-Петербург, Россия).

© Б.Б. Тангиев, 2009.

ных и водных ресурсов разливами только нефти экспертно оцениваются в несколько миллиардов долларов. Таких же размеров достигает стоимость незаконно изымаемых и нелегально вывозимых в другие страны биологических ресурсов шельфа и экономической зоны.

Все это дает основание говорить об особой, приоритетной значимости экологических проблем в жизни российского общества и государства.

К одному из важнейших условий решения этих проблем относится дальнейшее укрепление законности с четко отлаженными механизмами правоприменительной практики.

В настоящее время правовая база природопользования и охраны окружающей природной среды, непрерывно обновляясь, представляет собой довольно сложную систему федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, подзаконных нормативных актов межведомственного характера, а также ведомственных нормативных документов.

Негативное влияние, способствующее росту экологических правонарушений, оказывает и стереотип мышления аппаратных работников (чиновников), которые даже при наличии в законе норм прямого действия, стараются руководствоваться указаниями вышестоящих инстанций или разрабатываемыми ими ведомственными инструкциями (директивами, положениями), подчас входящими в противоречие с конституционными и федеральными законами.

Экологические правонарушения по массовости и опасным последствиям достигли таких масштабов, что угрожают национальной безопасности. Это связано, в первую очередь, с несовершенством природоохранного законодательства, недооценкой особой общественной опасности экологических правонарушений, высокой латентностью экологических преступлений, а также неадекватным реагированием органов государственной власти, природоохранных и правоохранных органов на ухудшение обстановки в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Наблюдается тенденция к увеличению принятия незаконных подзаконных актов. Органами прокуратуры их было выявлено в 1991 г. – 690, в 1992 г. – 1915, в 1993 г. – 1376, в 1994 г. – 2112, в 1995 г. – 2234, в 1996 г. – 2122. К настоящему времени этот показатель только возрастает в геометрической прогрессии.

Такое положение с изданием подзаконных документов складывается не только из-за правового нигилизма, который в значительной степени отмечается во всех слоях общества и в различных звеньях властных структур и органов управления. К основным причинам следует отнести и отсутствие четкого разграничения компетенции федеральных органов государственной власти и субъектов Российской Федерации по вопросам собственности на природные ресурсы, что создает предпосылки для конфликтных ситуаций и принятию в субъектах Федерации законов и подзаконных актов, противоречащих нормам Конституции РФ по вопросам природопользования и охраны окружающей среды.

В последнее время наблюдается процесс, когда при нарастании сложности и масштабов экологических проблем государственное управление на федеральном уровне в этой области постоянно и целенаправленно ослабляется или практически саботируется.

Слабым звеном существующей правовой системы является отсутствие действующего механизма реализации норм экологического законодательства, что затрудняет взаимоотношения государственных органов управления и власти с хозяйственными субъектами в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. За последние годы заметно снизился мониторинг и надзор за выполнением природоохранительного законодательства. Это связано, главным образом, с тем, что специально уполномоченные органы по контролю в области охраны окружающей среды все больше превращаются в информационно-консультативные службы при органах исполнительной власти, нередко сами покрывают экологических правонарушителей, а также принимают собственные незаконные решения. Такие факты находят отражение в многочисленных документах прокурорского реагирования. В настоящее время только органы прокуратуры и, в первую очередь, специализированные природоохранные прокуратуры оказались способными эффективно решать задачи по защите законных прав населения и каждого гражданина России на нормальные экологические условия проживания и рациональное использование природного потенциала страны. В этой связи важно предпринять дополнительные меры по повышению роли прокурорского надзора в сфере обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды.

К числу приоритетных направлений работы по укреплению законности в сфере экологии следует отнести:

1. Приоритетность правовых механизмов управления экологической безопасностью как основной составляющей национальной безопасности России.

2. Совершенствование судебно-следственной практики во всей правоохранительной деятельности, реально обеспечивающей права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение в полном объеме ущерба причиненного его здоровью или имуществу в результате экологического правонарушения (в соответствии со ст. 42 Конституции РФ).

3. Разработку законодательного блока (на уровне конституционного закона) позволяющего обеспечить ответственность прежде всего государства перед своими гражданами за сохранения природы и окружающей среды, за бережное отношение к природным богатствам (в соответствии со ст. 58 Конституции РФ). Что будет обуславливать реализацию прав граждан на благоприятную окружающую среду и на возмещение экологического вреда в полном объеме.

4. Устранение недостатков юридической техники, создающих трудности адекватного применения на практике всего комплекса 17 составов преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» и составов, охватываемых Кодексом РФ об административных правонарушениях, в основном гл. 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования».

5. Законодательное закрепление обязательного участия в нормотворческом процессе при проведении предварительных криминологических (экологокриминологических) экспертиз законопроектов ведущими учеными криминологами, научными коллективами и практическими работниками.

6. Создание всех необходимых условий, доступа к требуемой информации и возможности апробации достигнутых результатов для ученых, ведущих исследования объективных оснований криминализации тех или иных деяний в области противодействия экологической преступности.

7. Скорейшее устранение недостатков и пробелов при осуществлении системного реформирования уголовного и административного законодательства, в первую очередь в области обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды.

8. Стимулирование научно-изыскательской деятельности по поиску приемлемой концепции, позволяющей устранить существующие противоречия между гражданско-правовой и эколого-правовой доктриной, между нормативно-правовым регулированием и правоприменительной практикой.

9. Выработку комплексных методологических основ и концептуальных подходов по выявлению и закреплению доказательственной базы, вычленению, систематизации и оценки ущерба окружающей среде и возмещению экологического вреда. Установлению точных параметров экологического вреда и причинно-следственной связи, а также всех детерминирующих признаков.

10. Систематизацию имплементации международно-правовых норм с учетом правовых традиций и особенностей юридической техники выработанной отечественной наукой.

11. Популяризацией и доступностью передового опыта зарубежных стран в области экологического права, экокриминологии и правоохранительной практики.

12. Эколого-правовое, научно-методическое обеспечение образовательного процесса во всех учебных заведениях с целью выработки духовно-нравственных критериев и принципов, позволяющих обеспечить защиту и охрану окружающей среды.

13. Экологизацию гражданского общества и экологичность законотворческого процесса.

14. Построение эколого-правового демократического государства, где безусловными конституционными приоритетами должны стать экологическая безопасность и охрана окружающей среды.

15. Целенаправленную работу по созданию Экологического кодекса Российской Федерации.

16. Проработку вопроса о целесообразности создания природоохранной полиции вместо госохотинспекции, рыбинспекции и дальнейшего развития сети природоохранных прокуратур.

17. Разработку проекта о создании Федеральной службы по экологической безопасности и противодействию экологической преступности.

18. Проведение согласованных мероприятий правоохранительных органов Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств по усилению борьбы с экологическими преступлениями и их предупреждению.

Здесь перечислены всего лишь некоторые, но основные, по мнению автора приоритетные направления в обеспечении экологической безопасности и охране окружающей среды. В ближайшее время предстоит также кропотливая законотворческая деятельность, так как до сих пор не приняты необходимые федеральные законы: «Об экологической информации», «Об охране растительного мира», «Об опасных химических (бактериологических) веществах и их компонентах», «Об охоте», «Об охране водных биоресурсов», «О криминологической (экокриминологической) экспертизе», «О безопасности потребительских товаров и услуг» и др.

Также, с одной стороны, отрадно, что законодатель в ст. 57 ФЗ «Об охране окружающей среды» определяет порядок установления Зон экологического бедствия и Зон чрезвычайных ситуаций, но с другой стороны понятно, что одной статьи явно не достаточно, а принятие специального федерального закона «О Зонах экологического бедствия», проект которого был разработан более 10 лет назад, но находится до сих пор под «сукном» в кабинетах законодательной власти, отложено до неопределённого времени.

Необходимые уже сегодня проекты многих законов находятся в таком же состоянии, натываясь на различные барьеры и серьезное сопротивление со стороны отдельных руководителей субъектов Федерации, тут же ряд законодателей в планы лоббирования которых данные Законы не вписываются.

Сегодня необходимо готовить эрудированных, высококвалифицированных специалистов-правоведов, которые должны знать, с какими трудностями им придется сталкиваться на практике, и многие из них рано или поздно, в той или иной степени будут участвовать или хотя бы соприкасаться с законотворческим процессом. Автор придерживается постулата: насколько высшая школа подготовит будущих юристов, на столько общество будет пожинать эти плоды, которые и будут выражаться в плохих или хороших законах и экологизированных механизмах их воплощения.

Не следует так же забывать, что правовые аспекты системы отношений федеральных органов управления и власти с субъектами Российской Федерации по вопросам охраны окружающей среды и рационального использова-

ния природных ресурсов относятся к числу ключевых положений действующего законодательства.

Следует также обратить внимание, что при укреплении экологического правопорядка не в полной мере используются различные рычаги и инструменты таких современных институтов, как: экологическое страхование; экологический аудит; экологическая сертификация; экологическое лицензирование и т.п. Система высшей школы в недостаточной степени нацелена на подготовку специалистов по этим направлениям. В большинстве вузов страны отсутствуют профильные факультеты или выпускающие кафедры по подготовке высококвалифицированных специалистов, обученных проводить эколого– криминологическую экспертизу, комплексную эколого-правовую экспертизу.

На правоприменительной практике сказывается нехватка, а порой и вовсе отсутствие юристов-экологов, криминалистов в сфере окружающей среды. Практически не представлены криминологи по экологической преступности. Не ведется целенаправленная подготовка (и курсы повышения квалификации) сотрудников экологической милиции (полиции), следователей и дознавателей по экологическим правонарушениям и преступлениям, отсутствует институт экологических судов и судей.

Этот пробел и надлежит устранить в ближайшее время, а будущим юристам не упустить свой шанс и определиться в выборе своей специализации, так как нет более благородной и возвышенной цели, чем служение своему Отечеству, сохранению генофонда нации, благоприятной окружающей среды для настоящих и будущих поколений.

Н.П. Мелешко*

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В настоящее время после Послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, в котором была определена главная тема деятельности Государства и Общества – «сбережение нации»,¹ особое значение приобретают проблемы развития семьи, защиты детей, их здоровья и благо-

* **Николай Петрович Мелешко** – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Института управления, бизнеса и права г. Ростов-на-Дону (Россия, Ростов-на-Дону).

© Н.П. Мелешко, 2009.

¹ *Федоров В.В.* Философские и социальные аспекты противодействия насилию и агрессии // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия). Под ред. проф. И.А. Долговой. Российская криминологическая ассоциация. М., 2004. С. 37-40.

получия. Не последняя роль в этом принадлежит уголовно-правовой системе в борьбе с домашним насилием.

Философией насилия рассматривается как духовное и физическое действие в концепции смысла жизни. Насилие определяется как духовно-физическое принуждение, подчинение личности целям и задачам другой личности. Ненасилие – это убеждение личности в необходимости принятия идей, целей других личностей. Возникают понятия прагматизма как использование любых средств для достижения целей и понятие крайнего прагматизма как духовной основы насилия. На протяжении всего эволюционного существования человека (более 50 тысяч лет) насилие было необходимостью и смыслом его существования. Насилие было заложено в биологии человека.²

С правовых позиций насилие нами рассматривается как криминальное, уголовно– и административно-наказуемое, предусмотренное УК и КоАП Российской Федерации, и оцениваемое как аморальное. Насилие общественно опасно не только причинением непосредственного вреда физическому или психическому здоровью человека, но и способностью изменять его поведение побуждать к поступкам, противоречащим личным убеждениям и установкам.³ Под последним (побуждать к поступкам, противоречащим личным убеждениям и установкам), на наш взгляд, следует понимать и покушение на духовное здоровье (состояние) человека.

Отмечается необходимость строгого разграничения насилия как самоцели и насилия – средства, или «инструментального насилия». Насилие все в большей мере носит инструментальный характер. Профессор А.И. Долгова таких преступлений вычислила от 30 до 33,5 % в общей массе и пришла к выводу, что насилие все чаще выступает в качестве органической части сложной системно организованной преступной деятельности.⁴ В статистической же отчетности насильственный мотив вообще не выделяется.

Нам представляется, что насилие является признаком не какой-то категории преступлений, а основным признаком, сутью вообще преступного деяния: это – противоправные (запрещенные законом) деяния (действие или бездействие), сопряженные с физическим (применение силы) или психическим (обман) насилием, или угрозой их применения. Других видов преступных деяний просто нет в природе человеческих социальных отношений. Нами предлагается определить «преступление» как преступное деяние, за которое закон предусматривает определенное наказание, например, в виде изоляции от общества сроком на 1 год и более. До 1 года – проступок, не связанное с лишением свободы нарушение.

² Долгова А.И. Криминальное насилие как криминологическая и правовая проблема // Там же. С. 4.

³ Российская газета. 2006. 11 мая. С. 2.

⁴ Там же. С. 14.

С социальных и онтических позиций насилие и агрессивность – это естественное природное свойство человека, унаследованное им от животного мира. Общее понятие «насилие» можно разделить на: позитивное, приносящее пользу обществу (прогрессивное), и негативное, приносящее вред обществу, направленное на себя и на других людей; на законное, предусмотренное нормой права, и противозаконное, запрещенное административным и уголовным законами под страхом наказания – насилие со стороны общества и государства.⁵

Насилие в семье – глобальная проблема. Насилие в отношении женщин и детей в домашних условиях – серьезное нарушение прав человека, серьезное преступление против личности. Корни насилия кроются в социальной структуре и в комплексе ценностей, традиций, обычаев, привычек и взглядов, которые относятся к неравенству мужчин и женщин, закрепляемому структурами власти, традициями, сложившимися в обществе. Воспитание детей с применением физической силы разрешается и даже фактически поощряется во многих правовых системах. В недалеком прошлом проблему насилия в семье считали частной жизнью, семейным делом, а возникающие проблемы решали в рамках семейного права.

Центром по социальному развитию и гуманитарным вопросам ООН совместно с Европейским институтом по предупреждению преступности и борьбе с ней (ХЕЮНИ) подготовлено Руководство по борьбе с насилием в семье, которое опубликовано на русском языке.⁶

Международное сообщество приняло ряд законов, направленных на обеспечение прав женщин и детей. Это, прежде всего Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., и протоколы к ней от 25 мая 2000 г., Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов от 14 декабря 1974 г. и др.⁷

В Российской Федерации приняты законы о защите интересов несовершеннолетних и семьи: «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г., в которых содержится определение: «Дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, это жертвы насилия, отбывающие наказание, находящиеся в специальных учебно-воспитательных учреждениях, проживающие в малоимущих семьях и др.»; «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. Однако эффективность действия этих законов явно недоста-

⁵ Шляпникова О.В. Категория насилия как объект криминологического исследования // там же. С. 24-25

⁶ Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. ООН. Нью-Йорк, 1998, 110 с.

⁷ Права ребенка. Междисциплинарный научно-практический журнал. 2003. № 2. 47 с.

точно, о чем свидетельствуют статистические данные о совершении преступлений женщинами и детьми, а также в отношении этих лиц.

Согласно переписи населения 2002 г. население России составило 145181,9 тыс. человек, из которых 53,1% женщин и 46,9 % мужчин. В том числе: 24,4 % несовершеннолетних, 20,8% лиц пенсионного возраста – это те социальные группы, которые прежде всего нуждаются в повышенной защите государства от произвола, насилия и социальной несправедливости.⁸

В России ежегодно регистрируется около 2,5 млн. безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, которые живут за счет попрошайничества, краж, проституции. Свыше 1 млн. несовершеннолетних ежегодно доставляется в органы МВД за различные правонарушения, более 100 тыс. осуждается за различные преступные деяния. В местах лишения свободы содержится около 20 тысяч несовершеннолетних.

В.В. Устинов, как генеральный прокурор РФ, в докладе Президенту России и Федеральному Собранию отмечал, что все большее распространение получают факты жестокого обращения с детьми, их экономическая и сексуальная эксплуатация, случаи торговли несовершеннолетними. Зарегистрировано 190 фактов продажи родителями малолетних дочерей мужчинам для совершения действий сексуального характера.⁹

В статье журналиста Н. Рузановой «Антошка мечтал о жареной картошке и, не дождавшись её, умер от голода»¹⁰ сообщается, что осуждены к 14 годам лишения свободы муж и жена Барановы из деревни Чупино Новосибирской области за то, что сознательно морили голодом 5-летнего сына Антона, а чтобы он не нашел себе еду, держали на привязи. Сообщается, что это не единственный случай в Новосибирской области, когда ребенок умирает от истощения: в Купинском районе 5-месячная девочка скончалась от голода в результате того, что мать не кормила её. Эта женщина осуждена по ст. 156 УК РФ – «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних». (Не понятно, причем здесь воспитание, если было совершено убийство голодом?)

В Новосибирске обсуждают идею создать первый в России памятник детям – жертвам собственных родителей! Где ответственность властей и общест-венности за то, что такие факты вообще могли случиться? Или будем считать, что таков менталитет нашего общества в глубинных регионах страны?

Здесь же помещен материал журналиста Т. Ефременко о работе детского реабилитационного центра «Квартал» о детях – алкоголиках и наркоманах: в России 30 из каждых 100 тысяч подростков – хронические алкоголики, 828 – злоупотребляют спиртным. Среди дурмящих веществ у детей на первом месте пиво, на втором – клей, далее: кокаин, марихуана, ЛСД, «винт», героин.

⁸ Российская газета. 2003. 25 апреля. С.7; 8 мая. С.10; 4 ноября. С. 13.

⁹ Российская газета. 2002. 30 апреля. С. 4.

¹⁰ Российская газета. 2004. № 184 С. 28

За последние 10 лет детей-наркоманов в России стало в 14,8 раза больше: 123 человека на 100 тысяч подростков в 2000 году и 100 – в 2003 году. Это официальная статистика, реальные цифры как минимум в 10 раз больше. В реабилитационном «Квартале» одновременно может лечиться не более 20 детей. Сколько же таких центров необходимо России?

Алкоголизм и наркомания детей – это порождение семьи и должны быть отнесены к разряду домашнего насилия, так как родители относятся к этому явлению или безразлично, или провокационно-подстрекательски.

14-16 октября 2003 года в Москве в ГЦКЗ «Россия» по инициативе общественных организаций состоялся Первый Международный форум «Дети в чрезвычайных ситуациях», в котором участвовали представители свыше 30 стран и который выработал рекомендации всем ветвям и уровням государственной власти по защите детей, попавших в трудную жизненную ситуацию.¹¹

Криминологическими факторами, способствующими развитию столь неблагоприятного морального состояния в обществе, мы считаем: 1) развал семьи – около 500 тыс. детей ежегодно остаются в неполных семьях из-за развода, около 300 тыс. детей рождается одинокими матерями; 2) около 2,5 % детей рождается с различными психическими отклонениями, 25-30 % населения детских воспитательных колоний – с психическими отклонениями. Научкой установлено, что мотивация поведения индивидуума примерно на 80 % определяется его генотипом и на 20% – фенотипом; 3) домашнее насилие в семье: большинство бродяжек заявляют, что бежали из дому из-за побоев и пьянства родителей, попрошайки утверждают, что занимаются этим ремеслом по принуждению родителей; 4) неспособность милицейской и судебной систем противостоять насилию в семье: по ст. 150 УК РФ привлекается к ответственности около 600 человек, по ст. 151 УК РФ – около 200 человек, по ст. 156 УК РФ – около 1000 человек ежегодно.¹² В XXI веке статистические показатели практически не изменились: по ст. 150 УК привлечено к ответственности в 2001 году – 485 чел., 2002 году – 320 чел., в 2003 году – 346 чел; в 2004 году – 398 чел; в 2005 году – 444 чел., 2006-4289; 2007– 4412чел.; по ст. 151 УК, соответственно – 173, 180, 174, 164, 190, 367, 382; по ст. 156 УК соответственно – 2109, 2080, 2564, 2715, 3581, 5881, 5546¹³; 5) подобная «активность» государства объясняется еще и несовершенством нашего уголовного законодательства.

¹¹ Материалы форума до настоящего времени не опубликованы

¹² Все статистические данные взяты из работы: Мелешко Н.П. Проблемы развития ювенальной юстиции в Российской Федерации. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2000. С. 12, 14, 18-20.

¹³ Преступность в России начала 21 века и реагирование на нее. Российская криминологическая ассоциация. М., 2004. С. 124.; Тенденции преступности, её организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. М., Российская криминологическая ассоциация, 2006.

Российское уголовное законодательство не знает такого понятия, как «домашнее насилие». Только в УК РФ 1996 года была введена статья 156 – «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Ранее за плохую заботу и жестокое обращение с детьми мамы-папки несли только гражданскую ответственность – лишение родительских прав. Теперь возникла угроза лишения свободы на срок до 2-х лет.

Российские уголовно-правовая и криминологическая науки в общей массе преступности выделяют бытовую преступность, ее изучают как самостоятельное направление криминологического исследования.¹⁴

Под бытовыми преступлениями понимается разновидность насильственных преступлений на почве бытовых конфликтов против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, чести и достоинства личности, совершаемые, как правило, в физическом пространстве сферы быта, то есть на непроизводственной территории в нерабочее время индивидов, при наличии родственных, свойственных, соседских и т.п. бытовых связей между преступником и потерпевшим и опирающиеся на мотивацию, характерную для бытовых отношений.¹⁵

Профессор Д.А. Шестаков выделил семейную криминологию как отрасль криминологического знания и учебную дисциплину. Нами разработан Учебно-методический комплекс по указанной дисциплине.¹⁶

Ряд авторов посвятили свои исследования проблемам борьбы с насилием в семье. Имеются и работы, посвященные проблемам борьбы с жестоким обращением с детьми в семье.¹⁷ В сентябре 2004 г. в РЮИ МВД г. Ростова-на-

¹⁴ Романов Г.А. О борьбе с бытовой преступностью // Правоведение. 1973. № 4. С. 56; Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 440; Шестаков Д.А. Семейная криминология: Кримиофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003. С. 14 и др.; Старков О.В. Бытовые и насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказания): Монография. Рязань, 1992. С. 26 и др.; Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики: Учеб. пособие М., 1993. С. 56; Корецкий Д.А., Мясникова К.А. Бытовые преступления: прошлое и настоящие: Монография. Ростов-на-Дону: Изд. «Омега-Принт». 2004. 316 с. и др.

¹⁵ Мясникова К.А. Криминологическая характеристика современной бытовой преступности и меры ее предупреждения. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД. 2004. С. 7.

¹⁶ Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. док. юрид. наук, профессора Д.А. Шестакова. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2003. С. 28-68.; Шестаков Д.А. Семейная криминология: Кримиофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003.; Мелешко Н.П., Фатеев А.И. Учебно-методический комплекс по спецкурсу «Семейная криминология». Ростов-на-Дону: Институт управления, бизнеса и права 2002. 25 с.

¹⁷ Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Правоведение. 1998. № 4. С. 164-167; Харламов В.С. Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям участковыми уполномоченными милиции (на материалах Санкт-Петербурга). Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2002; и др.

Дону защищена диссертация на тему «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», которая была посвящена в основном проблемам жестокого обращения, то есть домашнего насилия над детьми, как способу их воспитания.¹⁸

Что же такое «домашнее насилие»? Это явление (отягощенное современными экономическими и общественными переменами, убыстряющимся темпом жизни, новыми стрессами) случается во всех социальных группах независимо от уровня образования и доходов. Жертвы домашнего насилия: женщины, дети и, конечно, общество. Лица, допускающие акты домашнего насилия, стремятся к осуществлению контроля над другими людьми, часто очень ревнивы, относятся к своему партнеру, детям, членам семьи как к своей собственности. Главная цель домашнего насилия – достижение власти и контроля в семье: эмоциональное насилие, экономическое насилие, сексуальное насилие, манипулирование детьми, угрозы, использование мужских привилегий, запугивание, изоляция. Насилие – это не отношение любви и секса, а вопрос власти и контроля (лингвистический сексизм, сексуальное, психологическое, вербальное, физическое, экономическое насилие, использование детей против матерей, ограничение свободы поведения, преследование и др.).

Следует признать, что насилие в семье является серьезным преступлением против личности и общества, которое неизвинимо и не терпимо. Рекомендации ООН (Модельное законодательство о насилии в семье) к домашнему насилию относят все насильственные действия физического, психологического и сексуального характера в отношении женщин и других лиц, совершенные на основании полового признака лицом или лицами, которые связаны с ними семейными и близкими отношениями. При этом, как правило, происходит быстрая эскалация от словесных оскорблений и угроз до тяжелых физических побоев, похищения, угрозы увечьями, запугивание, принуждение, насильственное или иное незаконное вторжение в жилище, поджог, уничтожение собственности, сексуальное насилие, изнасилование в браке, насилие, связанное с приданным или выкупом невесты, увечье гениталий, насилие, связанное с эксплуатацией через проституцию, насилие в отношении домашних работников, попытки совершить такие акты.¹⁹

Характерно отношение к домашнему и любому другому насилию по отношению к детям в Израиле. Здесь физические наказания исключаются напроць. Любое физическое наказание унижает человека, а ребенка особенно. Угроза насилия считается психологическим насилием и расценивается как преступление. «Воспитательные табу» выражаются не хитрой пословицей:

¹⁸ *Верет Е.Б.* Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Автореф. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД. 2004. 26 с.

¹⁹ Опыт США в решении и предотвращении домашнего насилия. Международные стандарты. Новочеркасск: Региональное общественно-политическое женское учреждение «Вера, Надежда, Любовь», 2001. С. 10.

«Дал по попе – садись в тюрьму». Есть примеры, когда матерям приходилось сесть за решетку после того, как они поучили своих детей ремнем. За издевательство родителей лишают родительских прав, а ребенка усыновляют в другой семье. При этом обратной дороги нет: существует тайна усыновления.

Гарантируют соблюдение отмененных правил Всеизраильский центр информации и поддержки детей, страдающих от произвола родителей, а также служба социальной опеки, отделения которой работают круглосуточно, а также полиция и суд.

Оберегая детей от даже микроскопического насилия, общество оберегает себя, так как дети сразу же после школы идут в армию, и вирус насилия не должен проникать в их души.²⁰

Э. Эриксон сформулировал учение о стадиях развития Человека, описывая вторую стадию – развитие способности ребенка, то есть «самостоятельности» (второй-третий год жизни) отмечал, что брань и наказания за самостоятельные поступки приводят к развитию таких качеств, как неустойчивость, чувство обиды и т.д.²¹

Проблемы борьбы с домашним (семейным) насилием в Ростовской области постоянно находятся в центре внимания научной общественности, правоохранительных структур и органов исполнительной власти, которые берут на себя миссию формирования общественного мнения, организации общественно-научных формирований по организации противодействия домашнему насилию. Так, были организованы конференции и «круглые столы» под названием «Домашнему насилию НЕТ места на земле», а также круглые столы на тему «Гендерное равновесие и гендерный баланс – основа преодоления насилия в семье» – Ведущая В.А. Рамих, доктор философских наук, профессор культурологии, зам. декана гуманитарного факультета Донского государственного технического университета; «Домашнее насилие, причины и условия, оказывающие влияние на эффективность работы милиции. Сотрудничество органов внутренних дел со структурами, осуществляющими программы помощи потерпевшим» ведущая С.А. Торнушенко; «Пути решения проблемы на государственном уровне» ведущая Т.Е. Марченко; «Пути решения проблемы домашнего насилия в обществе. Ресурсы государства. Технологии диалога» ведущая Е.А. Варданян.

В Новочеркасске создано региональное общественно-политическое учреждение «Вера, Надежда, Любовь», которым проведен ряд межрегиональных с участием представителей регионов Северного Кавказа и Центральной России конференций «Домашнему насилию НЕТ места на земле» с публикацией материалов в сборниках конференций.

²⁰ Гельман З. Мальчики не для битья! Схватил парня за ухо – сядешь в тюрьму. // Российская газета. 2004. № 139. С. 6.

²¹ Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 1996. С. 62.

Полагаем необходимым дать анализ выступлений участников конференции, проходившей 2-3 июня 2001 г. в г. Новочеркасске Ростовской области по инициативе Регионального общественно-политического женского учреждения «Вера, Надежда, Любовь» и Комиссии по правам человека при главе администрации (губернаторе Ростовской области) на тему «Домашнему насилию нет места на земле»,²² так как все прозвучавшие выступления раскрывают состояние и сущность домашнего насилия в России.

Представитель Новгородской области, уполномоченный по правам ребенка Н.А. Лисицина, анализируя статистические данные о бедности, доходах – пособиях, состоянии безнадзорности и беспризорности детей, отметила, что 80% всех зарегистрированных преступлений в регионе совершаются дома, в непроизводственной сфере, и пришла к выводу, что российское государство и общество не способны сегодня защитить своих детей. Для исправления этого положения ей предлагается: формирование в обществе зрелых социальных норм, неписанных законов, которые принимаются и исполняются населением; законы страны должны восприниматься народом и властью, а не нарушаться ими в массовом масштабе; построение социального государства, где население сможет самостоятельно решать свои жизненные задачи.²³

Представитель Ставропольского края Н.И. Сучкова поделилась опытом работы с 1989 г. краевого отделения благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья», которое консолидирует работу многих общественных формирований по защите семьи и детства. Высокий уровень насилия над женщинами в семьях она объясняет следующими факторами: отсутствие в России соответствующей законодательной базы; низкий уровень культуры населения; уровень доходов мужчин заметно выше, чем женщин, что позволяет мужчинам чувствовать себя собственниками в семье, поэтому 70 % всех насильственных преступлений в регионе совершается в семье.²⁴

О.В. Мелихова из Ставропольского края объясняет причины насилия в семье тем: что нет правовой базы противодействия ему УК РФ вступает в действие только когда наступили противоправные последствия, а не предотвращает их; нет экономических условий равенства – обеспеченности работой, справедливой зарплатой, возможностью учиться, лечиться, отдыхать. Предлагается создание социальных институтов защиты потерпевших от домашнего насилия наподобие Кризисных центров, где женщины и дети могут найти

²² Автор Мелешко Н.П. был участником данной конференции.

²³ Материалы конференции «Домашнему насилию нет места на земле!» от 02.03.03. Новочеркасск: Региональное общественно-политическое женское учреждение «Вера, Надежда, Любовь», 2001. С. 4-12.

²⁴ Материалы конференции «Домашнему насилию нет места на земле!» от 02.03.03. Новочеркасск: Региональное общественно-политическое женское учреждение «Вера, Надежда, Любовь», 2001. С. 18-21.

приют и покой хотя бы на краткое время и защиту у государства от дрящего насилия.²⁵

Представитель Волгоградской области О.П. Чаликова поделилась опытом работы региональной программы «Сотрудничество местных сообществ по проблеме насилия в семье», который помогает осознать, что семейное насилие – это преступление. В области создан Ресурсный центр для жертв, перенесших домашнее насилие.²⁶

Адвокат В.В. Чернявская из Волгоградской области, как представитель уполномоченного по правам человека, рассматривает проблему домашнего насилия с двух сторон: жертвы домашнего насилия обращаются в органы милиции, когда уже наступили наиболее тяжкие последствия, и даже после этого мирятся с обидчиком, пытаются прекратить уголовно-процессуальное производство до суда; российский менталитет не признает равноправные браки – один из супругов довлеет над другим, поэтому милиция неохотно вмешивается в семейные драмы и избиение стало нормой жизни, и ответственность мужа за изнасилование жены нашему гражданину невозможно даже представить.

Все это порождает безграмотность жертвы в защите своих прав и безграмотность и бескультурье правоохранительных органов. Выход из этой ситуации – в предании гласности работы общественных социальных Центров помощи женщинам, детям и престарелым, то есть лицам, нуждающимся в социальной защите от своих «близких». Уголовный кодекс должен иметь норму, устанавливающую как преступное именно насилие в отношении близких, находящихся в зависимом состоянии от обидчика.²⁷

Работник ПДН ОВД г. Новочеркаска В.В. Таранец, отмечая значительную распространенность домашнего насилия в отношении несовершеннолетних (104 административных протоколов, 28 материалов на лишение родительских прав, 2 уголовных дела и др.), отметил существенные недостатки в деятельности милиции: слишком затянуты сроки расследования (2 месяца и более), судебного разбирательства; отсутствие сторонних свидетелей; допущение законом прекращения дела за примирением сторон на досудебных стадиях, а не только в суде (как в США); нет практики обучения работников милиции работе в кризисных семейных ситуациях; система статистического учета «бытовых преступлений» охватывает только конфликты между различными семьями и не поддерживающими отношения родственниками.²⁸

²⁵ Там же. С. 22.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Материалы конференции «Домашнему насилию нет места на земле!» от 02.03.03. Новочеркасск: Региональное общественно-политическое женское учреждение «Вера, Надежда, Любовь», 2001. С. 24-26.

²⁸ Там же. С. 27-28.

Работник ППН Красносулинского ОВД Ростовской области М.А. Полупанов остановился на проблемах предупреждения правонарушений несовершеннолетних. В городе функционируют центр «Семья и дети», приют для детей, оставшихся без попечения родителей, 2 специнтерната для детей с аномалиями психики, детский дом. Городской Думой принята целевая программа «Работа с асоциальными семьями», к осуществлению которой привлекаются священнослужители, детская поликлиника, осуществляющая плановые проверки многодетных семей. Однако имеют место факты особо жестокого обращения с детьми в неблагополучных семьях по которым было возбуждено 2 уголовных дела.²⁹

Представители Астраханской области Н.В. Локтева и С.А. Мусаткина, отмечая распространенность домашнего насилия в регионе (70 % от всех насильственных преступлений), объясняют это социальное явление сложившимися национальными обрядами, обычаями и традициями многонационального населения региона (более 100 национальностей, в т.ч. 72 % – русских, 12,8 % – казахи, 12,8 % – татары и др.), согласно которым женщина всегда находится в зависимости и полном подчинении мужчины, а ребенок еще и матери. Нет четкого механизма реализации Конвенции о правах ребенка, Конституции Российской Федерации, принимаемых законов и нормативных актов. Нет реабилитационных Центров для детей, детские сады ликвидируются.³⁰

Представитель профсоюзов Л.В. Крючкова заострила внимание на проблеме воспитания и обучения детей в России: государство, экономя на Учителе, пожинает плоды невежества, вандализма, хамства, так как само варварски уничтожает культуру и духовность нации. Государство должно быть гарантом ценности жизни нации, жизни детей, а не экономить, плодя нищету. Бедность не порок – писал Н.А. Островский, но нищета – порок, ибо плодит нищету духа.³¹

Представитель Института управления, бизнеса и права г. Ростова-на-Дону В.В. Акименко обратила внимание на необходимость применения практики прекращения домашнего насилия гражданско-правовыми средствами – статья 30 ГК РФ, статья 98 ЖК РФ, статья 69, 70, 72 СК РФ.³²

Представитель Москвы Л.Е. Шевченко информировала о третьей международной ежегодной конференции женщин-юристов, состоявшейся в Москве 21-22 мая 2001 г. по теме «Защита прав женщин: правовые аспекты», про-

²⁹ Там же. С. 35-36.

³⁰ Материалы конференции «Домашнему насилию нет места на земле!» от 02.03.03. Новочеркасск: Региональное общественно-политическое женское учреждение «Вера, Надежда, Любовь», 2001. С. 29-30.

³¹ Там же. С. 37.

³² Там же. С. 32.

водимой Американской Ассоциацией Юристов. Отмечались некоторые успехи в этом направлении в Белоруссии, Киргизии, Таджикистане, Туркмении. В России в разных регионах созданы и успешно работают большое число различных центров, общественных учреждений по защите прав женщин: в Москве с 1999 г. работает независимый благотворительный центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры», куда обратилось за помощью более 34 тысяч женщин и детей. В Барнауле с 1996 г. работает Кризисный центр «Женский альянс». В Санкт-Петербурге при «Кризисном центре для женщин» создан центр-убежище для женщин, переживших насилие, которые могут находиться там до 30 дней.³³

Отметим, что общественная позиция противодействия домашнему насилию в России вырабатывалась и развивалась при инициативе и поддержке зарубежных стран.

Проблема домашнего насилия над детьми, женщинами и престарелыми для России действительно является актуальной. Российскими учеными-психиатрами³⁴ установлена прямая корреляция между домашним насилием над детьми и их будущим жестоким, преступным поведением, когда они станут взрослыми. Большинство насильников, убийц, лиц, совершающих насильственные преступления, в детстве сами подвергались физическому, сексуальному, психическому насилию со стороны родителей, других членов семьи и посторонних взрослых.

Об этом свидетельствуют судебная практика и публикации в периодической печати. Так, серийный убийца М. Дудин, убивший 13 человек в г. Фурманов Ивановской области, сообщил о себе: «С детства я испытывал побои и унижения от отца, который от природы был крайне жесток и сильно пил. Издевался над матерью. Мог просто, что не по его нраву, разнести в клочья. Даже не пожалел собак, когда я просто с ними поиграл, он их на моих глазах застрелил. В 13 лет М. Дудин убил отца, потом изнасиловал восьмиклассницу, за что был осужден. Отбывая наказания в исправительной колонии, проявлял жестокость. Освободился через 12 лет. После убивал всех, кто стоял на пути его жестокости, пожилых, молодых, мужчин, женщин, детей. Сожительницу бил часто и жестоко. За то, что она сделала аборт, отбил ей до черноты весь низ живота.

Движущей силой всех совершенных им злодеяний были патологическая жестокость и обидчивость, приступы чудовищной, нечеловеческой ярости. В

³³ Там же. С. 33-34.

³⁴ Серийные убийства и социальная агрессия: что ожидает нас в XXI веке? Медицинские аспекты социальной агрессии. // Материалы третьей международной научной конференции (18-21 сентября 2001 г.), Ростов-на-Дону, ЛЕНЦ «Феникс», 628 с.; Ковалев А.И., Перехов Л.В. Детская жестокость – один из определяющих факторов криминального поведения взрослых // Материалы конференции ИУБиП. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2001.

то же время сам всегда одевался опрятно, был вежливый, внимательный, лицо было чистое, ясное».³⁵

В данном материале наглядно высвечиваются две проблемы: наследственность жестокости и воспитание жестокости, объединяющиеся в жестокости конкретного человека, которая проявляется в его поведении в отношении себе подобных, любого члена общества, всего общества.

Распространенность в России, особенно в последнее время, серийных сексуальных и против жизни преступлений подтверждает, что в нашем обществе имеются существенные недостатки в профилактике наследственной жестокости и в воспитании подрастающего поколения – предупреждении развития жестокости. Проблемы противодействия домашнему насилию должны начать превалировать в системе противодействия преступности в России.

Как отмечалось выше, Уголовный кодекс Российской Федерации не знает специального состава, предусматривающего ответственность за домашнее насилие в условиях семьи.

В главе 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» ряд составов предусматривает уголовную ответственность за насилие в отношении несовершеннолетних при определенных условиях. Это: 1) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления лицом, достигшим 18-летнего возраста, в том числе родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, с применением насилия или с угрозой его применения – ст. 150 УК РФ; 2) вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, т.е. в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, бродяжничество или попрошайничество, в том числе родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, с применением насилия или с угрозой его применения – ст. 151 УК РФ; 3) неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, – ст. 156 УК РФ. Федеральным законом от 8.12.2003 г. №162 – ФЗ введена ст. 2421ч.2 – изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенное родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогом или другим работником, осуществляющим надзор за несовершеннолетними (статистических данных по этой статье еще нет).

³⁵ Российская газета. 2004. № 177. С. 27.

УК Российской Федерации содержит ряд статей, предусматривающих повышенную ответственность за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних: ст. 117 – истязание в отношении несовершеннолетнего; ст. 121 – заражение венерической болезнью заведомо несовершеннолетнего; ст. 122 – заражение ВИЧ-инфекцией заведомо несовершеннолетнего; ст. 126 – похищение человека заведомо несовершеннолетнего; ст. 127 – торговля людьми заведомо несовершеннолетними; ст. 127.2 – использование рабского труда заведомо несовершеннолетнего; ст. 230 – склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ в отношении заведомо несовершеннолетних; ст. 240 – вовлечение в занятие проституцией заведомо несовершеннолетнего; ст. 241 – организация занятия проституцией с использованием заведомо несовершеннолетних; ст. 242.1 – изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Любое из указанных преступлений, а также предусмотренное: главой 16. Преступления против жизни и здоровья – убийство; доведение до самоубийства, причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью; побор; истязания; главой 18. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, – могут совершаться и в домашних семейных условиях и рассматриваться как «домашнее насилие». Совершение этих преступлений в домашних, (семейных) условиях, т.е. одних членов семьи над другими, как правило, незащищенными, более слабыми, по УК Российской Федерации не является даже отягчающим обстоятельством. Ст. 63 п. «з» УК РФ предусматривает в качестве отягчающего обстоятельства – совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного. Как видим, совершение преступления на почве семейных, домашних отношений не является отягчающим обстоятельством.

Учитывая, что правонарушения, связанные с домашним насилием, совершаемые в большинстве своем в условиях семьи в отношении женщин, детей, престарелых, довольно распространены в обществе, полагаем необходимым совершенствование уголовного законодательства: введение в УК Российской Федерации новых составов преступления: физическое и психическое насилие над членами семьи; внесение в ст. 63 УК РФ дополнительного отягчающего обстоятельства – совершение насильственных действий в отношении членов семьи – супругов, детей родителей и других иждивенцев. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в УК РФ должны не только декларироваться, но и нести материальную нагрузку при назначении наказания: отягчающее обстоятельство должно увеличивать меру наказания на 1/4, на 1/3, на ?, но не более 15 лет лишения свободы. Смягчающие обстоятельства должны соответственно снижать меру наказания, но не менее чем до 3 лет лишения

свободы. Подобная система применения смягчающих и отягчающих обстоятельств установлена в Уголовном кодексе Италии (ст. 61, 62). Преступления, связанные с насилием над личностью, должны быть, на наш взгляд сконцентрированы в разделе №1 Особенной части УК РФ – Преступления против человечества, жизни и здоровья, половой неприкосновенности, прав и свобод человека.

Некоторые исследователи³⁶ данной проблемы провели опрос экспертов-сотрудников ОВД. На основании их исследования предлагается: принять специальный закон по предупреждению насилия, насильственных преступлений в семье (52%); дополнить ст. 61 УК РФ смягчающим наказанием обстоятельством: «л) совершение преступления при защите интересов члена своей семьи», а ст.63 УК РФ – отягчающим обстоятельством: «о) совершение преступления против члена своей семьи» (56% и 42%); включить новый квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении члена своей семьи в ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 132, на основе этого признака ввести ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 133, 134, 135 УК РФ (от 62 % до 8 %).

Указанные авторы предлагают вести борьбу с насильственной преступностью в семье путем организации ранней профилактической работы органов МВД: организации правильного воспитания детей в семье, школе и других учебных заведениях, а также создания в системе МВД специализированных подразделений по расследованию и предупреждению насильственных преступлений в семье, специализированных судей, рассматривающих эти дела.³⁷

Однако частные меры по совершенствованию работы отдельных правоприменительных систем в борьбе с таким масштабным социальным явлением, как «домашнее насилие», «преступность несовершеннолетних» и преступность в целом, все еще малоэффективны, что подтверждается мировой правоохранительной практикой.

На наш взгляд, предложение о принятии специального Федерального закона «О предупреждении домашнего насилия» следует поддержать и способствовать развитию общественного движения в его поддержку. Приемлемы также предложения о дополнении ст. 61 и 63 УК РФ, только в части преступлений, связанных с физическим и психическим насилием, а не любым преступлением в отношении членов семьи.

Полагаем также, что нет оснований для включения в отдельные составы преступлений квалифицирующего признака «совершение преступления против члена своей семьи», если будут внесены изменения в ст. 63 УК и отягчающие признаки будут влечь увеличение меры наказания.

³⁶ *Парамонов П.Г., Борбат А.В., Ильяшенко А.Н.* Насильственная преступность в семье: меры предупреждения // *Российский следователь.* 2002. №2. С. 22-27.

³⁷ Там же. С. 26.

Следует отметить, что Особенная часть УК РФ чрезмерно отягощена квалифицирующими признаками, которые не всегда способствуют усилению наказания и превенции преступления. Большинство этих признаков можно сосредоточить в Общей части УК РФ в качестве отягчающих вину обстоятельств, влекущих увеличение меры наказания.

В России очень серьезно стоит проблема уголовно-правового противодействия сексуальным насилиям над несовершеннолетними, особенно малолетними, и особенно, в семье. Глава 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» крайне несовершенно. УК не содержит понятия «малолетства». Ст. 134 УК рассматривает преступления, совершенные «по согласию», – половое сношение, мужеложство, лесбиянство с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, как преступления средней тяжести и предусматривает наказание в виде лишения свободы до 4-х лет.

Полагаем, что УК РФ должен определить понятие малолетних в возрасте от рождения до 13 лет включительно и рассматривать любые сексуальные действия в отношении их, как насильственные посягательства на их половую неприкосновенность, так как «половой свободы» в этом возрасте быть не может. Ибо этот возраст характеризуется беспомощным состоянием и невозможностью противостоять преступным посягательствам. Уголовная ответственность за сексуальные посягательства на эту категорию потерпевших должна быть максимально повышенной. Возраст с 14 до 15 лет включительно должен рассматриваться как подростковый, который характеризуется ограниченной дееспособностью и ограниченной возможностью отдавать отчет в своих действиях. Категория несовершеннолетних определяется возрастом от 16 до 18 лет. За преступные сексуальные посягательства на эти категории потерпевших уголовный закон должен предусматривать повышенную уголовную ответственность.

Мы полагаем, что наиболее удачно эта проблема разрешена в уголовном законодательстве Украины и Белоруссии, где предусмотрена и повышенная уголовная ответственность за указанные преступления и дифференцированы возрастные категории несовершеннолетних, подростков и малолетних.

В плане сравнительного исследования законодательства США, направленного на борьбу с домашним насилием, следует отметить наличие специальных норм в уголовном законодательстве и детальную разработку правоприменительной деятельности полиции, прокуратуры, судов, создание мощной социальной структуры по защите жертв домашнего насилия. Эта проблема возведена в ранг национальной. Борьба с домашним насилием преобладает по значимости над другими направлениями борьбы с преступностью.³⁸

³⁸ Опыт США в решении и предотвращении домашнего насилия. Международные стандарты. Новочеркасск: Региональное общественно-политическое женское учреждение «Вера, Надежда, Любовь», 2001. 33 с.

Для действенной борьбы с домашним насилием только совершенствование уголовного законодательства недостаточно. Необходимы социальные преобразования в обществе. Домашнему насилию не должно быть места в нашем обществе. Пропаганда, агитация, воспитание, образование, средства массовой информации и коммуникации, наука, работа правоохранительных органов и всех ветвей власти должны быть направлены на борьбу с домашним насилием. Необходимо создавать мораль, традиции, обычаи, воспитательное право, которые бы не допускали, осуждали, пресекали и делали бы невозможным домашнее насилие.

Основными инструментами борьбы с домашним насилием наряду с уголовно-правовой юрисдикцией должны стать семья, воспитание, образование молодежи, ювенальная юстиция как подсистема общей профилактики преступности.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 10 января 2000 г. Указом Президента РФ № 24, среди основных угроз национальной безопасности назван рост преступлений, особенно ее организованных форм, а среди основных факторов и условий, способствующих росту преступности названы: отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений, кризис системы социальной защиты населения, особенно несовершеннолетних, ослабление фундаментальной ячейки общества – семьи, что привело к демографическому кризису, угрожающему сокращению рождаемости и средней продолжительности жизни в стране.

Для нейтрализации отмеченных негативных явлений в развитии нашего общества в современном историческом периоде необходимо, на наш взгляд, не столько ужесточение методов борьбы с преступностью, сколько методологическое упорядочение, сбалансированность правовой системы и совершенствование проведения организационных преобразований общества, отношения к правонарушителям и преступникам. Жестокость наказания – одна из форм насилия, особенно неоправданная в отношении несовершеннолетних. Такое наказание не улучшает, а ухудшает социальные характеристики несовершеннолетнего, то есть дает негативный, прямо противоположный ожидаемому эффект.

Уголовно-правовая статистика за 1997 – 2007 гг. свидетельствует, что в России совершалось тяжких и особо тяжких преступлений около 60.³⁹ Из выявленных преступников осуждалось к лишению свободы около 1/3, из них к лишению свободы свыше 5 лет – 37%, а менее 5 лет – 63%.⁴⁰ Если бы наше

³⁹ Преступность в России в начале 21 в. и реагирование на неё. Российская криминологическая ассоциация. М., 2004. С.12.

⁴⁰ Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы 3-ей Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ 29-30 мая 2003 г. М.: Лекст, 2004. С. 134.

общество стремилось не к каре лиц, совершивших небольшой и средней тяжести преступления, а к восстановлению нарушенного права, как правило, на досудебной стадии, то 63% нынешних преступников не были бы подвергнуты уголовному наказанию, не оказались бы в рядах преступников и в местах лишения свободы, а учитывались бы как правонарушители.

Приведенные факты подтверждают, что система наказаний по УК РФ, российская судебная практика применения уголовного наказания сегодня перестали отвечать социальному назначению наказания и находятся в противоречии с основными принципами, задачами и целями уголовного закона: справедливости, гуманизма, защиты прав и свобод человека, применения наказания в целях восстановления социальной справедливости нарушенной правонарушением, а так же в целях исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

Полагаем, что существующая концепция борьбы с преступностью (преступление – это деяние, записанное в законе) требует пересмотра. В ее основу следует положить принцип: «нет преступления без законного наказания», сформулированный еще Паулем Иоганном Акселем Фейербахом в начале XIX века. Если правонарушитель в законном порядке освобожден от уголовного наказания, значит, общество не считает его преступником, а его деяния преступными. Основной целью наказания следует считать восстановление нарушенного права, то есть социальной справедливости, а не кару как репрессию в отношении виновного и устрашение других граждан. Эти принципы, особенно в отношении несовершеннолетних правонарушителей, позволят достичь примирения потерпевшего и правонарушителя, то есть устранить конфликт между двумя частными интересами и освободить от уголовного наказания, а следовательно, не считать преступниками до 70 % правонарушителей.

Главная задача российского законодателя – не столько в совершенствовании действующей уголовно-судебной системы, сколько в создании принципиально нового правосстановительного процесса в отношении правонарушителей, в том числе преступников, и, прежде всего, в отношении несовершеннолетних.

Правосстановительное ювенальное правосудие – это и первая, и заключительная стадия ювенальной юстиции в отношении несовершеннолетних, не поддающихся профилактическому воздействию и совершающих тяжкие преступные деяния. В разных странах оно имеет свои особенности (новозеландское, канадское, французское, японское, шведское и другие).⁴¹ Главная их особенность в том, что это не уголовное правосудие, а ювенальное, направленное

⁴¹ *Ховард Зер.* Восстановительное правосудие. М., ЮНИСЕФ. 1999; *Ханиган Патриция.* Молодежь, испытывающая трудности. М.: «Интердиалект +», 1999; *Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России.* М.: Центр, судебно-правовая реформа, 2000.

на защиту несовершеннолетних и семьи. Только в Англии и США ювенальное правосудие осуществляется судами общей юрисдикции, но по специальному закону для несовершеннолетних нарушителей по специальной судебной процедуре и меры наказания и воздействия они отбывают в специальных учреждениях для несовершеннолетних. Основной упор делается на широко разветвленную систему пробации – надзора за поведением несовершеннолетних. Во всех других странах существует специальная ювенальная квазисудебная система: семейные конференции в Новой Зеландии и Австралии, семейные суды в Японии, ювенальные суды во Франции и др., которые рассматривают дела несовершеннолетних и решают вопросы контроля и пробации их поведения, решают возможности их уголовного преследования.

На защиту интересов несовершеннолетних в России в сфере уголовного судопроизводства направлено достаточное количество правовых актов, в том числе УПК Российской Федерации (раздел о производстве по делам несовершеннолетних), существует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02. 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», которым установлено, что российские суды при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних обязаны применять международные нормы ювенального правосудия, что дела эти должны рассматривать только специально подготовленные судьи с позиций, прежде всего защиты интересов несовершеннолетних.

Конечно, сегодня при становлении ювенального правосудия мы пользуемся этими нормативными актами, но следует их совершенствовать, создавать необходимые прецеденты, нарабатывать практику ювенального правосудия и блоками, частями создавать самостоятельное законодательство, как отраслевую правовую ювенальную систему, регулиющую поведение несовершеннолетних, их судебную защиту и судебную ответственность.

Ювенальная юстиция должна существовать в любом обществе (поскольку существуют дети) и распространяться на всех несовершеннолетних, а не только попавших в трудную жизненную ситуацию. Такая ювенальная юстиция будет способствовать созданию в Российской Федерации правового государства и решению демократическим, цивилизованным путем проблем воспроизводства и развития демократического и цивилизованного общества и государства, где приоритет отдается человеку с его естественными правами и потребностями, а слова К. Маркса о том, что общество теряет право на существование, когда утрачивает связь со своим молодым поколением, останутся предупреждением и никогда не станут реальностью.

Ювенальная юстиция – это не столько правосудие, сколько совокупность правовых механизмов, социального, общественного и государственного контроля через средство специальных правоустановительных процедур и профилактических программ, предназначенных для обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов семьи, несовершеннолетних, их воспитания,

образования и развития, реализуемых системой государственных органов и общественных институтов путем принуждения и применения мер профилактики, безопасности и наказания.

Система ювенальной правосудия должна рассматривать все дела с участием несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, а также семейные дела, затрагивающие интересы несовершеннолетних, в том числе и дела в отношении домашнего (семейного) насилия, так как они в любом случае затрагивают интересы несовершеннолетних.

Нуждается в серьезном реформировании и «пенитенциарная» система для несовершеннолетних. Сегодня пенитенциарные учреждения имеются, как правило, по одному в области, крае или на несколько субъектов Федерации. В них скапливается большое количество несовершеннолетних правонарушителей и преступников (в среднем 300 человек), и они превращаются в «университеты уголовной субкультуры», в учреждения пыток, жестокости, насилия. Цель исправления несовершеннолетних преступников не достигается, и они зачастую переходят в разряд профессиональных преступников, рецидивистов (70-80% рецидивистов начинают свою карьеру в несовершеннолетнем возрасте).

Без реформирования этой системы в России не может быть налажена действенная система профилактики преступности несовершеннолетних в целом. Необходимо центр ответственности за состоянием правонарушаемости несовершеннолетних сместить на органы местного самоуправления. Такой опыт апробирован во многих странах и дает большой эффект. Например, в Швеции каждая Коммуна имеет свои учреждения социальной профилактики и помощи несовершеннолетним, свои места изоляции несовершеннолетних правонарушителей. Содержание и обслуживание их осуществляется за счет Коммуны. Изолированные несовершеннолетние не теряют связь с семьей и школой. Коммуна в целях экономии средств на их содержание вынуждена больше уделять внимание профилактике правонарушений и не допускать роста преступности.

Очень важной и актуальной для России является проблема создания системы воспитания и образования подрастающего поколения, т.к. действующая система в современных условиях развития общества показала свою неэффективность. Какое мы дадим образование, как воспитаем детей сегодня, таким общество будет уже через 5-10 лет, а изменения в прогрессивную сторону могут наступить не скоро, через десятилетия.

Отношение родителей (семьи) и всего общества в любом государстве к насилию в отношении детей – это не только криминологическая проблема, а прежде всего социальная проблема по воспитанию детей, как подрастающего поколения, по формированию нового общества. Здесь не лишним будет рассмотреть израильский опыт воспитания и образования подрастающего поколения.

Израильская школа совсем не похожа на российскую. Она подразделяется на три ступени: начальная (1-6 классы), неполное среднее (7-9 классы), средняя школа (10-12 классы). В школу идут в 6-летнем возрасте, но обязательным является предшкольный год в детском саду, где 5-летние летние дети обучаются элементарным навыкам школьного поведения и приемам концентрации внимания во время объяснения учебного материала. В первых двух ступенях школы детей больше воспитывают, чем учат. В эти годы ребенок «самовыражается» и воспринимает и усваивает гуманитарные принципы демократического общества. Девятилетка – базисное обязательное образование. Только треть выпускников девятилеток поступают в среднюю школу – «тихоны». Остальные рассредоточиваются по многочисленным профессиональным школам – система ОРТ (Общество ремесленного труда – изобретено в России в 1880 году). Рабочая профессия гарантирует постоянный заработок и вполне достойную пенсию.

Дети, заканчивающие среднюю школу (1/3 от всех), нацелены на получение высшего образования и получают аттестат зрелости («багрут»): чем больше высших баллов по выбранным дисциплинам, тем больше шансов поступить на выбранную специальность в университет или колледж. Всего в Израиле 8 университетов, 2 академии искусств, институты, колледжи, филиалы многих зарубежных университетов (США, Англии). Главное образовательное ведомство страны «мисрад ха-хипух» переводится дословно – Министерство воспитания.⁴²

Любой израильский школьник попадает на срочную службу в армию. Солдат – уважаемый член общества. Привилегия в том, что, только отслужив срочную службу, может начать работать.

Отслужившим в армии Министерство обороны оплачивает 2 года обучения в университете, предлагает выгодные банковские ссуды для покупки жилья, открытия бизнеса, единовременное пособие около 3-х тысяч долларов.

В армии нет дедовщины. Раненые и получившие инвалидность военнослужащие – на полном обеспечении государства.⁴³

С подобных позиций было бы разумно, по нашему мнению, рассмотреть проблему юридического и ювенального образования России. Знание основ юриспруденции, психологии, педагогики, социологии должно быть доступно и даже обязательно студентам любой системы высшего образования. Оно должно стать критерием культуры, интеллигентности, образованности специалиста с высшим образованием.

Разрешение названных проблем российского общества: совершенствование уголовного и процессуального законодательства, пенитенциарной систе-

⁴² Гельман З. Министерство воспитания. Израильские школьники выбирают между «тихоном» и ОРТ. // Российская газета. 2004. № 165. С. 6.

⁴³ Гельман З. Служба светит всем. Почему в израильской армии нет «дедовщины» / // Российская газета. 2004. № 145. С. 6.

мы и восстановительного правосудия, исключение из уголовной юрисдикции основной массы несовершеннолетних правонарушителей, как субъектов преступлений, создание ювенальной правовой системы (ювенальной юстиции и правосудия), соответствующих современным потребностям российского общества, создание адекватной системы воспитания и образования позволят активно противостоять криминогенным влияниям, преступности и создать подлинно новое общество на принципах равноправия, гуманизма, справедливости. Ювенальная юстиция должна стать частью менталитета российского общества и гражданина.

ПЕНОЛОГИЯ

Б. Накипов*

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Задачи обеспечения надлежащей законности и правопорядка в обществе весьма сложны и включают немало серьезных проблем. Одна из них – преодоление рецидива преступления. Ее опасность состоит в том, что совершение новых, повторных преступлений в пределах сроков сохранения судимости свидетельствует об упорном стремлении рецидивистов продолжать преступную деятельность, о криминализации их личности.

В курсе «Криминологии» рецидив это один из видов преступности, о котором немало суждений и теоретических концепций, особенно вокруг различия в понятиях «рецидив» и «повторность».

Наиболее распространенным в криминологии является положение о том, что рецидив преступлений означает их повторение после осуждения за предыдущее деяние в случае, когда судимость не снята или не погашена. Одни авторы суживают это определение и считают рецидивом повторное совершение лишь умышленных преступлений лицом, отбывающим или отбывшим наказание. Другие, наоборот, исходят из предельно широкого понимания «фактического» рецидива, включающего в себя все виды множественности, кроме идеальной совокупности. Третьи полагают целесообразным рассматривать рецидив в различных смыслах – уголовно-правовом (легальный рецидив) и криминологическом (фактический).

Криминология самым тесным образом связана с уголовным правом, и наличие в этих двух родственных науках одного и того же термина в различных пониманиях в принципе недопустимо. Понятие рецидива преступлений должно быть единым для всех правовых наук. Это, однако, не исключает, а наоборот, предполагает дифференциацию его видов. Но все они должны обладать одним и тем же родовым свойством: неоднократностью применения правовых мер воздействия к преступнику.

Содержание понятия рецидива преступления следует раскрывать на основе уголовного законодательства и практики его применения, так как рецидив – понятие уголовно-правовое.

Рецидивы преступлений имеют ряд общих признаков, совокупность которых позволяет дать общее понятие рецидива и рецидивиста.

* **Балгабай Накипов** – полковник полиции, кандидат юридических наук, Заслуженный работник МВД республики Казахстан (Казахстан, Алма-Аты).

© Б. Накипов, 2009

В основу определения понятия рецидива, по мнению третьих, должен быть положен признак судимости виновного за ранее совершенное им преступление, а отбытие наказания по предыдущему приговору не обязательно.

К числу юридических признаков рецидива в литературе относят: совершение последовательно двух и более преступлений; наличие судимости за ранее совершенное преступление; полное либо частичное отбытие назначенного судом наказания за предшествующее преступление. Ряд ученых-криминалистов рассматривали рецидив как вид множественности преступлений в уголовном праве и понимали под ним совершение нового преступления лицом, после того как оно уже было осуждено за предыдущее, либо совершение нового преступления при наличии судимости за ранее совершенное преступление.

Чтобы дать определение понятия рецидива преступлений, необходимо установить наиболее характерные признаки этого явления, присущие всем его разновидностям.

Рецидив термин латинский, означает «возвращающийся». Толковый словарь русского языка объясняет этот термин, как возобновление, возвращение, повторение чего-нибудь (обычно нежелательного), как повторение преступлений, как повторное преступление.

В Уголовном Кодексе РК 1997 г. законодательно закреплена точка зрения о понимании рецидива преступлений как совершения нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление.

Рецидив преступлений как вид (форма) множественности преступлений, признаки которой закреплены в ст. 18 УК РФ, понятие более узкое, чем легальный рецидив. Он не охватывает совершение неосторожных преступлений.

Из законодательного определения вытекают следующие существенные признаки рецидива:

- 1) наличие факта совершения нового преступления лицом, ранее совершившим преступление;
- 2) умышленный характер первого и последующих преступлений;
- 3) наличие судимости за ранее совершенное умышленное преступление.

Некоторые ученые, кроме обозначенных признаков рецидива, выдвигают дополнительный признак, в соответствии с которым рецидив должен иметь место только в том случае, если новое преступление совершено после полного или частичного отбытия наказания по предшествующему приговору. «Рецидив, – пишет Панько К.А., это наиболее опасный вид множественности преступлений, когда цель частной превенции не достигается, несмотря на то, что имело место не только назначение, но и исполнение наказания». Однако, как совершенно точно отмечает Малков В.П.: «Нельзя недооценивать предупредительного и воспитательного значения предварительного следствия и судеб-

ного разбирательства, а также самого факта провозглашения обвинительного приговора». Осуждение от имени государства означает для виновного, что его поведение оценено как общественно опасное и недопустимое. И если виновные не реагирует на такую оценку и совершает новое преступление после осуждения, это свидетельствует о возрастании степени общественной опасности личности преступника. Поэтому законодатель обоснованно не включил в понятие рецидива признак полного или частичного отбытия наказания.

Остановимся подробнее на указанных признаках законодательно закрепленного понятия рецидива преступлений.

Под преступлением понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ч.1 ст. 9 УК РК).

По законодательству Казахстана не признается преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству (ч. 2 ст.9 УК РК).

Умышленный характер преступлений предполагает, что каждое из деяний, образующих рецидив преступлений, совершено с прямым или косвенным умыслом либо с двумя формами вины. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РК преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия, либо относилось к ним безразлично (ч. 3 ст. 20 УК РК).

В ст. 22 УК РК предусматривается: «...если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Обязательным признаком понятия «рецидив» является наличие судимости за ранее совершенное преступление у лица, привлекаемого к уголовной ответственности за вновь совершенное им преступление.

В соответствии с ч. 1 ст. 77 УК РК лицо, осужденное за совершенное преступление, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Сказанное означает, что если лицо после провозглашения обвинительного приговора с назначением наказания за совершение умышленного преступления до вступления приговора в законную силу совершит новое умышленное преступление, то в этом случае признаки рецидива отсутствуют.

Теория уголовного права определяет судимость как правовое состояние лица, приговоренного к определенному виду и сроку наказания за совершение преступления.

Лицо, как указано в ч. 1 ст. 77 УК РК, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу в течение всего времени отбывания наказания, а также и в течение определенного законом времени после отбытия наказания.

Лицо считается несудимым только после погашения или снятия судимости. При этом следует подчеркнуть, что судимость связана с назначением наказания. Следовательно, если лицо и привлекалось к уголовной ответственности, но было освобождено от неё, правила ст. 77 УК РК на него не распространяются. Также считаются несудимыми лица, к которым за совершение преступного деяния применены принудительные меры медицинского (ч. 1 ст. 88 УК РК) или воспитательного характера (ст. 82 УК РК). Кроме того, если в постановлении об амнистии или при осуществлении помилования специально указано о снятии судимости, то лица, к которым указанные акты применены, также считаются несудимыми.

Наличие или отсутствие судимости имеет значение для установления в действиях лица рецидива (ст. 13 УК РК), квалификации действий (например, п. «в» ч. 3 ст. 175 УК РК) и при назначении наказания (п. «а» ч. 1 ст. 54 УК РК).

Закон предусматривает два способа прекращения судимости её погашение и снятие.

Погашение судимости происходит автоматически по истечении сроков, установленных ч. 3 ст. 77 УК РК. Эти сроки связаны с несколькими основаниями. Так, в отношении лиц, условно осужденных, судимость погашается по истечении испытательного срока; в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы, по истечении одного года после отбытия наказания. В указанном случае следует иметь в виду, что погашение судимости не связано с категориями преступлений, а связано только с видами наказаний, более мягкими, чем лишение свободы. Поэтому, если даже было назначено наказание, не связанное с лишением свободы (штраф, исправительные работы, арест, ограничение свободы и т.д.) за преступления небольшой тяжести, средней тяжести или тяжкое преступление, судимость в любом случае погашается по истечении одного года после отбытия наказа-

ния. Снятие судимости в отличие от погашения производится при условии безупречного поведения осужденного по его ходатайству и с обязательным вынесением судьей мотивированного постановления.

Судимость может быть снята с любого лица, отбывшего наказание, без каких-либо ограничений как в части категории совершенных преступлений, так и с учетом личности осужденного. Суть такого решения заключается в том, что оно может приниматься до истечения срока погашения судимости при наличии данных, свидетельствующих о безупречном поведении конкретного лица.

Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью. Это значит, что прежняя судимость, сроки давности которой истекли, не может служить квалифицирующим признаком при совершении нового преступления, она не может рассматриваться и учитываться какотягчающее обстоятельство, не может учитываться при решении вопроса о наличии в действиях лица рецидива.

Часть 4 статьи 13 УК РК предусматривает перечень преступлений, за которые лицо уже было осуждено, но которые не учитываются при признании рецидива, т.е. указанная часть предусматривает исключения из понятия рецидива. В настоящее время при признании рецидива преступлений не учитываются: а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести; б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет; в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 77 УК РК. Рецидив и судимость тесно взаимосвязаны между собой и первое невозможно без второго, а поэтому говорить о рецидиве при снятой или погашенной судимости за предыдущее преступление не приходится.

ГЕНДЕРНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

С.Ф. Милоков*

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2008. – 478 с. (специальность 12.00.08)

Системный кризис, в который впала Россия в конце 80-х гг. прошлого века, далеко не преодолен. Хорошо об этом сказал председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, которого цитирует автор диссертации: в России (конец 2007 г.) учтено 4 млн. бомжей, 3 млн. нищих, 5 млн. беспризорных детей, 4,5 млн. проституток – «следовательно, 16,5 млн. человек, а значит, 11,3 % населения страны – это социальное дно». Недалеко от этого дна находятся еще десятки миллионов российских граждан, так как на грани бедности влачит жалкое существование до трети населения страны (с. 397-398). Отчетливо видно, что экономический и духовно-нравственный упадок поразил прежде всего тех, от кого зависит будущее нации – женщин, детей, молодежь. Закономерным следствием этих процессов стал непрерывный рост преступности, ухудшение ее качественных характеристик.

Нельзя сказать, что отечественные правоведы и криминологи оставили без внимания гендерные отличия постсоветской преступности. Однако эта проблема продолжает актуализироваться прежде всего потому, что современная преступность чрезвычайно динамична, а государство не может или (и) не хочет всерьез взяться за решение насущных политических, социально-экономических и духовно-нравственных проблем, что порождает многочисленные конфликты населения (в том числе его женской части) с установленным порядком.

Автору удалось обеспечить должную научную новизну положениям и выводам диссертационного исследования прежде всего за счет формулирования и последующего обоснования концептуального положения о том, что «отличительной особенностью современного исследования женской насильственной преступности является принципиальный отказ от рассмотрения мужского поведения как нормы, образца, расценивающего женское поведение как специфическое копирование или даже повторение мужского, что существенно зат-

* **Сергей Фёдорович Милоков** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

© С.Ф. Милоков, 2009

рудняет не только понимание причин и мотивов женской насильственной преступности, но и определение эффективной политики ее предотвращения (с. 5).

Научная новизна ярко проявляется и в положениях, вынесенных автором на защиту. Большинство из них заслуживает одобрения и поддержки.

В частности, соискателю удалось сделать то, что оказывается не под силу многим исследователям – органично связать ретроспективный анализ дореволюционной (?I? – нач. ?? вв.) и советской насильственной преступности женщин с современной криминальной действительностью (с. 13-14, 79-125). Выявлено, что в советский период превалировали корыстные преступления, связанные преимущественно с профессиональной деятельностью женщин. В условиях же господства капиталистических отношений на первый план выступает агрессия, которая, на наш взгляд, является следствием социальной дезорганизации, порождающей борьбу всех против всех.

Благотворно в теоретическом и практическом плане скажется внедрение в научный оборот целого массива достоверных сведений о состоянии и тенденциях женской преступности, прежде всего насильственной. В диссертации констатируется существенное превышение темпов прироста женской преступности по сравнению с приростом преступности мужчин, прежде всего по отношению к такому опасному преступлению, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повышение их активности в похищении людей и т.п. (с. 14 и др.). Важно, что статистический анализ проведен на разных уровнях – общефедеральном и на уровне Ставропольского края – субъекта Федерации со сложной криминогенной обстановкой (с. 147-162 и др.).

Соискатель выбрал методологически верный порядок изложения и анализа криминологической информации – сначала выявлены и изучены детерминанты криминальной агрессии женщин (гл. 3), а только потом дана криминологическая характеристика их личности (гл. 4). Этим диссертация выгодно отличается от большинства известных нам монографических исследований, где нередки неоправданные повторы, забегание вперед и т.п. изъяны, что не дает возможности в полной мере раскрыть личностные особенности преступников, ибо таковые особенности продуцируются как раз социальной средой на макро– и микро– уровнях.

При анализе причинного комплекса женской преступности автор справедливо выдвигает на авансцену социальные противоречия, раздирающие современное российское общество. Эти противоречия, как убедительно показывает диссертант, продуцируются вопиющим социально-экономическим неравенством, от которого женщины страдают в большей мере нежели мужчины (с. 168-176, 193, 223-225 и др.). В ходе анализа использованы современные методики познания социальной действительности, в том числе коэффициент Джини (с. 172-173 и др.).

Соискатель, однако, не впадает в излишний социологизм, уделяя должное внимание психологическим и биологическим особенностям женщин-

преступниц. Отмечается, в частности, прогрессирующий процесс дебилизации российского населения в постсоветский период (с. 69-70), который, как нам представляется, обусловлен теми же социальными факторами, о которых подробно говорит автор.

Положения и выводы диссертации хорошо увязаны с практикой. В тексте работы приводятся не только обобщенные сведения о преступности, но и конкретные примеры, почерпнутые из региональной судебной практики. Некоторые из них способны впечатлить даже искушенного читателя.

Выраженная практическая направленность диссертации, богатая и разнообразная эмпирическая база (с. 10 и др.) делают содержащиеся в ней положения и выводы вполне обоснованными и достоверными. Большинство из них заслуживают внимания законодателя и правоприменителей. Это касается в том числе суждений относительно направлений и конкретных способов предупреждения женской насильственной преступности (гл. 5).

Основные научные достижения автора хорошо известны специалистам за счет апробации их на представительных научно-практических форумах и опубликования их в юридической печати, в том числе журналах, рекомендованных ВАК (с. 57-59 автореферата). Перу автора принадлежит три монографии по избранной теме (с. 56 автореферата). Эти публикации внедрены в учебный процесс ведущих юридических вузов страны.

Диссертация и ее автореферат написаны хорошим литературным языком, безупречно оформлены, имеют вполне завершенный вид.

Помимо отмеченных выше, диссертация обладает рядом других достоинств, на которые, очевидно, будет обращено внимание в иных отзывах.

Вместе с тем данное исследование не свободно от некоторых спорных и (или) недостаточно обоснованных положений. Остановимся на некоторых из них.

1. В диссертации опрометчиво поддержано мнение проф. Ю.М. Антоныяна о том, что преступность появилась намного раньше, чем сформировались классы, появились писанные уголовные законы, возникла семья и частная собственность (с. 79). По существу это утверждение о вечности преступности независимо от экономического и социально-политического устройства общества. Характерно, что соискатель и ученый, на которого она ссылается, вовсе не упоминают в данном контексте государство и его карательный аппарат. Следуя такой логике, можно найти «преступность» (в том числе гендерную) среди зверей, птиц, рыб, насекомых и даже микроорганизмов.

На самом же деле преступность – продукт межклассовых и внутриклассовых противоречий, объемлющий посягательства на установленный меньшинством и навязанный большинству правопорядок, защищающий власть и материальные богатства меньшинства (В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Н.Ф. Кузнецова и др.). Если в советский период классовая структура общества была «стерта», то по возвращению в капитализм эти антагонизмы стали совершенно очевидны для любого неангажированного наблюдателя.

Попытки оторвать преступление от уголовного закона способствуют отеснению криминологии на задворки учебного и научного процесса*.

2. Анализируя общие закономерности и региональные особенности преступности в новейшее время, автор неосновательно утверждает, что в 2001 году (как и в следующем за ним) статистические цифры сильно «съезжились». На самом же деле в 2001 г. общее количество выявленных преступлений возросло, хотя и незначительно (на 0,5 %), наблюдался существенный прирост убийств (+ 5,5 %), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (+ 12,0 %), изнасилований (+ 3,7 %), грабежей (+ 12,4 %), разбоев (+ 13,6 %), тяжких и особо тяжких преступлений в целом (+ 2,0 %).

А вот в 2002 г. и (что мало известно) в начале 2003 г. действительно зафиксирован резкий спад регистрации преступлений, который в дальнейшем был компенсирован количественно, но отнюдь не качественно (особенно отчетливо это видно по отношению к убийствам).

В 2007 г. спад регистрации возобновился, он продолжился и в течение 4 месяцев 2008 г. В диссертации этот процесс отмечен (применительно к прошлому году), но адекватного объяснения ему не найдено. На наш взгляд, государство сознательно уклоняется от противодействия большей части преступности, в том числе насильственной и женской в частности. Это явление мы называем «денационализацией» борьбы с преступностью, за счет перевода ее в разряд «частных» дел, «перекрашивания» многих преступлений в гражданско-правовые деликты (хорошо видно это на примере так называемого «рейдерства»).

3. Не может удовлетворить нас и авторская интерпретация превышения доли осужденных женщин украинской, ногайской, кабардинской, ингушской и чеченской национальностей по сравнению с их долевым представительством в общем массиве Ставропольского края «неравномерным их распределением в городской и сельской местности, а также интенсивными миграционными процессами в крае» (с. 262).

Чтобы убедиться в слабости такой аргументации, достаточно изучить приведенный в приложении 1 к диссертации контент-анализ публикаций о террористических актах, совершенных женщинами в 2000-2005 гг. (с. 448-454). Возникает вопрос: могли ли в этот перечень попасть русские или, скажем чувашки? Ответ очевиден: теоретически – да, реально – нет. И основанием для такого ответа служат как раз сведения о личности террористок, собранные соискателем. Естественно, не может идти речь о какой-то биологической предрасположенности чеченок (или ингушек) к агрессии, в том числе террористического свойства. Дело в их образе жизни, том социальном окружении (преж-

* См. об этом обращение, подписанное президентом Российской криминологической ассоциации проф. А.И. Долговой (Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 8-9).

де всего на микроуровне), которому было выгодно пожертвовать этими женщинами, заодно толкнув их самих на массовые убийства.

4. Наконец, мы не можем согласиться еще с одним концептуальным положением диссертации, на этот раз уголовно-правового свойства. Автор пишет: «Существующая в уголовном законе гендерная асимметрия ... является социально обусловленной и должна быть в российском уголовном законодательстве сохранена» (с. 361).

Это утверждение представляется криминологически необоснованным, хотя бы потому, что не соответствует выделенному соискателем устойчивому типу женщины-преступницы, особенно его второму подтипу, который автор именует самым опасным (с. 329-330).

Поэтому запрет применять к женщинам пожизненное лишение свободы (о смертной казни в этом контексте надо говорить особо) или невозможность помещения их в тюрьму противоречит криминологической характеристике их личности, нацеленности на причинение вреда здоровью или даже смерти потенциальным потерпевшим.

В некоторых же случаях отмеченная асимметрия ставит осужденную в невыгодное положение по сравнению с осужденными-мужчинами. Например, запрет применения обязательных работ по отношению к женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ч. 4 ст. 49 УК РФ) может привести к осуждению их к реальному лишению свободы.

Отмеченные несовершенства не могут существенным образом сказаться на теоретической и прикладной ценности проанализированного труда. Они ни в коей мере не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы» является законченным монографическим исследованием фундаментальной криминологической и уголовно-политической проблемы, в котором даются ее обоснованные решения, что соответствует требованиям п. 8 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 года № 74.

Людмила Михайловна Щербакова, как автор названной диссертации, заслуживает присуждения искомой степени доктора юридических наук.

4. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

ЛЕТОПИСЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 2009 ГОДА

27 февраля состоялся международный семинар: «КРИМИНОЛОГИЯ XXI ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА». С теоретическим докладом на тему: «КРИМИНОЛОГИЯ НА ПОСТЛИБЕРАЛЬНОМ ЭТАПЕ», выступил Д. А. Шестаков (Россия, Санкт-Петербург).

Криминология вошла в постлиберальный этап своего развития. Внимание её заострено, или, по крайней мере, должно быть заострено – в этом ощущается потребность – на международной составляющей преступности, глобальных факторах и процессах её воспроизводства. Постлиберализм не означает отказа от либеральных ценностей, связанных с правами человека, он предполагает их дальнейшее развитие. Так, либерализм требует терпимости к мнениям и свободной критики власти. Но коль скоро мы говорим о терпимости, то не следует ограничивать доступ в науку связанных с религией философских подходов, если мы говорим о критике власти, то будем критиковать также глобальную олигархическую власть, закрепившуюся в современном мире. Внешний государственный и надгосударственный уровни планетарной преступности сегодня могут быть охарактеризованы как глобально-американизированная преступность (ГАП). В ней проявляется претензия США на однополярное правление миром, эксплуатацию мировой экономики. От финансово-экономической политики США производна противоправная деятельность транснациональных компаний. На этих уровнях преступности должно быть сосредоточено внимание военной, экономической, политической, сакральной криминологии, – поддерживаемых криминологической школой преступных подсистем.

Противодействие ГАП предполагает укрепление евразийского самосознания, его духовных ценностей, а также выведение национальных экономик из статуса сырьевых придатков Запада. И то, и другое означает отнюдь не конфронтацию со странами Атлантики, но обеспечение в случае необходимости собственного независимого воспроизводства и развития.

Докладчик предложил пути развития международного уголовного права и инструментов его реализации. Он подчеркнул, что развитие теоретико-криминологического поля школы преступных подсистем ведёт к свободе: свободе криминологии от диктата законодателя, свободе мирового сообщества от глобально-американизированной преступности, свободе Духа от золотого тельца.

Ориентированная на практику часть семинара была представлена в докладе *Х. Кури* (Германия, Фрайбург) «КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ПОВЕДЕНИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ И ОПАСНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ: НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ».

В 1990-е годы возросли зарегистрированное число преступлений и дискуссия о таких особых преступниках как насильственные и сексуальные. В Германии, например, состоялась широкая дискуссия о страхе перед преступлениями. В этой связи также приобрело особое значение обсуждение прогнозов опасности, например, задержанных или осуждённых. В докладе были описаны критерии, которые должны соблюдаться в добротном прогностическом экспертном заключении, и освещено то, как они за несколько лет были выработаны в Германии группой экспертов.

Докладчик представил результаты анализа внешней экспертизы задержанных по подозрению в преступлении, который показывает, что прогностическое заключение на фоне повышенных требований в последние годы стали качественнее лучше, что, однако, возвращает в этой области к большому спросу преимущественно на психологов.

По докладам состоялась дискуссия. Ниже приводятся выжимки из выступлений членов, а также гостей клуба.

Я. И. Гилинский (Россия, Санкт-Петербург) сказал, что доклад *Д. А. Шестакова*, как всегда, привлекает оригинальностью, новаторским подходом, неординарностью выдвигаемых положений.

Вполне поддерживаю, призыв к свободе криминологии от законодателя, – заметил *Я. И. Гилинский*. Согласен с отстаиваемым профессором *Шестаковым* тезисом о криминогенности многих законодательных решений.

Вместе с тем не все положения доклада разделяются мною. Так, я не сторонник утверждения о «самобытности и самодостаточности» России. Я полагаю, что вхождение в мировую систему совершенно необходимо. Изоляционизм во всем, включая науку (и прежде всего – науку) – наша беда, трагедия, а не достоинство. Впрочем, *Дмитрий Анатольевич* своей международной деятельностью и публикациями в Германии, США и других странах сам «опровергает» себя.

Для меня несколько удивителен и, быть может показавшийся мне, «антиамериканизм» доклада, в частности, мысль о «глобально-американизированной преступности». В условиях глобализации, нравится она нам или нет, говорить о «глобально-американизированной преступности» столь же «обоснованно», как о «глобально-руссифицированной» (вспомним о зарубежной панике по поводу «русской мафии») или же «глобально-исламской» (имея в виду некоторые террористические организации и некоторое участие в наркотрафике). Очевидно преступность в современном мире столь же глобализируется (интернационализируется), сколь и экономические, политические, информационные процессы. Впрочем, подробно об этом говорится в ряде моих

работ, включая нашу коллективную монографию «Глобализация и девиантность» (под редакцией Я. Гилинского, СПб, 2006).

Думается, что во всех российских бедах «виноваты», прежде всего, мы сами во главе с нашей же властью. Да и наша «общинная ментальность» отнюдь не способствует прогрессу – экономическому, политическому, социальному.

В докладе Х. Кури затронута чрезвычайно важная проблема, не вполне осознаваемая еще отечественной наукой. Речь идёт о росте репрессивности сознания (как следствии «страха перед преступностью», по выражению С. Коэна), особенно «среднего класса». Это, в свою очередь, ведёт к возрастанию репрессивности практики, столь милой правоохранительным органам и популистским властным структурам.

Что же касается трудоёмкой и дорогостоящей экспертной практике в Германии, о чём нам поведал докладчик, то у нас это не было бы проблемой: 200-300 евро и быстро получаешь нужное заключение...

С. Ф. Милоков (Россия, Санкт-Петербург) в своём выступлении поддержал большинство высказанных Д.А.Шестаковым идей, прежде всего о глобально американизированной преступности. Средства массовой коммуникации (радио, большинство газет и, конечно, телевидение и Интернет) непрерывно ведут оголтелую пропаганду капитализма американского образца, что разрушает национальную (прежде всего духовную и культурную) идентичность русских и других народов, населяющих Россию. Свежим примером такой подрывной деятельности служит регистрация Минюстом России некоммерческой «ЛГБТ – организации Выход», дислоцированной в Петербурге. Аббревиатура ЛГБТ расшифровывается как «лесбиянки, геи, бисексуалы и транскгендеры». Уставной целью формально является «реализация социально-правовых программ, направленных на защиту прав и свобод гражданина, развитие гражданских институтов, на преодоление дискриминации и нарушений прав граждан по признаку сексуальной ориентации, гендерной идентичности» (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 3 марта). Действительной целью этих и подобных образований, по нашему убеждению, выступает стремление окончательно разложить население России, сделать необратимой демографическую катастрофу, которую она переживает с начала 90-х г.г. прошлого века. Вспомним хотя бы Великую империю Древнего Рима, который, среди прочего, погубила безудержная содомия.

Вместе с тем, по мнению С.Ф.Милокова, невозможно согласиться с позицией Д.А.Шестакова по поводу криминологической и политической оценке событий в Южной Осетии в августе 2008г. С. Ф. Милоков сослался на своё выступление за состоявшимся 26 сентября того же года «круглом столом». [В кратком обзоре тексты выступивших приведены в усечённом виде (см.: Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2009. №1(16). С.225). Полные тексты публикуются в том же журнале, 2009 № 2 (17)]. Прошедшие пять месяцев внесли определенную

ясность в предмет нашей дискуссии, заявил С.Ф.Милюков. Оказалось, что потери среди мирного населения Южной Осетии составили не 1600 – 2000 человек (см.: Шестаков Д.А. Август 2008-го: События в Южной Осетии в свете международного уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. №1. С. 12), а всего 162 человека, о чём официально заявил 23 декабря 2008г. председатель Следственного комитета при Генеральной Прокуратуре РФ А. Бастрыкин (Санкт-Петербургские ведомости. 2008. 24 дек.).

За эти же месяцы резко активизировался процесс свертывания российской Армии. В частности, заявлено о расформировании 77-ой отдельной гвардейской бригады морской пехоты, входившей в состав Каспийской флотилии. Взамен остаётся всего два батальона (!) морской пехоты, один из которых будет базироваться в Каспийске, а другой – в Астрахани (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 3 марта). И это на Северо-Кавказском театре военных действий, которые ежедневно (пока в партизанском формате) ведутся в Дагестане и прилегающих к нему субъектах Российской Федерации. И это в регионе, где в лихорадочном темпе ведется восстановление боеспособности Грузии, наращивается присутствие сил США и других стран НАТО, нарастает угроза в отношении непокорного Ирана!

Убыль регулярной Армии зримыми образами сопряжена с содержанием и наращиванием частных (по существу феодальных) армий в России. Как пишется в том же номере Санкт-Петербургских ведомостей, «в стране на вполне законных основаниях (об этом в 2007 году позаботилась Госдума) создаются частные, то есть корпоративные армии. Так, вооружённые силы «Газпрома» и «Транснефти» призваны контролировать безопасность трубопроводов. При этом они оснащены средствами доставки и могут в любой момент перебросить «нефтегазовые» войска в любую точку страны... Общая же численность силовых структур, нацеленных на борьбу с разного рода внутренними врагами, достигает в РФ 2,5 млн. человек – это больше, чем вся Российская армия!».

Вот одна (и немаловажная) причина того, что в Вооруженных Силах России, как было отмечено С. Ф. Милюковым за упомянутым круглым столом», «по-прежнему остро не хватает современного вооружения, самолетов, вертолётов и военных кораблей. Денежное довольствие военнослужащих, их социальная защищённость и обеспеченность жильём не выдерживает никакой критики».

С. Ф. Милюков отметил положительный процесс отхода некоторых известных криминологов от декоративно-либеральной к патриотически-национальной платформе (особенно ярко эта метаморфоза произошла с высказываниями известного криминолога В. С. Овчинского – см. его огромную статью «Криминология кризиса», опубликованную в январско-февральских номерах газеты «Завтра» за 2009г., где он чуть ли не превосходит в радикализме её главного редактора – известного публициста и писателя А.Проханова). Важ-

но только, чтобы этот процесс стал не данью сиюминутной политической конъюнктуре, а подлинным свидетельством гражданской озабоченности судьбой России, неуклонно приближающейся к грозящей ей катастрофе.

С. У. Дикаев (Россия, Санкт-Петербург) Обратил внимание на то, что в условиях глобализации невозможно получить более или менее полные знания о преступности, если при исследовании её факторной обусловленности придерживаться исключительно рамок национальных границ. Выход при исследовании причин преступности на глобальный уровень наводит на размышления о роли государств, культур, религий в противодействии глобализации преступности. В этом отношении доклад профессора Д. А. Шестакова интересен своей направленностью на поиск гиперпричины глобализации и «окорыстения» преступности. В докладе убедительно показано, что в значительной степени этому способствует глобальная политика отдельных, прежде всего экономически развитых государств. Современный политический расклад в мире таков, что ответ на вопрос: «Каковы перспективы человечества?» зависит от развитых стран, и они несут особую ответственность за судьбу мира. Однако реальность такова, что в мире от голода ежедневно умирают десятки тысяч человек, а подавляющее большинство людей на планете – это нищие и совсем бедные люди. Уже это даёт основание сомневаться в искренности международной политики развитых («цивилизованных») государств, декларирующих общечеловеческие ценности, но ничуть не облегчающих жизнь большинства человечества. В докладе автор убеждает, что США и европейские государства обворовали российских граждан. Здесь следует заметить, что на протяжении многих столетий движущей силой «прогресса» было обворовывание и эксплуатация многомиллионных народов. В этом главные причины нынешнего процветания США, Западной Европы и прочих «оазисов» капитализма. Вековая «привычка» жить за чужой счёт, ограниченность сырьевых и энергетических ресурсов планеты неизбежно ведёт к жесткому соперничеству государств, а преступления против человечности, инициируемые транснациональными корпорациями (ТНК), что мы наблюдаем в Ираке, Афганистане, Палестине и проч., являются идеальным инструментом отстаивания их корыстных интересов.

Россия, втянутая в процесс глобализации, используется глобальной американизированной преступностью (ГАП) как неиссякаемый источник финансирования чужой глобальной, откровенно вредной для России, политики уничтожения государств, ограбления народов и их истребления. Хуже всего то, что власти России подыгрывают этой политике. Здесь можно напомнить о списании Россией восьмимиллиардного (в долларах США) долга Ирака, перешедшего России от бывшего СССР. Этот долг был списан тогда, когда законная власть Ирака была свергнута, а новое правительство ещё не было сформировано. Фактически это списание выглядит как завуалированная схема оплаты Россией злодеяний США и его союзников в Ираке.

Можно напомнить и о действиях наших монетарных властей в период, когда мировой кризис набирал обороты. США и европейские государства сделали финансовые вливания в национальную экономику посредством повышения покупательной способности населения. В России же, наоборот, вливания сделали в банковскую систему, по вине которой и случился кризис. Банки перевели выделенные из резервного фонда рубли в ещё дешёвые доллары и вывезли их из страны. И лишь после решения ими этой задачи правительство начало девальвировать национальную валюту – рубль, усугубляя плачевное положение российских граждан. Многие государства снизили процентные ставки по кредитам, в России кредиты и до кризиса были дорогими, а теперь стали вовсе недоступными. Власти России вовлекли в большинстве своём экономически неграмотный народ в авантюру с ипотечным кредитованием на кабальных условиях. Теперь же банкам с молчаливого согласия властей позволено повышать процентные ставки и отнимать заложенное жильё у тех, кто по глупой, если не сказать преступной, политике Правительства потерял работу. Власти весьма лояльно относятся к деятельности коллекторских фирм, занимающихся «выбиванием» долгов у потерявших работу граждан и по этой причине не способных оплачивать кредиты, узаконив тем самым вымогательство. В условиях кризиса было бы разумным снизить налоговое бремя с простых граждан, снизив единый социальный налог, или введя прогрессивную шкалу налогообложения, но власти поступают прямо наоборот, снижают налог на прибыль коммерческих организаций. По сути, за счёт российского народа спасается бизнес, в том числе и бизнес ТНК, которых никогда не интересовали ни проблемы государств, ни тем более проблемы народа. Такие действия руководителей страны наводят на крамольную мысль: «А не продиктованы ли такие «неразумные» действия их личными интересами и не ходят ли наши власти в сговоре с мировой олигархией?»

В 2005 году, завершая работу над монографией, анализируя повторяющиеся циклы трагедий российского народа, С. У. Дикаев сделал вывод о том, что «нынешний этап в развитии России (централизация власти, борьба с бедностью, ограничение свободы слова и т.д.) следует рассматривать как новый виток использования народа России для очередного накопления, которое будет у него изъято в будущем – возможно ещё при нашей жизни, – если у российского народа не хватит мудрости не наступать в третий раз на одни и те же грабли». Как теперь мы знаем, мудрости не хватило, и российский народ в очередной раз ограблен, но ограблен не без нашего участия.

В своем докладе Д. А. Шестаков выявил корень зла, именуемый глобально американизированной преступностью, теперь нужны исследования по его искоренению. Криминологией должен быть предложен обществу надежный механизм привлечения за провалы в работе государственных деятелей, отвечающих за безопасность и благосостояние народа, к уголовной ответственности. Не к политической ответственности, каковой нет в природе и быть не может.

Е. В. Богданов (Республика Беларусь, Минск). Говорит о том, что проведённое в доктрине преступных подсистем её автором, Д. А. Шестаковым, разграничение понятий преступности и преступного множества придало новое звучание вопросу о соотношении криминологической и юридической стороны преступности. Этот криминолог различает подлинные преступления и преступления мнимые (фиктивные). Если первые обладают признаком общественной опасности безотносительно к тому, запрещены они уголовным законом или нет, то ко вторым относятся деяния, уголовная ответственность за которые установлена законом необоснованно, без явной необходимости. Закон – это не всегда право. Не всё запрещённое законом преступно и не всё разрешённое – не преступно. Следующий важный теоретический шаг Д. А. Шестакова состоит в том, что он ввёл также понятия криминогенного, противоправного и преступного законов. Эти положения дают пищу для дальнейших рассуждений. Нам представляется, что факторами криминогенности закона могут быть: высокая стоимость его реализации легитимными участниками общественных отношений, недостаточное сдерживающее воздействие запретов и ответственности на преступников, преступность самого закона либо необоснованные запреты объективно правомерных форм поведения.

В. И. Поклад (Украина, Луганск). Выделяет социальную функцию криминологии анализ криминальных явлений и своевременный диагноз для последующей работы по «оздоровлению» общества. Современный экономический кризис является «болезнью» реализовавшегося варианта глобализации. Глобальная динамика преступности демонстрирует не только симптомы, но и направления будущего развития общества.

Т. В. Константинова (Россия, Санкт-Петербург). В русле сделанного Д. А. Шестаковым доклада рассматривает человечество как большую семью. В школе преступных подсистем семейная преступность определена как свойство социального института семьи, находящегося на той или иной стадии развития, порождать определённое количество преступлений, в том числе совершаемых внутри семьи (Д. А. Шестаков, В. С. Харламов). Любые преступления, совершаемые вне зависимости от страны и вида преступлений, будут, в известном смысле (при сравнении человечества с большой семьёй), соответствовать внутрисемейным преступлениям.

Внутрисемейное преступление – преступление, совершаемое одним членом семьи, против другого её члена. К числу внутрисемейных преступлений криминофамилика (семейная криминология) относит насильственные преступления, совершаемые как в юридически оформленной, так и в сожительской семье, в том числе т.н. детоубийства.

Современное общество юридически оформленной семьёй назвать затруднительно, оно – сожительская семья. Детоубийства в масштабе человечества – любая смерть человека, связанная с возможностью её предотвращения, вне

зависимости от его возраста (войны, голод и т.д.). При таком подходе возникает вопрос о судьбе. Есть преступления, предполагается наличие судьбы и ответственности. Ответ даётся в Евангелии, там же содержится и предсказание, к чему придёт человечество, обладая свойством преступности и совершая внутрисемейные преступления. Самый долгосрочный криминологический прогноз? Быть может, не такой уж долгосрочный?

Б. М. Ломов (Россия, Тольятти). С позиций семантической концепции Д. А. Шестакова, преступность экономики представляет собой свойство экономических отношений воспроизводить множество опасных для людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи экономических преступлений и их причин. Б. М. Ломовым разработана программа эмпирического исследования в г. о. Тольятти особо тяжких преступлений против личности в сфере экономических отношений. Исследованием будут охвачены уголовные дела, возбуждённые по фактам убийства и причинения тяжкого вреда здоровью. Так же будут изучены розыскные дела, дела по установлению личности неопознанных трупов, материалы, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано. Всего планируется проанализировать более 200 фактов за период с 1993 года по настоящее время.

И. А. Носкова (Россия, Санкт-Петербург). На основании проведённого в Санкт-Петербурге исследования преступлений, совершённых с использованием средств массовой информации, проводит их классификацию в зависимости от наличия или отсутствия в деянии квалифицирующего признака: «использование средств массовой информации».

Как и принявший участие в работе семинара Е. В. Богданов, И. А. Носкова придерживается предложенного в учении о преступности социальных подсистем деления преступлений на преступления в юридическом и криминологическом смысле слова.

Количественному анализу пока поддаются только преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации в юридическом смысле. Статистика совершения преступлений с использованием средств массовой информации в криминологическом смысле отсутствует.

Теперь, изучив динамику совершения преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации в юридическом смысле за 1997-2007 год в Санкт-Петербурге, можно прогнозировать их прирост на ближайшее будущее примерно на 15-40 %.

А. П. Данилов (Россия, Санкт-Петербург). Говорит о том, что здравому смыслу уже давно пора возыметь верх в человеке, вследствие чего мы увидим не просто экономический или любой другой кризис (демографический, продовольственный, экологический), а системный кризис человечества, который в принципе, является вполне закономерным, т.к. всё в мире конечно. Выделяемые Д. А. Шестаковым такие уровни преступной деятельности как внешний государственный и надгосударственный, находят своё преступное воплоще-

ние во всех социальных институтах, которые в масштабе современного мира «заражены» и пронизаны вирусом американской системы поглощения всего и всех для собственных нужд.

Криминология СМИ, политики, экономики, экологии, религии, закона своими инструментами и методами познания должны помочь нам отделить преступное, выделить то зло, которое несёт нам западная цивилизация во главе с США своей культурой, в действительности являющейся антикультурой, потребительской психологией, разнузданной нравственностью, мнимым либерализмом, демагогией о демократии, а в конечном итоге уничтожение человечества вследствие попрания основных библейских добродетелей и заменой их пороками, уже почти не воспринимаемыми обществом в качестве таковых.

Если вспомнить об уничтожении Богом Содома и Гоморры мест разврата, попрания моральных устоев общества, то вывод напрашивается сам собой: иносказательно интерпретируя Библию, можно говорить о том, что развитие человечества в современном направлении движения в скором времени приведёт его к «божественной каре», а попросту говоря к гибели.

А. О. Магуза (Россия, Москва). Поддерживает высказанную Д. А. Шестаковым и другими авторами идею о России как самобытном государстве. В настоящее время российскому обществу следует задуматься о защите своей самобытности и самодостаточности страны как ценностей исторически обусловленного характера. Самобытность нации есть некая уникальная, неповторимая, присущая только ей духовная составляющая. Именно она и обуславливает специфические особенности жизнедеятельности того или иного общества. Без этой составляющей не может быть нации, она расплывается, превращается в объект поглощения другой самобытности. Основной целью западного общества есть проведение политики уничтожения самобытности славянских народов и внедрения своих культурных ценностей на этом пространстве. Но этому процессу противится одна сила, объединяющая эти народы – православная вера.

По окончании дискуссии кратко выступили основные докладчики.

Х. Кури подчеркнул, что, не в первый раз участвуя в заседаниях клуба, теперь, как и прежде он услышал здесь много важного и интересного для себя. Он рад большому числу поступивших ему вопросов и тому, что, по мнению участников семинара, проблема прогноза индивидуального преступного поведения актуальна и для России.

Д. А. Шестаков отметил, что доклад Х. Кури представляет несомненный интерес для российских специалистов, имеющих дело с лицами, совершающими опасные преступления, в особенности для криминологов и психологов. Освещённый в докладе вопрос о критериях прогнозируемой опасности

личности должен вызвать соответствующий отклик. Сам Д. А. Шестаков неоднократно высказывался за использование достижений психологии при реагировании на преступное поведение, за законодательную регламентацию назначения соответствующих мер при освобождении от уголовного ответственности, условном осуждении и условно-досрочном освобождении от наказания. (См.: Шестаков Д. А. Семейная психотерапия и предупреждение преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) // Вестник ЛГУ.– 1989. № 6.– С. 56-61 и др).

Отвечая на полемические замечания, по поводу собственного доклада, Д. А. Шестаков заметил: у меня нет «антиамериканизма» (профессор Гилинский), я даю себе отчёт в том, например, что от нынешнего экономического кризиса, разразившегося в результате злоупотреблений финансовой олигархии, пострадали и рядовые американцы, в том числе мои друзья, но не сами финансисты. Глобально американизированная преступность – это категория, характеризующая состояние наднационального и внешнегосударственного уровней преступности, на которых заметную роль играют транснациональные корпорации преимущественно американского происхождения.

В том, что количество истреблённых в августе 2008-го мирных осетин оказалось на порядок меньше, чем об этом сообщалось под первым впечатлением от нападения грузинской армии на Южную Осетию (профессор Милоков), для меня нет ничего неожиданного. 162 убитых – это мало?! Обычно СМИ при подобных обстоятельствах на порядок искажают информацию. Это нормально и не меняет моего первоначального наброска квалификации действий грузинской стороны и её сообщников. Высказывание об «отходе некоторых известных криминологов от декоративно-либеральной к патриотически-национальной платформе» ко мне не имеет отношения. Я неизменно как стоял, так и стою за сильную, небольшевистскую Россию. (Д. А. Шестаков. Криминология. Краткий курс. Преступность как свойство общества. – СПб., 2001. – С. 248 – 250).

Из бывших диссидентов идейно близкими мне остались немногие, во главе с А. И. Солженицыным, которого Запад поддерживал лишь в разрушительной деятельности, но с раздражением отпрянул от него, когда писатель выступил за «обустройство» России. Новейшая криминология, надеюсь, сохранит национальную традицию критиковать со своих, профессиональных, позиций собственную российскую власть. Пусть даже это не приносит скорую пользу. Верный криминологический прогноз профессора Дикаева о грядущем «новом витке использования народа России для очередного накопления, которое будет у него изъято», увы, подтвердился... Будем лучше прислушиваться друг к другу.

Полные тексты выступлений, прозвучавших на семинаре, будут опубликованы в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра», 2010, № 1 (18).

После семинара состоялось общее собрание Санкт-Петербургского криминологического клуба, на котором избран его новый президент доктор юридических наук, профессор Салман Умарович Дикаев.

Принято решение о принятии кафедры криминологии, конфликтологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел им. Э. А. Дидоренко (заведующий кафедрой – кандидат философских наук, доцент Василий Иванович Поклад) в Санкт-Петербургский криминологический клуб в качестве его коллективного члена. Таким образом, на сей день клуб имеет представительства в Киргизской Республике и Украине.

5. ТЕРМИНЫ, ВВЕДЁННЫЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ Д. А. ШЕСТАКОВЫМ

Внутрисемейное преступление – преступление, совершённое одним членом семьи против другого члена семьи (Шестаков Д. А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор. Канд. дис. – М., 1977).

Глобально американизированная преступность (ГАП) – категория, характеризующая установившееся к началу третьего тысячелетия состояние национального и внешнегосударственного уровней преступности (воспроизводство экономических преступлений, а также преступлений против человечества и военных), на которых заметную роль играют транснациональные корпорации американского происхождения (Шестаков Д. А. Постлиберальный статус криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. № 2(17).

Декаданс уголовного права – достигнутое к началу третьего тысячелетия состояние уголовного законодательства, при котором, с одной стороны, достаточно отточен дифференцированный подход к наказанию и другим мерам, применяемым к лицам, совершившим преступления, с другой стороны, становится очевидной несостоятельность репрессивного подхода к проблеме преступности (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Десоциализация семейная – процесс формирования преступных наклонностей у человека в результате невыполнения семьёй функции приспособления его к условиям общественной жизни (Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980).

Законодательная преступность – свойство законодательства порождать криминогенные и преступные законы (См.: Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Коррекция криминологическая семейных отношений – система мер, направленная на ослабление действия присущих институту семьи причин преступного поведения и на усиление позитивного, антипреступного потенциала семейных отношений (Шестаков Д. А. Криминологические проблемы семейных отношений: автореф. докт. дис. – Л., 1986).

Корыстование – частная криминологическая теория, изучающая воспроизводство корыстных преступлений и противодействие им (Шестаков Д. А., Майоров А. А., Сморгунова А.Л. Криминология. Учебно-образовательный комплекс. Российский государственный педагогический университет. – СПб., 2003).

Криминогенная семья – 1) конкретная семья, способствующая или не противодействующая совершению преступлений её членами или против её членов (разновидности: десоциализирующая, конфликтная); 2) система причин воспроизводства преступного множества, присущих институту семьи (Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980).

Криминологическое законодательство – система законодательных актов, регламентирующих противодействие преступности. Подразделяется на репрессивное (уголовное) и нерепрессивное, в частности, социальное (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Криминология закона – зарождающаяся отрасль криминологии, изучающая взаимоотношенность преступности и законодательства, законодательную преступность, фикцию порождения законом преступления, криминогенные и преступные законы (Шестаков. Д. А. Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестник Санкт-Петербургского юридического университета МВД России. 1999. № 2; Введение // Криминология – XX век / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. – СПб., 2004).

Криминосексология – отрасль криминологии, исследующая закономерности сексуального преступного поведения и противодействия ему (Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Майоров А. А., Криминология. Учебно-образовательный комплекс. Российский государственный педагогический университет. – СПб., 2003).

Кримиотерапия – психотерапевтические меры, направленные на предупреждение преступлений (Шестаков Д. А. Семейная психотерапия и предупреждение преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) // Вестник ЛГУ. 1989. № 6. – С. 56-61).

Криминофамилистика – то же, что семейная криминология (Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980. – С. 14).

Любовной страсти формула – формула, интерпретирующая интенсивность эмоций в межполовых отношениях. Используется в семейной криминологии для объяснения некоторых агрессивных внутрисупружеских преступлений (Шестаков Д. А. Убийства на почве семейных конфликтов. – Л., 1981).

Мнимое преступление – деяние, не обоснованно запрещенное законом под страхом уголовного наказания (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Политическая криминология исследует закономерности взаимосвязи преступности и политики. Рассматривает как правоохранительную, так и преступную стороны политики (Шестаков Д. А. Понятие, предмет, система и перспективы криминологии // Криминология: общая часть: учебник / Под ред. В. В. Орехова. – СПб., 1992).

Понтия Пилата синдром – следование государственной власти общественному желанию жестокости (Шестаков Д. А. Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства. – Тарту, 1989. – С. 66-70).

Постлиберальная криминология – этап развития криминологии с первого десятилетия XXI века, на котором происходит осмысление внешней государственной и надгосударственной, глобальной олигархической преступной

деятельности (Шестаков Д. А. Развитие криминологической науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге (вторая половина XX – начало XXI века) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2008. № 2(15).

Преступление в криминологическом смысле – виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Преступное множество – совокупность преступлений и лиц, их совершивших, в определённой местности (районе, городе, области, стране и т. п.) за определённый период (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Преступность – свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов (Шестаков Д. А.: На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2. – С. 106; Криминология: учебник для вузов. 2-е изд. – СПб., 2006).

Семейная криминология (криминофамилистика) – отрасль криминологии, исследующая специфику преступлений, совершаемых на почве семейных отношений, и прежде всего так называемое внутрисемейное насилие, а также семейные факторы, способствующие различным видам преступной активности: насильственной, корыстной, рецидивной, молодежной, женской и т. д. В ее рамках изыскиваются возможности сдерживания преступности посредством воздействия на семью (Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980).

Состав преступного множества – подразделение преступлений и преступников на их основные разновидности. Два основных криминологических типа преступлений – насильственные и корыстные; соответственно можно говорить о насильственной и корыстной преступности как о свойствах общества порождать указанные типы преступного поведения (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Фикция порождения законом преступлений – фиксация в законе, юридической практике, уголовной статистике и т.д. преступлений, являющихся по существу мнимыми (Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. – СПб., 2001).

Хоссе синдром – убийство возлюбленной (возлюбленного) из стремления воспрепятствовать её (его) любовным отношениям с другим партнером (Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980; Убийства на почве семейных конфликтов. – Л., 1981).

Школа преступных подсистем – представленная группой российских криминологов (Г. Н. Горшенков, С. У. Дикаев., П. А. Кабанов, Г.Л. Касторский,

В.В. Колесников, В. С. Харламов, Д. А.Шестаков) научная криминологическая школа, которую отличают: криминологическое понятие преступления, признаваемого таковым независимо от закона, в силу лишь его опасности для человека; понятие о преступности как о свойстве общества порождать преступления, воплощенном в единстве преступного множества и причинного комплекса; подразделение преступности общества на преступность его подсистем (семейная, политическая, экономическая, информационная, религиозная, гендерная преступность); идея управления преступностью при неизбежном сосуществовании с ней; положения о смене "целей" уголовного наказания и минимизации уголовной репрессии, о гуманизации как главном критерии прогресса уголовного права, о криминологии как о теоретической основе наук уголовно-правового цикла; семантическая методология (Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д. А. Шестакова. – СПб., 2003).

РЕЗЮМЕ

Д. А. Шестаков

ПОСТЛИБЕРАЛЬНЫЙ СТАТУС КРИМИНОЛОГИИ

Криминология вошла в постлиберальный этап своего развития. Внимание её заострено или, по крайней мере, должно быть заострено – в этом ощущается потребность – на международной составляющей преступности, глобальных факторах и процессах её воспроизводства. Постлиберализм не означает отказа от либеральных ценностей, связанных с правами человека, он предполагает их дальнейшее развитие. Так, либерализм требует терпимости к мнениям и свободной критики власти. Но коль скоро мы говорим о терпимости, то не следует ограничивать доступ в науку связанных с религией философских подходов, если мы говорим о критике власти, то будем критиковать также глобальную олигархическую власть, закрепившуюся в современном мире.

Внешний государственный и надгосударственный уровни планетарной преступности сегодня могут быть охарактеризованы как глобально-американизированная преступность (ГАП). В ней проявляется претензия США на однополярное правление миром, эксплуатацию мировой экономики. От финансово-экономической политики США производна противоправная деятельность транснациональных компаний. На этих уровнях преступности должно быть сосредоточено внимание военной, экономической, политической, сакральной криминологии, поддерживаемых невско-волжской криминологической школой.

Противодействие ГАП предполагает укрепление евразийского самосознания, его духовных ценностей, а также выведение национальных экономик из статуса сырьевых придатков Запада. И то, и другое означает отнюдь не конфронтацию со странами Атлантики, но обеспечение в случае необходимости собственного независимого воспроизводства и развития.

Предлагаются пути развития международного уголовного права и инструментов его реализации.

Х. Кури

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ПОВЕДЕНИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ И ОПАСНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ: НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ

В 1990-е годы возросли зарегистрированное число преступлений и дискуссия о таких особых преступниках, как насильственные и сексуальные. В Германии, например, состоялась широкая дискуссия о страхе перед преступлениями. В этой связи также приобрело особое значение обсуждение прогно-

зов опасности, например, задержанных или осуждённых. Были описаны критерии, которые должны соблюдаться в добротном прогностическом экспертном заключении, и освещено то, как они за несколько лет были выработаны в Германии группой экспертов. Представляются результаты анализа внешней экспертизы задержанных, которые показывают, что прогностическое заключение на фоне повышенных требований в последние годы стало качественно лучше, что, однако, возвращает в этой области к большему спросу преимущественно на психологов.

В.С. Харламов

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Молодежная преступность составляет основу для воспроизводства общей преступности. Преступники из числа молодежи авангард насильственно-корыстного криминалитета.

В.С. Овчинский

КРИМИНОЛОГИЯ КРИЗИСА

Истоки глобального экономического кризиса кроются в алчности и лжи. Речь идет о «сильных мира сего», преступной политике США, «элитарных» финансовых мудрецах, которые в погоне за сверхприбылью и сверхвластью не останавливаются ни перед чем. Потребительское сознание поглощает подлинные человеческие ценности, отрицает божественное. В настоящий момент глобальная криминальная финансовая система иных механизмов выхода из кризиса, кроме собственно криминальных, не видит.

В. А. Бачинин

О ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ ВОЙНЫ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Войны являются закономерными историческими явлениями, негативными, деструктивными разновидностями социальных отношений, выступающих в виде открытого вооруженного конфликта между разномасштабными общностями. Духовное измерение войн и их смысл заключается в установлении справедливости при соблюдении обязательных правил их ведения.

В. В. Лунеев

НАЦИОНАЛИЗМ ЖИВУЧ

Жажда кровавой расправы с братскими народами у грузинского руководства всех мастей остаётся доминирующей идеей фикс многие годы.

8 августа 2008 года Саакашвили решил разрубить «гордиев узел», туго завязанный самой историей, пишет В. В. Лунеев. Но узел лишь туго затянулся на нём самом. Восьмёрка оказалась почти петлёй. Александра Македонского из Саакашвили не вышло.

В. С. Овчинский

МИР ПОСЛЕ ПРИНУЖДЕНИЯ

Если имеется адекватный силовой потенциал, способный обеспечить жизнедеятельность государственного новообразования, то последнему можно придавать легитимный международно-правовой статус. Россия давно, с начала 1990-х годов, де-факто признала республики Абхазию и Южную Осетию. В современном мире любые многосторонние соглашения между государствами, которые захотят защитить Южную Осетию и Абхазию, могут иметь легитимную силу. Только необходимо помнить, что после уничтожения военных объектов и инфраструктур должны осуществляться мероприятия по восстановлению нормальной жизнедеятельности, а главное – устраняться причины и условия вооруженных конфликтов.

Ю.В. Голик

ГРУЗИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРИЗНАНА СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Всё когда-то надо начинать с нуля. Государство может быть, а в конкретных случаях и должно быть признано субъектом преступления. Это обусловлено и тем, что в ряде случаев в принципе нельзя установить виновного: процесс принятия решения в современных государственных бюрократиях, как правило, очень сложен и запутан, поэтому нужно ставить вопрос об уголовной ответственности именно государства. Вопрос о формах этой ответственности и способах привлечения к ней – это вопрос будущего.

Е. В. Богданов

СОБЫТИЯ АВГУСТА 2008 ГОДА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

Имеющий место в Южной Осетии социокультурный этнический конфликт и конфликт геополитических интересов может быть решён только в случае отказа стран от использования конфронтационных силовых стратегий поведения в конфликте.

Я. И. Гилинский

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

Нет принципиальных различий в уголовно-правовой оценке действий правительства Саакашвили в Южной Осетии и российского правительства в Чечне. А как с уголовно-правовой точки зрения оценить августовские действия российских властей и командования вооружённых сил, вторгшихся на территорию независимого суверенного государства – Грузии, захвативших грузинские села, города Поты и Гори, расположенных в нескольких десятках километров от столицы Тбилиси? Эти действия как минимум выходили за рамки оказания помощи населению Цхинвали.

С. У. Дикаев

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ

События в Южной Осетии были срежиссированным актом, целью которого послужило создание условий для принятия политических решений, главным образом, по абхазскому вопросу (создание военно-морской базы Черноморского флота России в Абхазии). Россия, несмотря на углубление кризиса, продолжает вкладывать деньги стабилизационного фонда в экономику США. Это даёт основание подозревать российские власти в сговоре с мировой олигархией, сомневаться в искренности заявлений об их озабоченности повышением благосостояния населения, в правильности проводимой экономической и уголовной политики.

С. Ф. Милюков

ВОЙНА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: РЕАЛЬНАЯ ИЛИ ВИРТУАЛЬНАЯ?

Состояние российской армии оценивается как критическое, что крайне неблагоприятно для России на фоне затягивающейся вокруг оставшейся её территории «удавки» американских военных баз. Требуется дополнение Общей и Особенной частей УК нормами, рассчитанными на применение их в военное время или боевой обстановке.

И. Н. Лопушанский

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОБЫТИЙ НА КAVKАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И США

Едва ли правомерны следующие аналогии событий: «Грузия – Южная Осетия» и «Россия – Чечня». Грузинские войска фактически осуществляли этнический геноцид, при котором уцелевшее население Южной Осетии бежало в Россию. Россия же в Чечне боролась против политического режима Д. Дудаева.

А. П. Данилов

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВНЕШНЕГОСУДАРСТВЕННОМУ И НАДГОСУДАРСТВЕННОМУ УРОВНЯМ ПРЕСТУПНОСТИ В СВЕТЕ СОБЫТИЙ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Проявлением внешнегосударственного и надгосударственного уровней преступности является война в Южной Осетии. Подобные конфликты всё ближе подводят государства к открытой конфронтации. Тем самым, противодействие этим уровням преступности становится крайне актуальной задачей в условиях, когда вектор преступной политики США направлен на установление глобального контроля над ресурсами планеты, что, с большой долей вероятности, может привести к мировой войне.

Ю. С. Апухтин

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ: НОВАЯ ЦЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Частные военные компании внесли весомый вклад в повышение боеспособности вооружённых сил Грузии, чем способствовали развязыванию военных действий. Деятельность частных военных компаний непосредственным образом затрагивает вопросы обеспечения безопасности России и её союзников. Вооружённое вторжение Грузии на территорию Южной Осетии вновь поставило вопрос о необходимости специального регулирования деятельности частных военных компаний на международном уровне. Автор предлагает уделить особенное внимание изучению деятельности частных военных компаний в рамках политической криминологии и разработке соответствующего криминологического законодательства.

И. А. Носкова

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ КОНФЛИКТА ГРУЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Проблема искажения средствами массовой информации картины реального мира в очередной раз напомнила о себе примером освещения конфликта между Грузией и Южной Осетией. Военные действия развернулись как территории Южной Осетии, так и на мировом информационном пространстве.

Г. Кайзер

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ БЕЗ СТРАХА СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Идея Франца фон Листа о формировании объединённой науки о преступлениях, нашедшая выражение в Марбургской программе, в современных условиях приобретает новое звучание в связи с криминологическим осмыслением тенденций уголовного права, в частности, сегодняшней тенденции его трансформации из уголовного права «общества всеобщего благоденствия» в уголовное право ненависти.

С. В. Денисов

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Необходимо подвергнуть модернизации цели уголовного наказания, а не функции уголовной ответственности.

Б. Б. Тангиев

**К ВОПРОСУ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ КРИМИНОЛОГОВ
И ДИПЛОМИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Задача обеспечения экологической безопасности страны является приоритетной составляющей национальной безопасности. На правоприменительной практике сказывается нехватка, а порой и вовсе отсутствие юристов-экологов, криминалистов в сфере окружающей среды.

Н. П. Мелешко

**ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Проблемы противодействия домашнему насилию должны начать превалировать в системе противодействия преступности в России. Следует поддержать предложение о принятии специального Федерального закона «О предупреждении домашнего насилия».

Б. Накипов

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Уголовный кодекс республики Казахстан понимает под рецидивом преступлений совершение нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершённое умышленное преступление.

SUMMARY

D.A. Shestakov

THE POST-LIBERAL STATUS OF CRIMINOLOGY

Criminology entered its post-liberal development stage. The attention of criminology is focussed, or at least must be focussed (since there is necessity in it) on the international element of the crime, the global factors and the processes of its reproduction. Post-liberalism does not mean the refusal of liberal values related to human rights, on the contrary, it implies their further development. Thus, liberalism requires tolerance of opinions and free criticism of power. Speaking about tolerance one should not restrict the access of religion-connected philosophical approaches to science; speaking about criticism of power, we'll criticize the global oligarchical power, which is fixed worldwide.

The present-day external national and above-national world crime levels can be characterized as globally-Americanized crime (GAC). There manifests the USA pretension to the unilateral reign in the world, exploitation of the world economy. The criminal activity of the transnational companies is derived from the US financial economic policy. Just to these crime levels the attention of military, economic, political, sacral criminology must be turned – this is done by the Nevsko-Volzhs-kaya criminology school.

GAC counteraction implies the strengthening of Eurazian self-consciousness, spiritual values, as well as bringing the national economies out of the raw materials appendage status of the West. Both things do not mean the confrontation with the Atlantic countries at all, they mean the ensuring of its own independent reproduction and development, if necessary.

The author suggests the ways of development and realization instruments of international criminal law.

H. Kury

PROGNOSIS OF DANGEROUSNESS OF SEX OFFENDERS AND VIOLENT OFFENDERS EXPERIENCES FROM GERMANY

The number of registered crimes and the discussion about selected crimes, like violent and sex crimes, has increased the last decades. In Germany in the 1990s there began a broad discussion about fear of crime. In this context the obtaining of expert opinions on the dangerousness of (incarcerated) criminals became an important topic. The expert testimonies are mostly done by Psychiatrists or Psychologists. The article presents criteria which should be taken into account in a good expert testimony. These criteria were described by a German interdisciplinary expert group few years ago. In the last part of the article the results of an analyses of expert testimonies, written by external experts are presented. The results show

that the expert testimonies on the background of strong criterias about good quality are meanwhile better. The better quality is also due to the bigger engagement of Psychologists in this topic. Meanwhile more Psychologists write expert testimonies about prognosis and their quality in the mean is better.

V.S. Harlamov

YOUTH CRIME IN ST.-PETERSBURG AND ITS PREVENTION BY THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Youth crime makes the foundation for the reproduction of crime in general. Young offenders are in the vanguard of the violent mercenary criminals.

V.S. Ovchinskiy

CRISIS CRIMINOLOGY

The origins of the global economic crisis are traced back to cupidity and falsehood. Here we speak about «the powers that be», the US criminal policy, «the elite financial sages» who stop at nothing in pursuit of superprofits and superpower. The consumer mentality absorbs the real human values and denies the divine things. At the present time the global criminal financial system can find no other ways out of the crisis except the criminal mechanisms themselves.

V.A. Bachinin

THE SPIRITUAL SENSE OF THE WAR: THE EXPERIENCE OF POLITICAL-THEOLOGICAL REFLECTION

Wars are the natural historical phenomena, negative, destructive varieties of social relations which appear as an open armed conflict between the different-scaled communities. The spiritual dimension of wars and their meaning implies the establishment of justice in observing the obligatory rules of warfare.

V.V. Luneev

ENDURING NATIONALISM

The Georgian government thirst for massacre with brotherly nations has been the fixed idea for many years. On August 8, Saakashvili decided to loosen a knot tightly tangled by history itself, Luneev writes. But the knot was tied even more tightly in Saakashvili himself. The figure of eight turned out to be almost a loop. Saakashvili did not manage to become Alexander the Macedonian.

V.S. Ovchinskiy

THE WORLD AFTER THE COMPULSION

If an adequate force potentiality is available, capable to ensure the vital activity of the national new growth, the latter may be given the legitimate international-law status. Since the early 1990-s Russia has recognized defacto the Republic of Abkhazia and the Republic of South Osetia. Nowadays any multilateral agreements between the nations, who are seeking to protect South Osetia and Abkhazia, can be legitimated. One must keep in mind, however, that after the destruc-

tion of military targets and infra-structures it's necessary to take measures to restore the normal vital activity, and what is the most important thing – to remove the causes and conditions of armed conflicts.

Yu. V. Golic

GEORGIA MUST BE RECOGNIZED AS THE SUBJECT OF A CRIME

Everything begins right from the start. A state may be, and in some specific cases, must be recognized as the subject of a crime. The reason is that in a number of cases it's impossible to determine who is guilty: as a rule, the decision-making process in modern state bureaucracies is very complex and confused, therefore we must challenge the criminal responsibility of the state itself.

E. V. Bogdanov

THE AUGUST 2008 EVENTS IN SOUTH OSETIA IN THE CONTEXT OF THE CONFLICT THEORY

The socio-cultural ethnic conflict and the conflict of geopolitical interests which took place in South Osetia can be settled only in case of other states' refusal of confrontation force strategies of conduct during the conflict.

Ya. I. Gilinskiy

ESTIMATION OF SOUTH OSETIA EVENTS: DOUBLE STANDARDS

There are no significant distinctions in the criminal law estimation of the Saakashvili government actions and the actions of the Russian government in Chechnya. But from the criminal law point of view, how must one estimate the August actions of the Russian authorities and the General Headquarters of the Armed Forces, who invaded the territory of Georgia, which is an independent sovereign state, and captured the Georgian villages, the towns of Poti and Gori, located some tens of thousands kilometers from Tbilisi, the capital of the state? These actions went far beyond rendering the assistance to the Tskhinvali population.

S. U. Dikaev

CRIMES IN SOUTH OSETIA AS A POLITICAL PROVOCATION

The events in South Osetia were the producer's act aimed at the creation of conditions for political decision-making, mainly on the Abkhazian matter (the construction of the naval base of the Russian Black Sea fleet in Abkhazia). Despite the crisis intensification, Russia keeps investing the stabilization fund money in the US economy. It is a reason to suspect the Russian authorities of conspiracy with the world oligarchy, as well as to doubt in the sincerity of the statements as to their concern for the general welfare and in the correct course of the economic and criminal policy they pursue.

S.F. Milyukov

THE WAR IN SOUTH OSETIA: REAL OR VIRTUAL?

The Russian army condition can be characterized as critical, that is extremely unfavourable for Russia against the background of strangling its remaining territory by the American military bases. It's necessary to amend the General Part and the Special Part of the Criminal Code, adding the rules to be applied in war-time or in combat zone.

I.N. Lopushinskiy

THE INTERNATIONAL LAW ASPECTS OF CAUCASIAN EVENTS IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL INTERESTS OF RUSSIA AND THE USA

It's hardly lawful to use the following analogies: «Georgia – South Osetia» and «Russia – Chechnya». The Georgian troops were actually committing the ethnic genocide, under which the remaining population of South Osetia migrated to Russia. In Chechnya Russia struggled against the Dudaev political regime.

A.P. Danilov

THE COUNTERACTION TO FOREIGN-NATIONAL AND ABOVE-NATIONAL CRIME LEVELS IN THE LIGHT OF EVENTS IN SOUTH OSETIA

The foreign-national and above-national crime levels resulted in the war in South Osetia. Such conflicts lead the countries closer and closer to the open confrontation. Thereby, the counteraction to the above-mentioned crime levels becomes a vital task in circumstances when the US criminal policy is directed to the establishment of global control over the world resources, which is most likely to lead to the world war.

Yu.S. Apukhtin

THE PRIVATE MILITARY COMPANIES: A NEW AIM OF POLITICAL CRIMINOLOGY

The private military companies contributed greatly to the strengthening of the Georgia Armed Forces fighting efficiency and thus helped unleash a war. The private military companies activity directly touches upon the problem of Russia and its allied states security. Georgia's armed invasion into the South Osetia territory again brought about the necessity of international regulation of the private military companies activity. The author suggests that special attention must be paid to the study of the private military companies activity within the field of political criminology. The proposal of criminological legislation also deserves attention.

I.A. Noskova

THE MASS MEDIA ABOUT THE CONFLICT BETWEEN GEORGIA AND SOUTH OSETIA

The interpretation of the Georgia-South Osetia conflict was just another example of the real life misrepresentation by the mass media. The hostilities started both in the South Osetia territory and in the world information area.

G. Kaizer

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY ARE NOT AFRAID OF CONTACT

Franz von List's idea of the development of a joint science concerning crimes found its expression in the Marburg programme. Nowadays the idea acquires a new sense in connection with criminological comprehension of the criminal law tendencies, among their number the modern tendency of transformation from the criminal law «of the general welfare society» into the criminal law of hatred.

S.V. Denisov

IMPRISONMENT AS A MEASURE OF PUNISHMENT AND SOME ISSUES OF THE CRIMINAL LEGISLATION IMPROVEMENT

It's necessary to modernize rather the criminal punishment purposes, than the criminal responsibility functions.

B.B. Tangiev

THE TRAINING OF CRIMINOLOGISTS AND QUALIFIED SPECIALISTS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SECURITY AND PROTECTION

The task of ensuring the environmental safety is the priority element of the national security. The law enforcement practice is negatively influenced by the shortage and sometimes the absence of lawyers-ecologists and criminalists in the field of environment protection.

N.P. Meleshko

DOMESTIC VIOLENCE IN MODERN RUSSIA: CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF COUNTERACTION

The problems of domestic violence counteraction must be prevailing in the crime counteraction system in Russia. We should support the initiation of the federal law «The Domestic Violence Prevention».

B. Nakipov

THE CONCEPT AND MEANING OF CRIME REPETITION

Under the Republic of Kazakhstan Criminal Code the repetition of a crime is the committal of another deliberate crime by a person who has previously been convicted for an intentional crime.

К НАШИМ АВТОРАМ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В «К:ВСЗ»

ФОРМАТ

Формат (отступы слева и справа; отступ первой строки), стиль, шрифт, размер шрифта, интервалы должны соответствовать формату настоящей памятки.

РАЗМЕР ШРИФТА

Размер шрифта: основного текста — 14; имени автора — 16; сносок — 12.

БУКВА «Ё» И ДЛИННОЕ ТИРЕ

Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е».
Используется длинное тире: (—).

НУМЕРАЦИЯ СТРАНИЦ И СНОСОК

Нумерация страниц — внизу, посередине.

Сноски располагаются в низу страницы, нумерация — постатейная.

Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

ОБРАЗЕЦ ЗАГЛАВИЯ

П. А. Кабанов

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
КОРРУПЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ

ОБРАЗЦЫ СНОСОК

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ В НАЧАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ

* **Павел Александрович Кабанов** — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права (г. Набережные Челны, Россия).

© П. А. Кабанов, 2008.

КНИГА БЕЗ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. — М., 2001. — С.147.

КНИГА С ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРОМ

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004.

ДИССЕРТАЦИЯ

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества.: Дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

АВТОРЕФЕРАТ

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества.: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, ГЛАВА В КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ, СБОРНИКЕ

Харламов В. С. Роль службы участковых уполномоченных в профилактике внутрисемейных насильственных преступлений (по материалам Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — № 1 (2). — С. 89.

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ

Кларисс М. Р. Выбивание долгов//Новая газета.— 2004.— 4 марта.— С. 6 — 7.

РЕЗЮМЕ

К статье должно быть приложено резюме на русском языке, объёмом до 700 знаков (с пробелами), включая имя автора и название статьи, а также перевод названия статьи и аннотации на английском языке.

Резюме не должно содержать в себе вводящих уведомлений, наподобие: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т. п.

Образец оформления резюме

В. А. Бачинин

Фрейд и/или Достоевский: мировоззренческий выбор криминологического сознания

Секулярная основа современной науки в целом и криминологии в частности находится в кризисе. В научной сфере необходимо шире использовать религиозные постулаты и их осмысление.

V. A. Bachinin

Freud and-or Dostoyevski: Ideological Choice of Criminological Consciousness

The secular basis of modern science in a whole and criminology in particular is in crisis. In scientific sphere it is necessary to use more broadly religious postulates and their comprehension.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Автор должен сообщить редакции свои фамилию, имя, отчество, учёную степень, место работы, должность, а также географическое место нахождения работы.

ЖУРНАЛ
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Журнал издается с 2005 года в городе Ставрополе.

Главный редактор – Олег Викторович Старков, доктор юридический наук, профессор, известный специалист в области криминологии и криминопенологии.

В редакционную коллегию входят: А. Я. Гришко, Э. Ф. Побегайло, М. М. Бабаев, А. Я. Вилке, Л. И. Воскобитова, Я. И. Гилинский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунев, С. В. Максимов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, В. А. Номоконов, В. И. Селиверстов, С. Л. Сибиряков, О. В. Филимонов, Д. А. Шестаков, В. Н. Орлов, А. В. Петровский, Л. А. Ефименко.

В журнале публикуются научные статьи на русском языке с аннотациями на русском и английских языках.

ЧАСТНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Частная криминология / Отв. ред. проф., Д. А. Шестаков. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.— 771 с.

Учебник «Частная криминология» — это третья книга, входящая в состав тетралогии по криминологии, выпускаемой в свет под редакцией и при участии президента Санкт-Петербургского криминологического клуба профессора Д. А. Шестакова. По смыслу первая из четырёх книг — Д. А. Шестаков, «Криминология, новые подходы к преступлению и преступности, 2006», вторая — «Частная криминология», третья — «Преступность среди социальных подсистем, новая концепция и отрасли криминологии, 2003».

«Частная криминология» посвящена отдельным проблемам воспроизводства преступного поведения и противодействия ему. К предмету частной криминологии относятся основные типы преступности (корыстная, насильственная), её организованная форма, преступления в сфере социализации несовершеннолетних, преступления, обусловленные демографическими процессами, виктимология.

После выхода в свет «Частной криминологии» на очереди завершающая книга тетралогии, «Криминология в нормативных актах (теория и практика криминологического законодательства)».

Криминология: вчера, сегодня, завтра
Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба
№ 2 (17) — 2009

Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Усл.печ.л. 12,09.

Отпечатано в ООО «ЦКП «Регион-Про»
199106, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 83, офис 336
тел./факс: 449-3917